

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Анна Джейн
**МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ПРИВОРОТ**

500 000

ЧИТАТЕЛЕЙ УЖЕ ПОЛЮБИЛИ ЭТУ КНИГУ!

АСТ представляет:

самая популярная рукопись Рунета теперь в виде книги

Annotation

Можно ли приворожить молодого человека? Можно ли сделать так, чтобы он полюбил тебя, выпив любовного зелья? А можно ли это вообще делать, и будет ли такая любовь настоящей? И что если этот парень – рок-звезда и кумир миллионов?

Именно такими вопросами задавалась Катрина – девушка из творческой семьи, живущая в своем собственном спокойном мире. Ведь ее сумасшедшая подруга решила приворожить солиста известной рок-группы и даже провела специальный ритуал! Музыкант-то к ней приворожился – да только, к несчастью, не тот. Да и вообще все пошло как-то не так, и теперь этот самый солист не дает прохода Кате. А еще в жизни Катрины появился странный однокурсник непрезентабельной внешности, которого она раньше совершенно не замечала.

Кажется, теперь девушка стоит перед выбором между двумя абсолютно разными молодыми людьми. Популярный рок-музыкант с отвратительным характером или загадочный студент – немногословный, но добрый и заботливый? Красота и успех или забота и нежность? Кого выбрать Катрине и не ошибиться? Ведь по-настоящему ее любит только один...

Анна Джейн

Музыкальный приворот

Книга 1

Я хочу сказать спасибо своим родителям. И выражаю искреннюю благодарность троим людям. Марине П. – за всяческую помощь, бесценные советы, вдохновение и поддержку, без которой было бы тяжело. Алене Белан – за веру в меня и в мое творчество. И ее брату Диме Билану – за помощь и содействие в издании.

Все события и персонажи вымышлены, а любые совпадения случайны.

«Можно ли приворожить молодого человека? Можно ли сделать так, чтобы он полюбил тебя, выпив любовного зелья? А можно ли это вообще делать и будет ли такая любовь настоящей?» – писала я на своей страничке в блоге, который вела уже второй год подряд и не собиралась покидать его. Мне нравилось проводить время в Интернете, ибо здесь я встречала куда более адекватных людей, чем в реальной жизни. Хотя, конечно, может быть, это я такая «счастливая», что окружают меня не обычные, а в основном довольно-таки странные личности с кучей тараканов в головах. Из-за них я как-то на досуге даже составила некое подобие «тараканьего рейтинга».

От одного до двух тараканов. Начало процесса разжижения мозга. Моя давняя подруга и соседка по площадке Настя принадлежит к этой категории. Она немного помешана на сильном поле и находится в постоянном поиске собственного прекрасного принца. Идеал ее должен быть ростом от метра восьмидесяти, обязательно светлокожим блондином и иметь голубые глаза (остальные цвета она попросту презирает), а также красивое лицо с правильными чертами и навороченного коня под названием «бентли» или там «феррари». В итоге подружка постоянно остается одна, прогоняя неподходящих поклонников недвусмысленными намеками сходить к матушке нечистого...

От трех до четырех тараканов. Слабая степень разжижения мозга. Моя младшая сестра Нелли страдает этим недугом уже два года. Она ярая поклонница аниме и всяких разных «кавайчиков» мужского пола. Нет, конечно же, любители японской анимации могут быть вполне нормальными людьми, просто у Нельки эта любовь зашкаливает по всем параметрам. К месту и не к месту она вспоминает героев любимых мультиков и часто издает странные звуки типа «ня!», «сугой» или «кавай». Первое время я думала, что сестричка говорит «на» и «ковать», и не понимала, что это – японские словечки, произносимые ею на русский манер. А однажды поддалась на уговоры сестренки и посмотрела вместе с ней на этих ее нарисованных парней-милашек. Стало немного неловко и страшно. За Нельку – ну почему ей парни нетрадиционной ориентации нравятся?

От пяти до семи тараканов. Средняя степень разжижения мозга. К этой категории

относится мой старший брат, который целыми днями сидит у собственного компьютера. У Эдгара красные глаза, плохая осанка и самая настоящая интернет-зависимость. Словно загипнотизированный, он зависает сутками перед монитором и лихорадочно щелкает по клавишам. Иногда он пишет какие-то странные программы, что-то где-то модерирует, но чаще всего просто-напросто играет в онлайн-игры. У него куча виртуальных друзей по всей России и за рубежом, даже в таком Богом забытом месте, как Уганда. Зато в реальной жизни – только один. Такой же задохлик и раб мировой сети по совместительству.

От восьми до десяти тараканов. Среднеповышенная степень разжижения мозга. Мой собственный, единственный и неповторимый папочка имеет честь представлять эту категорию людей. Он – художник-постмодернист. Рисует необыкновенную и просто-таки удивительную гадость. Его среднестатическая картина выглядит так, как будто ее малевал пятилетний ребенок, которому вручили кисти с красками и попросили перерисовать Мону Лизу по памяти. Кроме того, свои ужасные картины папа развешивает по всему дому, и порой мне даже страшно приглашать людей в гости. Вдруг их напугает очередной черно-красно-сине-зеленый шедевр? Кстати говоря, мой родитель очень сильно обижается, когда его работы не понимают и критикуют, зато без ума от комплиментов. Но, надо сказать, и на картины Томаса Радова находят поклонники, а большинство из них с успехом продается в галереях.

От одиннадцати до тринадцати тараканов. Сильная степень разжижения мозга. Такое состояние мозга у младшего брата моего папы, который не разрешает называть себя дядей, и я вынуждена величать его просто Лешей. Он относительно молод – ему двадцать восемь лет, самонадеян и самовлюблен. По моей версии, Алексей – второе воплощение античного Нарцисса. Этот человек без ума от себя, любимого, и делает все возможное, чтобы сохранить свою «неземную красоту» навсегда. Он гордо называет себя метросексуалом и имеет целую коллекцию одежды и обуви. По крайней мере вещей у него намного больше, чем у меня и сестры, вместе взятых. Немудрено, ведь с недавних пор дядя стал дизайнером, а до этого работал моделью. С Томасом они частенько конфликтуют, причем очень забавно. Однажды папа взялся рисовать его портрет, и в результате у обоих произошла утечка мозговых тараканов. У Леша от увиденного на холсте, а у папы от истерических криков брата, вроде: «Это уродство на меня совсем не похоже!» и «Почему у меня четыре когтистые лапы и нет головы?»

От четырнадцати до шестнадцати тараканов. Сильнейшая степень разжижения мозга с осложнениями. А вот сюда относится моя лучшая подруга Нина со славной фамилией Журавль. С виду она кажется милой, общительной и симпатичной – нет, даже красивой девушкой. Роскошные светлые волосы до талии, большие голубые глаза с длинными ресницами, обаятельная улыбка, великолепная фигура, острый ум, манеры, отличные оценки в университете, множество поклонников... На первый взгляд она идеальна. Но это только на первый. На самом деле Нинка помешанная. Ненормальная. Чокнутая. Мало кто знает, что ангельская внешность и показная доброжелательность обманчивы. Несмотря на хрупкий вид, моя подруга отличается своевольным капризным нравом, повышенной наглостью и резкостью. Она никогда не стесняется и не смущается. Манипулирует окружающими. Может очень больно ударить противника. Обхамить сумеет так, что ее слова запомнятся надолго.

Журавлик прекрасно играет роль очень хорошей девочки. И все, кто никогда близко с ней не сталкивался, считают ее примером доброты и милосердия. В университете она умная и отличная девчонка, которая поможет с домашним заданием. В глазах моих родственников – пример для подражания. В театральной студии, где она занималась пару лет, Ниночка – талантливый ангелок во плоти и будущая великая актриса. А уж что думают о ней представители мужского пола!.. Для них она – божественная красotka и умненькая милашка, с которой не стыдно показаться на людях.

В общем, мой пост, который я только что напечатала в блоге, и был как раз про нее, мою дорогую и любимую подругу, превосходно умеющую втравить в неприятности кого бы то ни было. Особенно меня.

А началось все с того, что полгода назад мы всего лишь вместе посмотрели телевизор. Если бы Журавль тогда не щелкала пультом, как дятел клювом по дереву, а спокойно бы дожидалась начала своих любимых ужастиков, то ничего бы, может быть, и не произошло... Впрочем, расскажу все по порядку.

Дело было в Нинкиной квартире, в которую я пришла с ночевкой. Родители подруги уехали в какую-то срочную командировку, вернее, уехал ее всегда занятой папа, а мама как бесплатное приложение отправилась вместе с ним – контролировать. Брат улизнул на день рождения одноклассника, а старшая сестра так обрадовалась отъезду старшего поколения, что убежала в какой-то крутой клуб и обещала вернуться только утром. Ниночке ночевать одной было скучно, и она позвала меня. Вдвоем мы сгоняли в ближайший супермаркет, накупили чипсов, шоколада и газировки – всего того, что в принципе есть вредно, – и удобно устроились перед большим плазменным телевизором. Кажется, мы ждали какой-то очередной душераздирающий ужастик. Несмотря на ангельскую и кроткую внешность, Нинка всякие триллеры и ужасы просто безумно обожает. Когда другие боязливо отводят взгляд от особо кровавой сцены или в трепете отворачиваются от самых страшных монстров, моя подруга раздражается истерическим смехом. Даже когда очередную несчастную жертву режут тупым ножом или совершают над ней какие-нибудь другие нехорошие и тошнотворные манипуляции, Нинка спокойно ест и даже глазом не моргает. Только ржет и комментирует.

В тот вечер она ждала то ли «Возвращения мертвецов-вуду», то ли «Проклятие кровавого некроманта», то ли напумевший триллер «Из ада шлют приветы». До начала очередного шедевра оставалось еще минут двадцать-тридцать. От нетерпения Нинка живо обсуждала всех наших знакомых и высмеивала их недостатки. Сплетничать – вообще ее любимое занятие. Иногда она такое про людей скажет, что хоть стой, хоть падай.

– Эта деревенщина из соседней группы, Наташка Сотникова, меня бесит, – вещала Журавль. – Приперлась из дремучего леса, блин, и возомнила себя королевой. Королева, черт возьми! Если только королева Кривых Ног, ха-ха-ха!

– Чем она тебе не угодила? – поинтересовалась я у нее.

Обвинения Нинки, как правило, безосновательны и субъективны до безобразия.

– Она на меня плохо сегодня посмотрела. Наверняка за глаза обсуждает, косоногое рыло. А эта ее подружка?

– Которая? – потянулась я к пакетику с чипсами, но Нина опередила меня, схватив их первой.

– Это с сыром, мои любимые, – заявила она. – Возьми другие, Катька.

То, что я тоже люблю именно чипсы с сыром, подругу не волновало. Впрочем, я к этому привыкла. С такими, как моя Нинка, или не общаются, или привыкают к ним.

– Ну и что там с ее подружкой? – спросила я, открывая чипсы с беконом.

– А, эта носатая крыса носится за мисс Кривые Ноги, как полоумная, и все вынюхивает, докладывает ей, – выдала Журавль на одном духу.

Видели бы ее сейчас эти самые девушки, ведь обычно с ними подружка мила и приветлива!

– А тебе-то что с того?

– Они вдвоем меня обсуждают, – никогда не страдала от скромности Нинка. – Я это чувствую. Когда этих двоих вижу, у меня уши горят. Верный признак того, что кто-то обо мне говорит.

– Может, они хорошее говорят? – предположила я.

– Ага, конечно. Ты, дорогая, совсем того. С чего Кривой Ноге про меня хорошее говорить? Она же мне завидует. О, а знаешь, кто мне просто мегазавидует?

– Ну и кто?

– Кривой Нос!

– У тебя все кривые.

– Она самая кривая. О, кстати, а помнишь этого... как его... Тропинина, Антона Тропинина. Из нашей группы. Ну, такой, который редко в универ ходит. Похож на лоха, белый, как мыш-альбинос, и в очках? Стремный чувак.

– Естественно, помню, – осторожно ответила я, тут же вспомнив высокого скромного светловолосого паренька со смешной прилизанной прической в больших несуразных очках, абсолютно ему не идущих, – а что?

– Этот парень подкатил ко мне сегодня, когда ты на семинаре у этой козлихи-исторички Арины Петровны задержалась. И на свидание позвал. Я чуть не упала. Я с такими крестинами еще не встречалась. Прикинь, стоит, мнется, шары на меня свои светлые вылупил – ты же знаешь, я люблю больше кареглазых парней – и мямлит: «Ме... бе... пошли...». – Мастерски и несколько утрированно передразнила она несчастного парня.

– А ты что? – заинтересовалась я, не удивляясь, что кто-то в очередной раз решил поближе с ней познакомиться. Нинка выглядит эффектно, поэтому она нравится многим парням и даже мужчинам. То, что ее приглашают на свидания, – дело обыденное. И то, что частенько подруга отфутболивает поклонников, – тоже. А потом рассказывает мне про них смешные гадости.

– Я что? Послала далеко и надолго. На фига мне такой кретин нужен? И вообще ты знаешь мой идеал.

– Знаю.

Всего лишь два слова характеризовали этот идеал. Богатый и красивый. Ни больше ни меньше. У Нины запросы ого-го! Такие же, как и ее самомнение. Хотя, с другой стороны, мужчина в ее глазах может стать идеалом, если он до неприличия богат, – количество денег с лихвой перекрывает красоту.

– А еще меня рыжий Мишка с четвертого курса на свидание приглашал. С клювом вместо носа. Жесть, да? Слушай, если я пользуюсь успехом у таких уродов, это не значит ли, что я сама не слишком хорошо выгляжу? – забеспокоилась Журавлик.

– Все у тебя уроды, – вздохнула я.

Если бы Нинку прослушивали инопланетяне-агрессоры, они бы точно не посмели напасть на нашу планету, подумав, что ее населяют жуткие и неприятные существа.

– Но этот Мишка точно страшила!

– У этого Мишки папа – известный бизнесмен, – невзначай сказала я.

Подруга даже чипсами подавилась.

– Насколько известный? – настороженно спросила она.

Как я и говорила, понятие «богатый» иногда перевешивало второе определение ее идеала – «красивый». Подруга практична – если молодой человек очень обеспечен, то Журавль старается не портить отношения с таким экземпляром. Хотя и в этом ее правиле есть исключение, но о нем я расскажу когда-нибудь позже.

– Намного, – неопределенно ответила я ей. – Я это от девчонок слышала. Они говорили, что Мишка хоть и не красавчик, зато папа у него крутой.

– Ну и ладно. Все равно не стала бы я с этим олухом встречаться. У меня тоже фазер богатый.

Это было истинной правдой. Родитель Нины, в недавнем прошлом владелец небольшого продуктового магазина, каким-то образом открыл риелторскую фирму, которая сейчас успешно процветала. А потом занялся еще каким-то прибыльным бизнесом. Поэтому подруги всегда водились деньги, и совсем немаленькие.

– И вообще красивых парней у нас в городе не осталось. Все какие-то полудефектные, – вынесла суровый вердикт блондинка, засовывая в рот целую кучу чипсов.

При мне она не стеснялась есть как попало, руками, и чавкать при этом, зато при посторонних была богиней эстетизма и культуры.

– А как же Ренат твой? – вспомнила я импозантного молодого человека, который недавно преподнес Нинке шикарный букет цветов.

Подруга с ним ходила на свидания целых пять или шесть раз, а это для нее своего рода рекорд. Дело в том, что если Нинка находит кого-то, кто подходит под описание ее идеала, то разочаровывается в объекте своей любви через два-три свидания и ищет новую жертву.

– Вовсе этот придурок не мой, – сквозь зубы произнесла Нина и запихала в рот целую горсть чипсов. – Шон шне ше шавится тешерь!

– Кто у тебя там шершавится? – не разобрала я.

– Не нравится, говорю, – прожевала она еду, – и не напоминай мне больше об этом квазимодо.

Я покивала головой. Разонравиться парень ей мог из-за любой ерунды. Однажды Нинка бросила молодого человека из-за того, что он не любил уже упомянутые мною фильмы ужасов, а в другой раз она далеко и надолго послала кавалера потому, что тот опоздал из-за пробки на семнадцать с половиной минут.

– Да где это чертово кино? – с грохотом стукнула кулаком по стене девушка. – Сколько можно ждать! Кать, дай пульт, я по каналам пощелкаю. А то скучно.

Вот она и дощелкалась. Лучше бы я тогда этим пультом ей в лоб запустила, честное слово, а потом, правда, стала бы счастливым обладателем сломанной руки, но зато не пережила бы всего того, что пришлось мне испытать.

Но тогда я кинула подруге длинный пульт управления телевизором, она ловко поймала его и стала давить на кнопки. Я же молча ела шоколадку.

– Дебильная реклама. И здесь реклама, – комментировала Нина. – Т-а-а-ак, тут мужланы по полю мяч гоняют. Глупая забава! А тут у нас... О Боже, смотри, какая девка в фильме страшная! На Ритку похожа из школы! Помнишь ее? Ну и морда! Как таких только в актрисы берут!

– Девушка как девушка, – взгляделась я в лицо, показанное операторами крупным

планом.

– Это у тебя вкуса нет и глазомер отсутствует, – не поленилась сказать комплимент подруга и продолжила комментировать программы: – А это кино я видела как-то, мдэ, голливудская тошниловка. Почему главный злодей в каждом таком фильме толкает герою целую речь, пересоленную пафосом, а тот, конечно же, находит способ убить разговорчивого идиота? Вот если бы я была злодеем... – подруга многозначительно замолчала, – хрен бы меня кто убил.

Да, если бы Журавль была злодеем, никто бы не выжил. Она уничтожила бы всех, причем каким-нибудь суперкошмарным способом, а потом еще и лезгинку сплясала на групповой могиле врагов, которую самолично бы и вырыла. В далеком детстве, когда мы играли в бандитов и полицейских всем двором, Нинка всегда становилась на сторону «зла», и бандиты выигрывали с завидным постоянством – она умело ими руководила, как будто бы жила в семье заправских разбойников, как одна из героинь «Снежной королевы».

Подруга продолжала щелкать пультом.

– Тут всегда такую фигню показывают, заснуть можно. Вечным сном. Хе-хе, а тут комментатор на спортивном канале такой тормоз... Пока он рассказывает про одного спортсмена, выступил уже второй и готовится третий. А-а-а, наши биатлонисты! Нет, на такие ужасы даже я не могу смотреть. Ф-у-у-у, безголосая плоскогрудка Ирэн Смит, кто ее вообще выпустил на сцену? Страх какой, – Нинка притворно перекрестилась. – Катька, видишь? Видишь? В этом фильме про летчиков такой хрен снимается, что смотреть страшно. За что ему «Оскар» дали? Лучше бы им по голове ему настучали. Или вместо оной в шею засунули. О, гляди, реклама духов от «Тассо». Жуткий отстой. Меня чуть не вывернуло, как я их поню... – И она неожиданно замолчала.

Я в это время печатала смс на телефоне – сестренка спрашивала, как мы там вдвоем в квартире поживаем, поэтому не видела, из-за чего словесный поток Нины прекратился. Слышала только звук ритмичной тяжелой музыки – во время очередного переключения Журавль попала на музыкальный канал.

Прошло десять секунд, двадцать, тридцать – подруга молчала.

– Ты чего? – забеспокоилась я и повернулась к Нинке.

Она, полукрив рот, словно зомби, смотрела на широкий экран телевизора. Очередная чипсина из ее пальцев выпала и радостно была слопана всеядным котом семейства Журавлей.

– Катя... – прошептала она, подползая к телевизору на коленях. – Смотри, какой...

Я думала, что она скажет что-то вроде «ужасный» или «страшный», но вместо этого я услышала:

– ...милый... – ее тонкий палец с длинным ногтем, украшенным замысловатым маникюром, указал в телевизор, чуть не проткнув плазменный экран.

– Милый? – повторила я, если не с ужасом, то с удивлением глядя на бешено скачущих парней в странных костюмах из черной кожи с заклепками и шипами и раскрашенных, словно индейцы во время войны с бледнолицыми. Парни дергались под сплетенный в единый звуковой поток шум барабанов, ритм– и бас-гитар и что-то то ли пели, то ли кричали на английском языке. – Милый? Нин, ты чего?

– Я в него влюбилась, – все так же тихо произнесла она.

– В кого? – заботливо поинтересовалась я, пытаюсь разглядеть хоть кого-то милого за страшным макияжем и брутальными масками.

– Вон в того, кто поет.

– В него?! Он-то милый?

Певец в кожаном плаще до пола, расшитом бордовой вязью, и с длинными же черными волосами, разметавшимися по плечам, милым мне совсем не показался. Подведенные глаза, алые линзы, по-потустороннему белое лицо, разрисованное диковинными узорами, черные ногти, несколько длинных колец-когтей на пальцах, высокие тяжелые ботинки на толстой подошве и со шнуровкой – во всем этом я ничего прекрасного не находила. Парень громко и надрывно что-то кричал в микрофон, а многотысячная толпа внизу радостно орала и подпевала ему.

– Какой голос... – слабо произнесла Нина, глядя в экран большими умильными глазами.

– Твой фильм уже должен начаться, – напомнила я ей заботливо. – Переключим?

– Не смей! – коршуном вцепилась в пульт подруга, не отрывая глаз от выступающих на сцене. – Записывать, записывать! – заорала она вдруг мне с силой. Я аж отшатнулась.

– Чего записывать, Нин?

– Название группы! Как их там? – подбежала к самому экрану девушка и лихорадочно принялась вбивать в телефон название этого превосходного музыкального коллектива.

– Red Lords, – прочитала я маленькую надпись в левом нижнем углу телевизора, после чего клип закончился и началась вездесущая реклама. – Нина, а ты кино будешь смотреть-то?

– Отстань от меня со своим кино! – огрызнулась она. – Я нашла человека своей мечты, а ты все по своему кино убиваешься. Ах! Какой он офигенный! Вот черт, раньше со мной ничего подобного не было!

Об ужастике она благополучно забыла. Полночи мы просидели в Интернете, где подруга искала информацию об этих самых «Красных Лордах» (так переводилось название группы). Каждый раз, когда она что-либо про них находила, дом оглашался ее воплями.

– Я и не знала, что они такие популярные! – с радостью говорила она, скачивая, наверное, уже пятисотую фотографию парней в очередных странных метало-готичных костюмах. – Какие они красивые... эпатажные. Особенно этот, – ткнула она пальцем в длинноволосого молодого человека, в середине фотографии.

Он отрешенно, словно молодой бог Тартара, смотрел вперед и двумя пальцами держал черную розу. Остальные музыканты, его величественная свита из высших демонов, кривили в улыбках-насмешках темные губы. От розы в руках длинноволосого отлетали лепестки и падали на голый живот валяющейся под ногами парней девушки в белых разодранных старинных одеждах.

– Чем он тебе так приглянулся? – не понимала я, разглядывая музыкантов на других фото.

– Тебе не понять. Ты вообще никого никогда не любила, как я, и не полюбишь, – вздохнула Ниночка.

– Да, я так никого любить не смогу, – преувеличенно согласно отозвалась я, и если бы подруга пребывала не в столь восторженном состоянии, она наверняка бы заметила, как подозрительно быстро я согласилась с ней.

– Я имею в виду – так же страстно, – все же несколько замялась она, заметив вдруг мой печальный, как у пойманной на крючок рыбины, взгляд.

Любые напоминания о любви заставляли частичку меня переживать вновь не самые приятные события, произошедшие в далеком, казалось бы, прошлом.

– И я опять соглашусь с тобой.

– Хм, ну, со мной трудно не согласиться, – отвечала Журавль. – А ты смотри, не грусти, детка-конфетка. Забудь обо всем. Жизнь прекрасна и прочие бла-бла-бла... Ой, смотри, смотри, он до пояса раздетый! Какой милашка! Ой, их альбом докачался, теперь послушаем его голос еще раз!

– Я тебя прямо не узнаю, – ничуть не обиделась я на Нинку, которая помешалась на группе «Ред Лордс» буквально за пару часов. И прямо на моих глазах.

– Ой, помолчи. Ой какие же они популярные! Жалко, конечно, что они не из России...

– Они вообще непонятно откуда, – буркнула я. Судя по многочисленным статьям в Интернете, о парнях этой группы точных сведений не было. Вроде бы все они даже были из разных стран – такая вот сборная музыкальная солянка. Фанаты знали лишь их приблизительный возраст и некоторые интересы.

– Сама ты непонятно откуда. На, почитай, не мешай мне, – вытащила Журавль из горы распечатанного текста пару листочков и всучила мне, – а я пока видео с ними посмотрю. С тобой ведь смотреть невозможно, Радова. Всякие глупости говоришь. Ой, он здесь с хвостиком! Ах! Какое бледное элегантное лицо! Вау....

Мне оставалось только покачать головой. И это говорит гламурная дива, без труда разбирающаяся в фирменных шмотках и мировой моде!

– Такой милый! – было очень непривычно слышать от всегда критичной подруги столько позитивного, адресованного одному человеку!

Милый? Гот какой-то разукрашенный. Таких на улицах целая куча ходит, и почти все высокомерны, как славные потомки месье Наполеона.

– В фан-клуб запишись, – посоветовала я и принялась читать, чтобы хоть как-то отвлечься от полуистерических визгов этой ненормальной.

– Фан-клуб – для нищих умом. – Гордость Нинки мне всегда нравилась. – Что я там забыла? Я сама себе фан-клуб.

Музыканты RL: романтики и метал?

«Red Lords» – известная команда, играющая неформатную музыку, за короткое время покорившая множество душ и завоевавшая обширную аудиторию в самых разных странах мира. После выхода первого же сингла как поклонники, так и критики интересуются не только творчеством «Лордов», но и их личностями. Однако известно о новых героях музыкальной мировой тяжелой сцены немного.

Из очевидного. Группа состоит из шестерых парней со злоеющим гримом, пирсингами, тату и прочей атрибутикой современной неформальной молодежи...

То, как одеты парни и каков у них грим, я благополучно пропустила. Рок я все же не очень любила. Может быть, сказалось музыкальное образование.

...Музыка, тексты, даже имидж группы полностью придуманы самими музыкантами. «Психоделика, символизм, тайна, романтика, безумие, ритмика протеста максималистов и, как ни странно, равнодушие, – это все является добавками, которыми парни приправили свою музыку», – говорит Гуннар Бенгстон, один из ведущих музыкальных критиков Европы, оценивая творчество Red Lords.

Наверняка его купили продюсеры группы... Бенгстон – дядька крутой, известный.

Они исполняют преимущественно тяжелую метал-музыку, хотя постоянно экспериментируют с жанром и называют себя свободными представителями индичечения. Финансово независимы от мейджор-компаний, записываются на собственном

инди-лейбле «RL» и поддерживают многие молодые группы, желающие заниматься творчеством, а не приносить баснословные доходы тем, с кем они подписали контракты...

Молодцы какие!

...Биографии «Лордов» очень туманны, известны лишь незначительные факты из их жизни, примерный возраст и увлечения. Настоящие имена, истинный возраст, семьи и даже национальности тщательно скрываются музыкантами. Причины этого общественности неизвестны...

Неизвестны причины? Три раза ха! По-моему, эта таинственность всего лишь способ «хорошенько пропиариться», как говорит мой дядя, понимающий толк в шоу-бизнесе.

Да, встряла моя Нинка. И я тоже, как оказалось. Но тогда, читая эту лабуду, я, не подозревая об этом, просто уснула.

Мне приснились пятеро молодых людей, чьи лица были скрыты плотными масками. Они громко смеялись и водили вокруг меня хороводы, издевательски напевая: «Каравай, каравай, кого хочешь – выбирай!». Я смотрела на них с глупой улыбочкой, хватала за руку то одного, то другого, и все время почему-то оказывалась в центре, вновь и вновь слыша дурацкую детскую песенку. Потом вдруг послышались раскаты чьей-то визгливой бас-гитары, круг разомкнулся, и ко мне подплыл парень в страшной маске, которая тут же напомнила голову Зверя из «Повелителя мух» Голдинга.

– Ты кто? – спросила я во сне. Ответа мне дано не было.

Под конец сна парни начали медленно растворяться, исчезая в воздухе, а на их месте появилась бледная и растрепанная Нинка, перекрашенная почему-то в брюнетку. Она встала напротив меня, скрестила руки на груди и заявила:

– Тяжелая музыка – это жизнь.

– Чья? – не поняла я ее, собираясь уже проснуться.

– Моя. И твоя тоже.

Сказав это, Журавль тоже исчезла в дымке синего цвета, а меня разбудил кот подружки, улегшийся мне прямо на голову, явно перепутав меня и диванную подушку и принявшись умываться.

Я тут же согнала нахальное животное, явно позаимствовавшее у своей хозяйки не самые лучшие черты характера, и сощурилась от света, исходящего от экрана: Ниночка продолжала сидеть за своим компьютером, глядя документальный фильм, посвященный сами-знаете-кому, и не думала ложиться спать, хотя большие настенные часы показывали уже половину пятого утра...

С этого памятного вечера (а может, уже ночи) моя подруга стала самой настоящей фанаткой группы Red Lords, а заодно и всех групп подобного направления: как зарубежных, так и российских. Теперь идеалом настоящего мужчины для нее стал некий собирательный образ, в который были включены следующие компоненты: кожаная куртка/плащ с заклепками, цепями и ремнями; тяжеленные сапоги, или ботинки со шнуровкой типа «гриндерсов», «каamelотов» и «доктора Мартина», или хотя бы кеды; футболки и штаны цвета хаки и вообще одежда темных, мрачных тонов; нетрадиционная прическа, начиная от длинных волос и кончая фиксированными гелем разноцветными волосами разнообразной длины, уложенными на голову в творческом хаосе... А если у такого типа в руках находился микрофон или гитара, то Нинка вообще сходила с ума от радости. Она умудрилась даже познакомиться с парочкой неформальных парней, и хотя мне казалось, что им будут нравиться только такие же неформальные девушки, как и они сами, я глубоко ошибалась.

Длинноволосая шикарная блондинка была популярна у всех категорий мужчин независимо от их возраста, мировоззрения и принадлежности к субкультурам.

Однако традиционно повстречавшись с каждым из них пару раз, подруга бросила этих ребят к чертям собачьим, сказав мне, что ей нужен «кто-то покруче», желательно настоящий музыкант, который сможет тронуть ее холодное сердце своей музыкой и голосом. И подруга принялась искать новую жертву, потому как со своим идеалом из «Красных Лордов» она встречаться не могла. Журавль могла лишь с упоением слушать музыку кумиров и восторгаться ими на расстоянии. Заодно она стала поклонницей неформатных, тяжелых звуков и экстремальных видов вокала.

Опять же, обо всех этих закидонах знала только я, ее лучшая и единственная подруга. Для всех остальных Нина так и оставалась ангелоподобной глэм-девочкой, которая не может слушать таких ужасных тяжелых исполнителей, предпочитая величественную классику или современный джаз, и вообще рождена, чтобы на арфе играть и под луной петь серенады самой себе.

Через месяц бешеного и тайного поклонения этой группе, а также всему «тяжелому стилю» Нинка нашла себе что-то вроде местного заменителя Red Lords, который буквально за пару дней смог из категории «заменитель» перерасти в категорию «ню-кумиры» – так сильно они понравились моей взбалмошной подружке. Можно сказать, с этого неприятности и начались, а все остальное было предысторией.

«На краю».

Они называли свою команду именно так. И я тоже оказалась на краю, на самом краю то ли комедии, то ли трагедии, то ли полнейшего идиотизма, а может быть, на краю своих чувств. И не только своих.

Итак, кто же понравился Журавлику? Те, кто жили в нашем городе и исполняли ту самую музыку, от которой балдела подруга и закрывала уши я. Да, у нас все больше набирала популярность группа, чем-то неуловимо напоминающая парней из «Красных Лордов». Они играли в похожем стиле: некую смесь тяжелого альтернативного мелодичного рока с мрачными готическими и психоделическими мелодиями, одевались почти так же эпатажно и странно (видимо, это современная тенденция в мире неформальной музыки), имели это глупое название «На краю» и кучу проколотых ушей, носов и даже щек (если пересчитать все пирсинги участников группы, то наберется больше двадцати), а еще у них было множество почитателей. Ярых поклонников. Сумасшедших фанатов.

Журавль впервые познакомилась с этой группой, когда в образе неформалки притащилась с одним из своих парней-скейтеров в рок-клуб. Вернее, парень пригласил ее на концерт любимой группы, а она согласилась пойти. Этой группой и оказалась рок-команда «На краю». За вечер Нина здорово оторвалась на их выступлении, бросила скейлера, влюбилась в этих ребят-музыкантов, за ночь все о них разузнала, а утром прибежала ко мне – делиться эмоциями! После этого и я уже все о них знала...

Непонятная музыка, далекий от меня стиль жизни, загадочные имена-клички: Келла, Арин, Рэн, Фил и Кей – все это самым загадочным образом влилось в мой мир, а я забыла сказать им: «Добро пожаловать!».

Начинали все пятеро музыкантов «НК» в каких-то непрезентабельных местных клубах (в одном из них мне потом пришлось побывать вместе с неугомонной Нинкой, которая едва ли не каждую неделю перевоплощалась из модно и со вкусом одетой блондинки в какое-то подобие неформалки, но больше я с ней по ночным заведением никуда не совалась), а теперь

уже выпустили несколько крутых и жутко популярных синглов, целый альбом, а также сняли три клипа, которые с удовольствием крутили по телику главные музыкальные каналы России. Какие-то кретины из журналистской братии даже называли «На краю» отечественным ответом «Красным Лордам», которые действительно, как я с сожалением убедилась, были известны едва ли не всему миру. Еще одни критики, из другого модного музыкального журнала, пророчили новым Ниночкиным любимцам не меньшую славу, чем у «Лордов», и частенько упоминали, что группа «На краю» вскоре сможет выйти на международную мьюзик-арену без особого труда, став первой ласточкой российской рок-музыки на Западе, где, как известно, наших отечественных исполнителей не особо знают.

Естественно, критиков у группы тоже было немало, и я, наверное, назло подружке, была одной из антифанатов, правда, по большей части я молчала, ехидничая в уме. А вот моя помешавшаяся Нинка была полностью согласна с тем, что ребятки из нашей российской группы очень талантливые и дадут фору этим самым «Лордам». Да, она словно сошла с ума. Фанатичка.

– Я так их люблю! И Гектора, и Кея. Кея и Гектора. Гектора и Кея. Люблю до галлюцинаций, – мечтательно говорила она, сидя на паре в университете.

Немолодой преподаватель что-то силился нам рассказать о великой русской литературе периода реализма, а мы, будущие юристы, совсем его не слушали.

Поясняю, Гектор – это тот самый длинноволосый фронтмен «Лордов», который запал в железное сердце Нины. Кей – лидер группы «На краю», высокий малый с проколотыми ушами, равнодушным взглядом и странной татуировкой-рисунком на щеке. Кроме того, он обладал пепельно-платиновыми шикарными волосами (наверняка крашенными!) и ледяными глазами цвета замерзшего моря (это не я так сказала, это Нинка выдала! И сколько я ее ни убеждала, что море не замерзает, она все равно стояла на своем, заявив, что на море вполне может быть лед, и даже стих написала, посвященный Кею, где словосочетание «глаза цвета ледяного моря» повторилось целых три раза!). А когда я напомнила ей, что кое-кто говорил, будто любит только темные глаза у парней, блондинка лишь фыркнула и сказала, что ее вкусы поменялись.

– Ты чокнутая, – все время говорила я подруге.

Но она только отмахивалась, с маниакальным упорством собирая фото своих любимчиков и кучу информации о них. Плохо говорить про этих рок-ребят мне запрещалось – Нинка пообещала, что если я буду обзывать ее «кумирчиков», то она повесит меня на ближайшем дереве вниз головой, как Кот Базилио и Лиса Алиса Буратино. Охота мне было по такому поводу с ней ссориться? Естественно, нет. Мне оставалось только молча дивиться изменениям в ее поведении и смеяться про себя – раньше-то она терпеть не могла тяжелую музыку и представителей неформальных культур...

Итак, мы сидели на паре, совершенно не слушая старичка-литератора. Я писала лекцию, рисовала какие-то закорючки на полях и одновременно внимала Нинке, которая распиналась о том, что скоро «На краю» даст «мегаулетный концерт», на котором она, Журавль, обязательно побывает.

Перед нами расположились две подружки, наши одноклассницы, которые о чем-то шептались. Нинка, обожающая чужие секреты почти так же, как и ужастики, наострила ушки. Она даже чуть вперед подалась от предвкушения того, что у нее есть возможность узнать чьи-то тайны. Блондинка слушала, фыркала и недоверчиво косилась на сидящих впереди девочек. При этом ее глаза становились все больше, а на лице расплылась странная

полуулыбка.

– Ты чего? – спросила я ее, отрываясь от написания конспекта.

– Не мешай, – прошипела она, продолжая усердно подслушивать.

Всегда изумлялась тому, какой у нее хороший слух. Все прекрасно слышит, да и зрение у нее острое. А вот с музыкальным слухом у подруги все было просто ужасно. Мне, как выпускнице музыкальной школы, было очень тяжело слушать ее завывания в домашнем караоке, но я всегда терпеливо молчала. Сама Нинка считала и считает свой голос великолепным. Кстати, однажды, еще в школе, когда мы учились в классе десятом, девушка, только что пришедшая в наш недружный и большой класс, сказала на новогоднем вечере, что голос у Нинки противный и ей на ухо медведь наступил, потоптавшись там для порядка пару веков. Девочка продержалась целую четверть. Моя хитрая и злопамятная подружка сумела выжить ее не только из класса, но и из школы.

После занятия, когда опечаленный нашим равнодушием к классике реализма преподаватель ушел, Нина вдруг стала любезно ворковать с этими впереди сидящими девчонками: Олей и Надей. Еще недавно она называла этих двух мисс Кривой Нос и Ботаничка-с-приветом, а теперь щебетала с ними так, словно все они втроем были лучшими подругами. Опять, наверное, что-то задумала. Просто так тратить свое драгоценное время на других она не будет. И крутится около одноклассниц не просто так.

Когда завершилась последняя, третья пара и все мы вышли из раздевалки, Нинка сказала мне, загадочно улыбаясь:

– Пошли ко мне, Катринка. Я тебе такую новость скажу, закачаешься, – внезапно ее тон переменялся, сделался очень кротким и уважительным: – Здравствуйте, Александр Борисович! – пропела она.

Наш декан с улыбкой кивнул нам и поспешил дальше по своим важным делам.

– У, пень трухлявый, – зло сказала ему Нинка. Преподавателей она не любила за то, что они были преподавателями.

– Забей на декана. Что у тебя за новость?

– Пошли ко мне, тогда скажу! – схватила меня под локоть Нинка.

– Мне домой надо, – сопротивлялась я. – Нелька скоро из художки придет, а у нее ключей нет – вчера где-то потеряла.

– Вот дура твоя Нелька. Ладно, тогда к тебе пойдём, – решила Журавль. – И вообще у вас семья большая, неужели дома никого не будет, кроме тебя?

– Не будет, – вздохнула я. – Папа уехал рисовать натюрморты к друзьям на дачу...

– Представляю, что за натюрморты получатся, – хихикнула подруга. – Очередная гадость. Зеленое небо в полоску, вместо деревьев – невидимые обычному глазу инопланетяне с тремя хоботами. А вместо солнца – большой-пребольшой глаз навывкате.

Да, родитель и не такое может изобразить. Фантазия у него большая и странная.

– А чего ты тогда при нем его работы хвалишь? Сказала бы, что он дерьмо рисует. Ты его похвалишь, а он мне потом три дня мозги проедает. Мол, Нина такая чудесная, и художественный вкус у нее имеется, и работы мои она понимает. – Я в шутку рассердилась.

– Я говорю так, чтобы меня любили, – опять хихикнула она. – А остальные где?

– Брат оторвал-таки задницу от стула, а очи от монитора и поперся на какой-то флешмоб. А потом он пойдет к другу. Леша еще позавчера уехал на какой-то показ мод в Петербурге. Возомнил себя крутым дизайнером. – Я улыбнулась.

– Могла бы соседям ключи свои оставить, – нашла еще один повод придраться Нинка.

– Я хотела оставить, да некому. Настя сегодня на работе, ее предки и бабушка укатили. Татьяна Олеговна из тридцать шестой уехала к дочери. А с остальными соседями мы не дружим, – вздохнула я.

Что правда, то правда. Мы жили на последнем этаже, и папа с дядей попеременно затапливали соседей снизу. Как-то так получалось, что вода от нас шла не только к тем, кто непосредственно проживал под нами, а во все квартиры нижнего, одиннадцатого, этажа. Иногда даже до десятого протекало. Соседи же постоянно приходили к нам и ругались. Они вообще постоянно устраивали скандалы. Весьма забавные, надо сказать. Считают нас, Радовых, сумасшедшими.

– Как у вас все сложно. Тогда я беру такси, и едем к тебе, дорогуша.

– Как хочешь, – не стала спорить я.

Как я уже говорила, у Ниночки с собой всегда есть приличная сумма денег, и потратиться на такси для нее – сущий пустяк.

Уже через полчаса мы сидели в моей квартире, пили чай и глядели в окно с высоты двенадцатого этажа. Я всегда радовалась, что мы живем так высоко, – вид из окна всегда был отличным, в любую погоду. Да и небо не загораживали другие дома, поэтому я имела счастье в любое время любоваться на любимые облака или на луну со звездами.

– Выкладывай, что ты там узнала?

– Я узнала... Катя, ты просто закачаешься! Короче, эти две дуры, ну, Кривоносая и Ботаничка, базарили об одной тетке, которая занимается магией. Приворотами.

– Фуфло это все, – не слишком верила я в магию. – И что в этом такого?

– Кривой Нос влюбилась по самый свой нос в Анатолия из параллельной группы, – торжественно сообщила Нинка.

Что-то не вижу связи между каким-то там Анатолием и теткой-приворотчицей.

– В Анатолия? – наморщилась я, вспоминая. – Это которого?

– Ну, который темненький и боксом занимается. Вокруг него еще всегда девицы. Не можешь вспомнить? Катя, это лох тот накачанный, который себя крутым перцем возомнил и который с тобой познакомиться хотел в прошлом семестре. Он еще историю права восемь раз пересдавал. Про это все говорили. Что у тебя за память? В общем, она в него влюбилась и пошла к этой тетке, которая занимается приворотами. Между прочим, к ней полгорода ходит, и всем она реально помогает: кому сглаз снимет, кого вылечит, кому неверного мужа поможет найти.

Ну все, приехали, подружка моя совсем не в себе.

– А смысл ей идти? Вокруг этого Толика всегда куча девчонок... – Я замолчала, вспомнив Анатолия. – Слушай, а я ведь их вчера видела. Они за руки шли, когда из универа возвращались!

– Вот видишь? – обрадовалась неизвестно чему Нинка.

– Вижу. Он ей нравится, она ему, вот они и стали встречаться.

– Капец, ты такая глупая! Подай мне вон ту конфетку, – между делом попросила она.

Я машинально протянула ей конфету в яркой красной обертке.

– Что такого в том, что эти двое встречаются? – продолжала я.

– Что такого? Ты видела харю Кривого Носа? – возопила подруга. – Да даже если ей нос исправить, ее лицу понадобится, как минимум, пять пластических операций, чтобы выглядеть нормально!

– Ну, Толя, наверное, так не считает, – философски пожала я плечами, – раз с ней гуляет.

Мне вообще не было до них никакого дела.

– Разуй глаза, Катя! Кривой Нос ходила к ведьме, или как там эта тетка зовется! И ты видела результат!

– В смысле? – не понимала я.

– Построй логическую цепочку, – ласково произнесла Нинка.

Я засмеялась.

– О Боже. Ты хочешь сказать, что Оля обратилась к ведьме, а та ей Анатолия приворожила? Да ну, брось.

– Я брошу в тебя ложку, – пообещала подруга. – Я ведь не зря подслушивала. Нос, или, как ты ее ласково называешь, Оля, на паре рассказывала о том, как она ходила к этой тетке неделю назад. Та провела обряд какой-то. И уже через три дня малыш Толик ей позвонил и пригласил погулять! Ботаничка слушала это и аж прямо вся обзавидовалась. Теперь она тоже пойдет к этой тетке.

– А ты при чем? – я никогда раньше не замечала у Нинки любви к мистике.

– Приворожить хочу, – заявила она.

– Кого? – еще сильнее изумилась я.

Моя красавица подруга и так кого угодно могла в себя влюбить. Но тут хлопнула входная дверь, и послышался звонкий голос Нелли:

– Тадайма^[1]! А вот и я! Чего покушать есть?

– Потом все скажу. Не хочу при ней, – шепнула Нинка тут же.

Через полминуты в кухню вбежала голодная сестра, пришедшая со школы. Нелли худая, как палка, а ест невообразимо много, но все время голодная. В этом она похожа на Нинку. Та тоже худая, а ест, как слон. Вот я изредка сажусь на очередную диету, правда, держусь я на них не больше недели. А эти две...

– Охаё^[2], Ниночка, – поздоровалась сестра с подругой. Та с улыбкой кивнула.

– Как дела, Нелличка? – заворковала она. – Как оценки?

– Все плохо, – сокрушенно произнесла Нелли. – Родителей в школу вызывают.

– Мне, что ли, опять идти? – обозлилась я.

Сестра вела себя в школе просто ужасно. Училась плохо. Изредка хамила преподавателям. Постоянно дралась. В последний раз от нее пострадал мальчишка, которому она цветочным горшком разбила лоб. Нелли говорила, что все это происходит потому, что многим хочется поиздеваться или поприкалываться над ней, заядлой анимешницей, не похожей на остальных. У них в школе существовал целый клуб любителей аниме и манги, и сестра была его постоянным членом. А ребят из этого клуба некоторые действительно недолюбливали, и кто-то из особо ярых противников аниме-движения старался подколоть или унижить их. Нелли, которая с детства отличалась бурным нравом, постоянно лезла на рожон и всем давала сдачи. К этому приложила руки и моя любезная подруга. Нинка самолично обучала сестру, как нужно правильно драться. Трудно поверить, но эта хрупкая блондинка ходила на самооборону и на борьбу.

– Сходи, онэгай симас^[3], – заныла Нелли, – а то мне влетит от завуча-самы^[4].

– А дядя Томас сходить не может? – вспомнила некстати папу Нинка.

Да-да, папу звали именно так. Свое старое имя Тимофей, данное ему моими бабушкой и дедушкой, ему не нравилось.

«Я не смогу реализовать себя как настоящий художник, пока меня будут звать Тимкой», – говорил он.

«Да уж попробуй, реализуй себя как-нибудь, друг мой дорогой Тимка», – говорила в ответ бабушка, считавшая, что ее старший сын с приветом.

«Я не могу быть просто Тимкой! Я буду кем-нибудь другим», – отвечал непосредственный папа. Имя он все же изменил. И действительно, слава пришла к родителю после того, как он поменял свое простое русское имя Тимофей на заморского Томаса. У меня в паспорте, кстати сказать, так и записано, что я – Радова Катрина Томасовна.

Почему Катрина? Ну, как глубоко творческий человек, мой отец не мог жить без выпендрежа, поэтому назвал меня Катриной, а не Екатериной. Все меня зовут просто Катей или там Катькой, Катриной – только изредка домашние, а незнакомые люди, слыша мое имя-отчество, думают, что я немка. Чистокровная, причем. Я все хочу поменять имя в паспорте на нормальное, но никак руки до этого не доходят.

Старший брат, тот самый «компьютерный гений», между прочим, зовется у нас Эдгаром, в честь одного из папиных любимых художников Эдгара-Жермен-Илера де Га (или сокращенный вариант – Эдгар Дега). А вот имя Нельки давалось без папиного присутствия: в момент ее рождения он находился на каком-то там конгрессе во Франции. Поэтому родственники тайком называли девочку Нелли в честь прабабушки. Я до сих пор помню, какой скандал учинил папа, когда вернулся домой и обнаружил, что уже не сможет дать третьему ребенку имя Сельвестина, ибо она уже получила другое.

– Дядя Томас не сможет, – язвительно отвечала я подруге, наливая сестре тарелку супа из большой кастрюли. Наверное, это смешно, но в нашей семье готовить умеет лишь только мой чванливый дядя. Каждые выходные он варит кучу всего на неделю вперед. Запасы стоят у нас в холодильнике, и мы их только разогреваем. Леша ругается, грозит, что готовкой заниматься больше не будет, но все равно делает это. Если бы его многочисленные пассии узнали бы о том, что роковой красавец, модель в прошлом и дизайнер в настоящем, бегаем по кухне с поварешками и в фартуке собственного пошива, они бы от смеха лопнули. – Дядя Томас считает непедagogичным ходить по всяким там школам.

– Непедagogичным? – переспросила Ниночка со смехом.

– А вообще он был у нас недавно, – подхватила Нелли, запихивая в рот печенье, – на родительском собрании. Училка попросила меня потом, чтобы папа больше не приходил.

– Это почему? – заинтересовалась тут же сплетница Нинка, которая считала нашу семью забавной. – Кать, я тоже еще супа хочу. И котлет. Спасибо.

– Пожалуйста, проглот, – ответила я, вновь раскладывая еду по тарелкам и одновременно рассказывая эту историю подруге. – Дядя Томас пришел на собрание после очередной выставки. Точнее, он сбежал с этой выставки, а потом намеревался вернуться обратно. Приперся в школу в костюме из голубой кожи, повсюду порванной и покрытой лаком. Это у них на выставке что-то вроде дресс-кода было – из-за антигламурной тематики.

– Леша этот костюм папе целых три дня делал и при этом страшно ругался, – подхватила сестренка.

Мне тут же вспомнилось, как, вместо того чтобы идти к друзьям на вечеринку, дядя сидел на полу и делал выкройки, а Томас ходил рядом и учил младшего брата правильно резать ножницами и рисовать линии мелом.

– Зачем художникам такой дресс-код? – поинтересовалась Журавль.

– Они там протестовали против моды, – сказала Нелли, усиленно жуя.

– Ага, протестовали, – подтвердила я, глядя на этих обжор. – Собрание было в восемь часов вечера, а Томас сбежал с выставки и очень, по ходу дела, хотел на нее вернуться.

Поэтому он попросил знакомого байкера подвезти его на мотоцикле до школы. Чтобы пробки проскочить. Тот согласился. Подвез. Вместе с ним в школу поехали и его друзья, штук эдак восемь. А так как они, по-моему, все были слегка навеселе, – я выразительно поиграла бровями, – то очень сильно захотели пойти вместе с папой на собрание.

– Папа сказал, что байкеры соскучились по школьным временам и захотели освежить воспоминания, – вмешалась Нелли.

– И как, освежили? – оживилась в предвкушении подруга.

– Освеживали, это будет правильнее, – мрачно сказала я. – Только не воспоминание, а присутствующих. Вломились в класс всей толпой. В своих «косухах», шлемах, кожаных штанах, заклепках, браслетах с шипами. А там как раз куча учителей сидела, несколько завучей и даже директор, потому что обсуждали что-то важное. Они сначала испугались их, а потом, когда узнали, что это «родственники Нелли Радовой», чуть в обморок не попадали.

– Естественно, – хмыкнула сестра. – Никто не хочет ходить в школу, так что учителя думали, что у меня вообще родни нет.

А я продолжала:

– В результате байкеры остались вместе с папой в классе, довели молоденькую математичку до слез своими шуточками...

– Они называли ее «телочкой»!

– ...затем напугали завуча непристойными предложениями, поприставали к родителям и чуть было не устроили «серьезный разговор» с одним из отцов на школьном дворе. Директор, видя это, как можно быстрее закрутился и выставил Томаса и его дружков вон, в вежливой форме, правда... А потом вместе с классной руководительницей попросил Нельку больше не говорить папе приходить в школу до выпускного вечера. Да и на выпускной ему, типа, вовсе не обязательно идти.

– А Леша не пойдет ваш? – вспомнила про второго взрослого моя беловолосая подруга, откровенно смеясь.

– Он не пойдет. Во-первых, я же сказала, что он уехал в Питер, а во-вторых, он тоже один раз был в этом значном месте – в школе, – устало отвечала я.

– И? – подняла на меня большие голубые глаза Ниночка.

– Наша физичка до сих пор его любит. Ну прямо с ума сходит, ба-а-ака, – со вздохом ответила сестра, приканчивая остатки котлеты. – А русичка меня ненавидит люто. Леша с ней встречаться не стал потому что. Хорошо еще, что в этом году она у нас больше не ведет русский. А то она бы меня живьем съела... Как будто я виновата, что она такой крокодил и Лешка ее вообще боялся!

– Я бы тоже на его месте побоялась. Поэтому идти мне, – сделала вывод я. – А в школу таскаться мне совсем не хочется.

– Сходи разочек, – опять заныла сестра. – Эдгар-то не пойдет...

Эдгар точно не пойдет. Посмотрит только на младшую сестру совиными глазами и скажет: «Иди в «Контру» поиграй, не лезь ко мне». Нинка, знавшая это, бестактно захохотала.

– Ладно, так и быть... попозже, – пришлось согласиться мне.

Сестра тут же принялась орать «аригато» на весь дом – это значит японское «спасибо». Нелли на японском совсем помешалась. А ее «ня» меня порой раздражают!

Журавль вдруг подавилась, бурно закашлялась и уставилась на спину Нельки, которая как раз доставала из шкафа чай.

– «Лорды», – хищно произнесла Нинка и вмиг оказалась возле сестры.

– Ты чего? – удивилась та, прекратив верещать.

– Откуда майка? – все так же хищно блестя глазами, спросила голубоглазая девушка.

Я внимательно вгляделась в спину сестры и увидела на ней изображение Нинкиных любимчиков.

– Купила в Интернете, – пожалала плечами счастливая обладательница майки.

– Когда?

– Два дня назад. Они эксклюзивные, их только те, кто в российском фан-клубе официальном состоят, купить могут.

Нинка в фан-клубах принципиально не состояла.

– Ты любишь «Ред Лордс»? – вкрадчиво поинтересовалась она у сестры.

– Ага. Что, и ты тоже любишь? Они такие няшки^[5], да? – обрадовано спросила Нелли. – Ой, а я думала, ты только всякую там классику уважаешь!

Чтобы не терять свой правильный имидж в глазах ребенка, Нина тут же нашлась:

– Нет-нет, что ты, дорогая. Просто наша с Катей подруга из университета их очень любит, прямо с ума сходит. Ей тоже такую майку захочется иметь. А у нее как раз скоро день рождения. Давай я тебе дам денег, а ты ей такую майку закажешь?

Я покачала головой, но ничего не сказала.

– Хорошо, – тут же согласилась Нелли. – А ведь классная группа, послушайте! Хотя вы такую музыку не поймете... Но «Лорды» реально кавайны^[6], круты и популярны!

– Мы знаем, не отсталые, – ответила я ей.

Еще час я с тоской слушала, как Нелли соловьем разливается про «Красных Лордов». Нина делала вид, что впервые о них слышит. Вообще ей было приятно даже просто слушать о своих любимчиках даже то, что она сама давно знала. Я заметила, что собачники, к примеру, готовы слушать разговоры о собаках часами, или, скажем, молодым родителям нравится внимать давно знакомым историям о собственных чадах в пересказе друг друга. И вот фанаты тоже получают фактически физическое удовольствие, слыша сплетни о кумирах.

Потом Нинку вдруг хватилась собственная мать, которая ждала ее, дабы вместе с ней пойти в гости к какой-то высокопоставленной особе. Подруга убежала, оставив гору фантиков и три невымытые чашки. Сестра вскоре тоже куда-то ушла, и я до самого вечера была одна – а это в нашем доме большая редкость. Нет конкуренции за телевизор или за Интернет, и сладкое всегда остается...

Я и думать забыла о какой-то там тетке, которая занимается магией и приворотами. И оказалось, что зря.

То, что задумала моя лучшая подруга, стало известно мне на следующий день.

Была суббота, и в этот день мы не учились (к большой зависти Нельки, у которой в шестой день недели стояло четыре урока). Я спокойно спала в своей комнате, с головой укрывшись одеялом, и видела чудесный сон с милым молодым человеком, который ласково держал меня за руку.

– Ты дорога мне, и я не знаю, как пробыл без тебя все эти годы, – говорил он приятные слова нежным бархатным голосом, а затем вдруг завопил:

– Ну давай же. Отрывай зад от кровати! Подъем! Ку-ку! Алло!

Я открыла глаза и увидела нависшую надо мной Нинку.

– Чего тебе? – прошептала я. – Где этот парень?

– Какой парень? – прищурила умело накрашенный глаз подруга. – Очнись, крошка. Мы опаздываем.

– Куда?

– Туда.

– Это ты, может быть, опаздываешь, – сердито сказала я. – А я никуда сегодня идти не планировала.

– Зато я планировала, – ничуть не смутилась эта сумасшедшая. – Значит, так. Даю тебе двадцать минут. Завтракай, умывайся, одевайся, и пойдём. Такси нас уже ждёт.

– Куда это мы пойдём? И вообще кто тебе дверь открыл?

– Твой братишка, – ответила подруга. – Давай-давай, я не шучу. Через сорок минут мы должны быть на приеме.

– У психиатра? – нехотя вылезла я из кровати и стала нашаривать недавно купленные тапки в виде пушистых зайчиков.

– Не умничай. Руки в ноги, и пулей одевайся.

– Пока не скажешь, куда и зачем – не буду, – заупрямилась я.

– Как ты мне надоела. Ладно, объясняю. Поедем к той самой тетке, привораживать. Я тебе вчера из-за твоей сестрички не успела все рассказать.

– Ты рехнулась? – медленно спросила я, садясь.

– У Кривого Носа подействовало, значит, и у меня тоже подействует! – топнула ногой Нинка. – Я вчера этой тетке звонила и договорилась на сегодня. Она еле согласилась – у нее клиентов море.

– И кого ты там приворожить хочешь? – я хмуро глядела в красивое и раздраженное лицо подруги.

– Там и узнаешь. Ну, Катечка, ну, пожалуйста, ну поехали, – добреньким голоском стала убеждать меня Нина. – Солнышко, я тебя в дорогой ресторан отведу... Мне одной страшно... Милая, пошли, а?

И я согласилась. Если в эту светловолосую голову что-то взбредет, Нинка не успокоится, пока не воплотит в жизнь.

У местной ведьмы мы оказались вовремя. Субботним утром дороги были пусты, и водитель, молодой парень, который явно положил глаз на Нинку, быстро довез нас по нужному адресу, весело насвистывая какую-то мелодию.

– Может, телефончик оставите? – игриво спросил он Нинку, когда она протягивала ему деньги небрежным жестом.

– Пошел на хрен, – нелестно ответила та, захлопывая дверь авто, и первой подскочила к двери подъезда.

Тетка-магичка принимала на дому.

– Извините, – сказала я водителю, – у нее ПМС.

И поспешила следом за Журавлем.

Дом, в котором жила колдунья, ничуть не уступал дому Нины и ее семьи. Двенадцатиэтажная башня с темно-синими лоджиями и с одним подъездом, который, как оказалось, охранялся бдительными охранниками с оружием, производила хорошее впечатление.

– А прикольно ведьма живет, – одобрительно сказала я, осматриваясь вокруг. – Квартиры в таких домах совсем не дешевые.

– Я же говорю. К ней вся городская элита на приемы ходит, – сказала подруга и ступила

на мраморный пол.

Цоканье от ее шпилек тут же наполнило пустое помещение. Мои каблукы стучали менее громко и вызывающе.

Охрана пропустила нас, только позвонив этой самой тетке и уточнив, ждет ли она таких ранних визитеров.

– У нас не такие звери стоят, – сама себе сказала Нинка, заходя в зеркальный лифт.

– И пальм столько у вас повсюду нет, – ехидно сказала ей я. – И паркет не такой начищенный.

Она недовольно посмотрела мне в глаза, но промолчала. А я все равно продолжала считать затею подруги полным бредом.

– Седьмой этаж, – ткнула длинным ногтем в кнопку она, и лифт бесшумно поехал вверх.

– Боишься? – спросила я Нину, пока мы ехали вверх.

– С тобой не очень, – честно призналась она. – Одной жутковато было бы ехать.

Выйдя из лифта, мы направились к квартире под номером 77. Стальная черная дверь с видеоглазком. И не скажешь, что здесь живет человек, занимающийся приворотами.

– Хороший номер квартиры. Как раз для ведьмы, – сказала я, шутя. В магию я не очень-то верила. Наверное, эта тетка просто-напросто хороший психолог, вот и все. А дураки, вроде одноклассницы Оли, верят во всю эту чушь. Только вот как на эту «недомистику» Нинка повелась, интересно мне? Хотя она человек настроения. У нее как что в голову стукнет, так не отпустит, пока она сама в этом не разочаруется.

– Заткнись, – нажала на звонок добрая и вежливая подруга.

Ведьма открыла нам не сразу, а через полминуты. За эти тридцать секунд я еще раз сообщила подруге свою точку зрения на всяческие там привороты-отвороты. Она на меня нехорошо косилась, но молчала.

Открывшая дверь на ведьму не походила вообще. Ну не укладывается в моем мировосприятии, что ведьмой может быть ухоженная девушка лет двадцати пяти, с длинными волнистыми волосами почти такого же темно-орехового цвета, как у меня. Никаких четок, колец, амулетов и прочих магических атрибутов на хозяйке квартиры я тоже не заметила.

– Добрый день, – приветливо сказала нам девушка. – Я Людмила. Проходите, пожалуйста. Мы вас ждали.

Возле ног девушки крутился коричневый щенок, с интересом глядящий на гостей умными светло-кариими глазами.

– Какой милый, – тут же засюсюкала подруга, ненавидящая собак.

– Его зовут Джеки, – пояснила девушка.

– А какой Джеки породы?

– Австралийский терьер, – улыбнулась странная ведьма.

Да, в моем сознании сложился общепринятый стереотип: ведьма – это старая и страшная женщина, лет тридцать назад перешагнувшая бальзаковский возраст.

– Ой, у моих знакомых тоже есть такой. Очень умные песики! Все понимают с первого раза! – стала усиленно гладить собаку Нинка.

Я могла побиться об заклад, что о подобной породе подруга услышала впервые.

– Да, Джеки очень умный. Пожалуйста, проходите. Альбина вас сейчас примет.

– Так это не вы занимаетесь магией? – тут же охладела подруга к щенку и вытерла за спиной руки об обои.

Да уж, прекрасные у кого-то манеры.

Я украдкой погладила зверя. Он почему-то лизнул мне руку теплым языком. Давно хочу собаку, только вот у брата на них аллергия. А у папы аллергия на кошек. У дяди, кстати, тоже есть аллергия, душевная, на всех живых существ, кроме людей.

– Нет, я не волшебник, я только учусь, – процитировала известную фразу Людмила. – Проходите. Чай, кофе, сок?

Она что, действительно на ведьму учится? Как в фэнтези-книжках? Вот умора!

– Спасибо, ничего не на... – начала, было, я.

– Апельсиновый сок. Два. Со льдом, – тут же распорядилась подруга, шагая вслед за юной волшебницей.

Квартира была богато и со вкусом обставлена. Ноги наши утопали в мягком золотистом ковре, а глаза (по крайней мере мои) радовались нормальным картинам в изящных рамках, во множестве висевшим по стенам. Большие окна со светло-желтыми тяжелыми портьерами придавали квартире уют. Светлая кожаная мебель и элегантные украшения интерьера наполнили ее спокойствием.

– Как все желто, – прошипела на ухо Нинка.

– Зато спокойно, – отозвалась я, разглядывая обстановку, выполненную под старину.

– В психушке тоже желтые тона предпочитают, – хмыкнула в ответ подруга. – И вообще вспомни Достоевского.

Наша проводница, неслышно ступавшая перед нами, наконец открыла одну из многочисленных дубовых дверей.

– Вас ждут, – вновь улыбнулась она.

Мы вошли. Огляделись. И поняли, что попали в некое подобие офиса, а не в обитель магии. Никаких свечей, карт и магических шаров. Тут даже положенной для всяких таких заведений темноты не было!

Перед единственным, но большим окном с вертикальными жалюзи высился большой черный стол, на котором светло-серым светом мерцал экран тонкого кристаллического монитора. Справа от стола находился высокий шкаф с многочисленными папками. И слева точно такой же, но с толстыми, явно дорогими, книгами. Перед столом располагались два обитых кожей кресла и удобный мягкий диван.

На высоком стуле за столом восседала коротко стриженная женщина в светло-розовом костюме и с очень ухоженным лицом, которая больше всего напоминала руководительницу среднего звена в какой-нибудь хорошей фирме, нежели гадалку. Ей нельзя было дать больше сорока лет. И какая она ведьма, простите?

– Доброе утро, – кивнула нам женщина. – Присаживайтесь, пожалуйста. Я Альбина.

– Меня зовут Нина, а это моя подруга Катя. Мы очень рады, что к вам попали. Едва записались, – подруга мило улыбнулась, стремясь завоевать симпатии ведьмы.

Женщина кивнула. В это время легкой походкой в комнату забежала секретарша (а кем она еще могла работать у этой, с позволения сказать, волшебницы? Ну не ученицей же?) и поставила перед нами высокие стаканы с ярко-оранжевым соком.

– Если попали ко мне, значит, так должно было случиться, – туманно произнесла Альбина низким приятным голосом, не обращая внимания на вновь прибывшую. – У нас мало времени, и за это я приношу вам свои извинения. Вы можете изложить мне свою проблему, и я постараюсь помочь. Не стесняйтесь и не бойтесь. Я здесь для того, чтобы оказать вам помощь.

Я почувствовала себя словно на приеме у психолога. И образование, наверное, у этой Альбины психологическое. Или психиатрическое, что вернее.

Нинка любила, когда дела делаются быстро, да и хватких людей она тоже ценила. Поэтому подруга, удобно устроившись на диване и закинув одну длинную ногу на другую, уверенным тоном произнесла:

– Во-первых, проверьте нас на негатив и все такое прочее. А во-вторых, нас интересует приворот.

– Меня не надо приплетать! – зашептала я и даже за руку ее дернула, так как сидела близко, но Нинка сказала мне лишь:

– Помолчи.

Женщина уставилась на нас, посмотрела так с минуту, прищурилась и сказала:

– На вас, Нина, почти ничего нет. У вас энергетика сильная. Очень сильная. Правда, вам завидуют много, но я вам скажу, что нужно сделать, чтобы от этого избавиться. А вот у вас, Катя, есть проблемы.

– Какие? – испугалась я. Мы вообще не договаривались с Ниной на такие эксперименты.

– Небольшие. Но есть, и они мешают вам. В основном психологического характера.

– Убрать можете? – деловито произнесла Нинка. Я почувствовала себя не в своей тарелке.

– Могу, конечно.

Альбина встала. Подошла ко мне. Поделала какие-то пассы руками (я в это время инстинктивно зажмурилась), а потом вновь села за свой длинный стол.

– Это все? – потрясенно спросила я.

– А вы думали, я тут заклинания начну читать, взывать к духам и пентаграммы рисовать? – усмехнулась женщина. – Я экстрасенс высокого класса. И опыт у меня большой, поэтому мне хватает пары минут, чтобы просканировать человека и понять суть его проблем.

– А будущее видите? – почему-то обрадовалась подруга, огромными глотками опустошая свой стакан.

– Вижу путь каждого человека. Но говорить не могу – этого делать мне нельзя, – опять напустила тумана Альбина.

Наверняка шарлатанка. Я тоже могу сказать, что вижу будущее, но рассказывать о нем не могу. Мол, мне нельзя, духи запретили и все такое.

Альбина почему-то взглянула на меня, приподняла тонкую бровь, но ничего не сказала.

– Тогда давайте к привороту вернемся. Моя подруга Оля была у вас и очень, знаете ли, осталась довольна. Ей все чудесно помогло! Теперь она счастлива со своим объектом страсти, так сказать.

– Я называю это не приворотами, – ответила женщина, кивая. – А энергетическими зажимами. Но не буду вас мучить теорией. Покажите мне фото своего объекта любви. Кстати, вас предупреждали, что эти мои услуги недешевые?

– Конечно, – энергично махнула головой Нина. – Не беспокойтесь. Средства есть.

Покопавшись в сумочке, она вытащила три фотографии и, немного помедлив, протянула одну из них экстрасенсу. Я изнывала от любопытства – Нинка мне так и не показала, кого ей там вздумалось приворожить.

Я приподнялась и увидела, что с фото на Альбину не улыбаясь смотрит задумчивый Гектор! Лидер «Красных Лордов»! На этой фотографии он был без обычного грима и в черном костюме, поэтому не казался таким же экстравагантным, как всегда. Вроде бы как

обычный парень, красивый, серьезный, только фото сделано профессионалом.

Нина сошла с ума. Чокнулась на фоне любви к этой группе. И она еще что-то там шутила про психушку. Это ведь ей туда прямая дорога! Это то же самое, если бы я сейчас притащила с собой фотографию Джонни Деппа или там Роберта Паттинсона! И сунула бы в руки этой Альбине.

Женщина внимательно уставилась на кусок бумаги и стала водить над ним рукой. Ладонь ее изредка подрагивала, словно наталкивалась на незримую преграду.

– Ты с ума сошла? – прошипела я подруге на ухо. – Ты кого ей принесла??

– Заткнись.

– Это твое любимое слово?

– Моим любимым словом скоро станет «убью». Не мешай работать экстрасенсу.

Поводив рукой, Альбина устало вздохнула и посмотрела на нас. Во взгляде ее не было ничего хорошего. Так обычно на ненормальных глядят в периоды их весенне-осенних заскоков.

– Девочки, – так же устало вздохнула она еще раз. – Шли бы вы домой, а не маялись ерундой. У меня, между прочим, сегодня действительно много клиентов.

– Почему, Альбина? – невинно поинтересовалась Нинка.

– Я понимаю, что выгляжу не слишком молодой и не имеющей понятия о современных молодежных тенденциях, – раздраженно откликнулась экстрасенс, откинувшись на спинку стула, – но я прекрасно знаю, что это за человек. Тем более что мне приходят видения, связанные с ним.

– И что это за человек? – пытливо уставилась на нее фанатка «Красных Лордов».

– Милочка, даже если не брать в расчет «картинок» из моего сознания, где этот парень находится на сцене перед большим скоплением людей, в гриме и с музыкальным инструментом, могу сказать следующее. Я эту группу слышу ежедневно. И лица их вижу тоже каждый Божий день. Моя дочь, знаете ли, их поклонница. Пожалуйста, идите домой.

Наверное, лицо у меня было изумленное. Ничего себе поворотец! На месте Альбины я бы точно нас выгнала! А вот Нина невозмутимо сказала:

– Извините, но мы не хотим домой. Мы хотим, чтобы вы нам помогли. И вообще я вот насчет этого парня пришла.

И на стол к Альбине плавно легла еще одна фотография. Я вновь вытянула шею и увидела на ней белобрысого Кея из второй любимой группы Нинки.

– Он мне нравится. И у меня есть возможность увидеть его, – уверенным тоном проговорила подруга. – Приворожите, пожалуйста. Или сделайте ваши энергетические зажимы. Иначе я совсем рехнусь.

– Ты уже рехнулась, – мрачно проговорила я. – Извините нас, Альбина, мы, правда, пойдем.

– Никуда мы не пойдем, – уперлась Нинка, зло сверкнув глазами. – Я пришла за помощью!

– Тебе помогут, – участливо сказала я, – в больнице.

Вдруг Альбина рассмеялась. Кажется, она подобрела, или Нинкино глупое бесстрашие ей понравилось.

– Ой, девочки, не могу я с вами. Вы прямо как моя старшая дочь. Приворожи мне этого, приворожи того, – мастерски изобразила подростковые интонации женщина. – Ладно, за этого парня возьмусь. С ним еще можно будет чего-то сделать. Но и он человек довольно

известный, хоть и живет в нашем городе. Поэтому будет сложнее. И цена, соответственно, выше. Намного выше, чем обычно.

– Ничего, деньги есть, – пообещала Нинка, победно ткнула меня в бок и задала новый вопрос:

– Альбина, чисто из интереса спрашиваю – а вы теоретически могли бы мальчика с первого фото приворожить?

– Я не ворожу. Я работаю с энергетикой, – машинально ответила женщина. – Чисто теоретически могла бы. Но, знаете ли, на всех известных и сильнейших мира сего стоит мощнейшая защита.

– Защита? – вскинула брови Нинка. – У них у всех что, личные маги есть?

– Экстрасенсы, – вновь поправила ее Альбина, почему-то глядя пальцем с аккуратным маникюром фото. – Естественно, все пользуются нашими услугами.

– Как все непро-о-о-осто, – протянула моя подруга, откидывая назад волосы.

– Жизнь вообще не простая, девочки.

Мне оставалось только изумленно тереть лоб.

От экстрасенса мы выкатились только через час. Я высказывала свои многочисленные претензии по поводу посещения «ведьмы», но эта нахалка меня даже не слушала.

– Ты что, сумасшедшая? – спросила я, едва мы вышли из квартиры. – Ты что за глупости творишь? Я понимаю, что ты вообще уже того, – выразительно покрутила я пальцем у виска, – но меня-то зачем впутывать? Ты бы ей еще фото нашего дорогого президента принесла!

– Слушай, Катрина, помолчи, а? Ну, так может, я просто хотела проверить. А ничего тетка, классная, хоть и обстановочка у нее в доме дебильная, я тебе скажу. Вот что бывает, когда у людей есть деньжата, а вот со вкусом проблемы.

– Это у тебя проблемы! – нажала я кнопку первого этажа. Подруга же просто стояла в лифте и улыбалась все той же фотографии несчастного парня Кея, который еще не знал, что Нинка объявила на него магическую охоту.

– У меня все okay. Теперь я смогу быть с Кеем.

– Может быть, ты попыталась бы сама с ним познакомиться?

Лицо Нинки мигом помрачнело.

– Думаешь, я не пыталась? – рявкнула она. – Мальчики после своих концертов не пускают никого в гримерку. Или пускают «избранных». Из разряда «мы с тобой будем неразлучны всю эту ночь». А потом они быстро-быстро делают ноги. А я, знаешь ли, пока еще не сильна, как сто миллионов мужиков, чтобы прорваться через охрану.

– Неужели у них так охраны много? – искренне изумилась я. – Они же только-только более-менее знаменитыми стали.

– В клубах охрана, балда. На концерты приходят не самые тихие ребятки, кое-кто и на сцену прыгать начинает. А вообще во всем виноват их менеджер – хочет, чтобы дисциплина строгая была. Смотри там, мой пакет не урони, – напомнила мне Журавль.

– Не уроню. То есть в клубах, где они выступают, с ребятками никак не познакомиться?

– Никак. Я пыталась. Куча девок пытались. Однажды я хитростью прошла к их гримеркам и даже встретила гитариста – о Боже, он милашка! – но все остальные куда-то на фиг подевались. Не хотят «На краю» с фанатами общаться. А если иногда с фанами и встречаются, то они все от нашего женского внимания отнекиваются. По-моему, еще ни одной бабе...

– Что за выражения? – возмутилась я, перебивая подругу.

– Отстань. Ни одной еще знакомой мне девчонке не удалось уломать их на общение... И где они живут, никто не знает. Не выследить. Имена настоящие тоже ведь неизвестны.

– А на самом концерте можно познакомиться? – спросила я.

– Ой, дура, – покачала светловолосой головой Нинка. – Как? На сцену, что ли, к ним лезть и орать, чтобы взяли телефончик?

– А магически-то ты его как собралась завоевать, если эти парни такие неуловимые?

– Есть способ, – загадочно улыбнулась она. Напоминание об этом мигом повысило ее неустойчивое настроение.

– Кстати, я тебе обещала в ресторан сходить. Пойдем?

Нина легкой походкой и со счастливой улыбкой шла впереди, размахивала туда-сюда сумкой. Мне же выпала честь нести небольшой пластиковый пакет, в котором лежала «энергетическая» атрибутика, призванная заставить нужного парня проявить романтические чувства к девушке. Атрибутика эта была довольно странная: пирамидка из металлической проволоки, над которой Альбина целых полчаса водила руками, два маленьких бутылка с «особой заряженной водой», несколько круглых и гладких камушков розового цвета и ярко-красный листок картона, на котором были написаны непонятные иероглифы. Сверху всего этого сомнительного богатства лежал листок бумаги, в котором экстрасенс расписала целую инструкцию. В ней значилось:

1. Прийти к дому, рабочему или другому месту постоянного нахождения объекта. Здесь объект должен появляться не менее чем два раза в месяц, чтобы место хранило энергетику объекта.

2. Выпить 1 дозу заряженной воды (1 бутылек или 250 мл).

3. Выполнить контакт «глаза в глаза» с объектом.

4. В течение часа после этого остаться наедине с собой и взять пирамидку Боз (конструкция из проволоки светлого цвета).

5. Левой рукой поводить над пирамидкой и представлять объект (около 3–5 минут по желанию).

6. Прodelать те же манипуляции правой рукой.

7. Вновь выпить 1 дозу заряженной воды (1 бутылек или 250 мл).

8. В месте нахождения объекта спрятать 1 камень любви (цвет от бледно-розового до темно-красного)

9. Вступить с объектом в общение (в течение пяти часов после контакта «глаза в глаза»).

10. После общения выкинуть оставшиеся камни в проточную воду для привлечения особой энергетики.

11. Любовный прямоугольник (10 на 15 см, красного цвета) носить с собой до тех пор, пока объект не начнет проявлять должных чувств.

12. После появления нужного результата листок закопать в земле.

Идиотизм!

Большей глупости я еще не встречала и еще раз уверилась в том, что Альбина – шарлатанка.

– Ну надо же! – всплеснула я руками, когда мы перечитывали эту странную инструкцию,

сидя в небольшом и уютном кафе неподалеку от дома экстрасенса.

Ресторана мы не нашли, а я уж очень хотела есть – из-за спешки не успела позавтракать. Я не Нинка, мне и кафе обычного хватит.

– Как необычно! – разгорелись алчным огнем голубые глаза подруги. – Точно сработает! Моей выразительно поднятой брови и насмешки в глазах эта сумасшедшая не замечала.

– Какая инструкция! И все так четко расписано!

– Ага. И про место с энергетикой объекта, и про чудесную пирамиду, и про любовные прямоугольники. А уж контакт «глаза в глаза»... Забавная инструкция.

– Радова! Я сказала, что сработает, значит, сработает!

Я с той же насмешкой вновь посмотрела на Нинку:

– Ну-ну. Все же я не поняла, ты как собираешься все это проворачивать? И, главное где, если даже не знаешь адреса этого своего белобрысого ненаглядного?

– Обычно. У «На краю» через две недели концерт в клубе «Горизонт». Я тебя таскала туда однажды, и не говори, что не помнишь.

– Помню, – кивнула я ей.

Этот клуб еще надолго останется в моей памяти. Самый дорогой и модный клуб города, в котором, по мнению некоторых представителей прокуратуры, открыто процветала как продажа наркотиков, так и проституция, хорошо врезался мне в память. Нинка с очередным парнем потащила туда на его день рождения. Мне пришлось идти вместе с ней и терпеть ухаживания ужасного и непристойного друга этого молодого человека. Через два часа Журавль с поклонником разругалась и решила напиться. Домой ее волокла я. Нинку стошнило, и только чудом не на меня, а в какие-то чахлые кусты. В результате я привела подругу к себе домой. Иначе бы родители, увидев в таком состоянии дочь, устроили бы ей грандиозный скандал. А мои родственники, которые ничуть не возражали против умеренного употребления спиртного (мол, вы же еще молодежь, вам веселиться надо!), утром отпаивали Нину кофе и давали ей антипохмельные советы.

– Хорошо, что помнишь. Кстати, он как раз тут недалеко расположен... Наверное, это мне знак свыше, что все получится. В общем, у них там большой концерт. Автограф-сессия. И они вроде как решили журналистов пригласить.

– И что?

– Так мы и пойдем. Я уж с журналистским удостоверением точно в их примерку проберусь. Они как раз в этом клубе выступают частенько. – С улыбкой сообщила сумасшедшая подруга.

– Хо-хо. А где же ты удостоверение-то возьмешь? На фотошопе нарисуешь? – ядовито улыбнулась ей в ответ я, попивая горячий ароматный капучино.

Мы сидели как раз напротив большого окна, и мне была видна улица, заполненная спешащими прохожими и многочисленными машинами. Проблемы Нинки казались не более чем ее очередной прихотью.

– Нет, – парировала подруга, принимаясь уже за вторую гигантскую порцию мороженого, – я его возьму в студенческой газете нашего университета. И, пожалуйста, не говори мне, что ты не знала, что у нас есть собственная газета.

Я правда не знала. Но промолчала.

– Так, я сейчас звонок одному начинающему борзописцу сделаю, кстати, – ловко вытащила Нинка из сумки тоненький сенсорный телефон четвертого поколения в ярко-алом пластиковом чехле и набрала чей-то номер. Я только плечами пожала.

– Алло, Славочка? – нежным голосом сказала подруга в трубку. – Славочка, это Нина. Узнал? Ах, так приятно, спасибо. Да-да, я помню, что мы сегодня встречаемся. Нет-нет... Мне так неудобно, Славочка... не могли бы мы перенести нашу встречу с пяти на семь? Ах... Да, милый. Спасибо... Пока-пока.

Она с шумом захлопнула мобильник и скрипучим неприятным голосом произнесла:

– Вот видишь. Я жертвую собой ради моего Кея. Буду встречаться с лопоухим Сеточкиным, с пятого курса журналистики. Этот кретин с кошмарной фамилией – Сеточкин, блин, вот умора! – как раз редактор университетской газеты.

– Ты меня поражаешь все больше и больше. А почему встречу-то перенесла?

– В пять начинается бокс, – честно призналась Нинка. – Мне посмотреть охота.

Она вновь принялась за свое гигантское мороженое. А ведь при остальных ест понемногу и кокетливо говорит, что «кушает как птичка и ей много не нужно». Самое забавное – ей верят.

Я все вглядывалась в толпу, суетливо спешащую по улице. Вроде бы и позднее утро субботнего дня, а людей в центре города немало. И так приятно осознавать, что они куда-то спешат, бегут по делам, торопятся, а ты спокойно сидишь и в свое удовольствие ешь сладкое, запивая чуть-чуть остывшим, но не менее вкусным от этого кофе.

– О, Нин, смотри, – кивнула я, узрев знакомое лицо. – Твой кавалер из нашей группы.

– Где? – задумчиво вгляделась в толпу Нина. Она о чем-то размышляла, ковыряя ложечкой в вазочке.

– Да вон идет. В темно-зеленой толстовке, – кивнула я ей. Тот самый паренек по имени Антон, что неосмотрительно позвал Нинку на свидание, с опущенной головой, но тем не менее быстро передвигался между потоками людей. Потом замер на светофоре.

– А-а-а. Пусть идет. Главное, не ко мне, – махнула рукой Нинка.

Антон этот ее то забавлял, то раздражал. Видно было, что она ему нравится в последнее время, и он действительно смешно вел себя, когда у нас были совместные пары и когда он оказывался рядом. Но его нерешительность, меланхоличное спокойствие и какая-то боязнь всего женского пола Нинке совсем не нравились. К тому же этот Антон не был шибко умным и не учился на пятерки – иначе моя сообразительная подруга сделала бы из незадачливого поклонника личного интеллектуального раба. Парень к тому же часто прогуливал универ, и я даже не знаю, как еще не вылетел за прогулы.

– Вдруг к тебе? Будет валяться в ногах и умолять о любви? – поддела я ее. – Серенады будет петь.

– Не дай Бог! Это же стыд какой будет. Я лучше признаю Кривоносую эталоном красоты, чем буду слушать такой отстой.

– А мне его жалко. Говорят, он один живет. Хотя я точно не знаю, но....

– Тебе должно быть меня жалко, – перебила Нинка. – Пойдем в кино?

С этого дня эта сумасбродка тщательно готовилась к тому мигу, когда ей выпадет возможность приворожить Кея. Она вовсю улыбалась невысокому, худенькому и нескладному Сеточкину и сходила с ним на свидания целых четыре раза. После каждой встречи она приходила ко мне или звонила по телефону и начинала жаловаться на то, как скучно ей было с этим «писклявым комаром-задохликом». Общественность в университете с недоумением считала, что наконец-то Журавль выбрала себе постоянного спутника. Для всех оставалось загадкой, почему местная красавица-милашка предпочла прочим знатым мэнам столь

щуплого и посредственного молодого человека с кафедры журналистики.

Одновременно с этим она делала с помощью Сеточкина себе временное журналистское удостоверение от газеты университета. Газета наша называлась «Созвездие» и выходила каждую неделю. С помощью того же Сеточкина и каких-то его знакомых Нина договорилась о том, что будет присутствовать на пресс-конференции, которую собралась проводить группа «На краю».

Хищница терпеливо ждала свою жертву.

К тому же Нинка обегала кучу салонов, накупила новой одежды и обуви. Меня она тоже терроризировала изрядно. По всем магазинам я ходила вместе с ней и всячески отбивалась от подарков щедрой ко мне подруги. При всем при этом она оставалась спокойной, как удав, а я пыталась над ней подтрунивать, но вывести Журавля из себя так и не смогла.

А еще из-за врожденной вредности Нина решила построить глазки Анатолию, чтобы проверить качество наложенных на него чар. Результат ее обрадовал. Несмотря на то что тот отказался идти с ней в кино, настроение подруги было просто замечательным.

– Вот как классно, правда? – говорила она мне в универе. У нас было окно, и вся наша группа, вместо того чтобы присутствовать на семинаре по уголовному праву, шаталась по всему зданию родного учебного заведения.

– Ага... Невероятно классно. Почти через два месяца экзамены, – грустно проговорила я. – А я вообще ничего не знаю...

– Ох, темнота, – вздохнула подруга, – рядом с тобой я чувствую себя человеком из эпохи Просвещения, попавшего в глубокое Средневековье.

– Чего? Какого еще Просвещения? – Не поняла я.

– О Всемилостивый! Только не говори мне, что ты ничего не знаешь о Просвещении!

– Естественно, я о нем слышала, – задумалась я, – но совсем забыла, когда это было и что там делали.

– Там просвещали таких, как ты, отсталая, – бестактно сказала Нинка и заржала.

– Сама отсталая. – Как назло, мигом вспомнила я об этой эпохе европейской культуры.

Я обиженно стала смотреть в пол, на котором виднелись куски засохшей грязи, – весна в этом году выдалась ужасной.

У Нины память просто зверская. Ей один раз стоит посмотреть на текст или послушать его, как она моментально все запоминает. И на лица у нее память едва ли не фотографическая. Может быть, это и стало причиной ее мстительности – подруга помнила все плохое, что делал ей человек. Один раз, в третьем классе, ее обозвала старшеклассница. Журавль умудрилась запомнить это и когда в прошлом году встретила повзрослевшую обидчицу из школы в университете – та стала аспиранткой, то умудрилась отбить у нее жениха.

– Ну, Катька, даешь! А еще из интеллигентной семьи! – веселилась Нинка.

– Из какой такой интеллигентной семьи? – взорвалась я.

– Ну, мама вас считает интеллигентами, – нашлась тут же девушка. – Она все говорит, а остальные ей поддакивают: какая хорошая, дружная семья у твоей подруги. Интеллигентная! Папа – знаменитый художник, старший брат – дизайнер. Ну, это Леша маме моей представился твоим братом, а она поверила, – пояснила подруга, хорошо передразнивая высокий голос собственной мамы. – И бабушка у них в Союзе писателей России, и дедушка – военный. И Катенька, наверное, такой же интеллигентной будет.

– Не будет, – мрачно сказала я в ответ. Тетя Соня – мама Нинки, почему-то считала нашу

семью очень приличной и воспитанной.

– Катенька у нас будет знаменитым адвокатом, – хлопнула меня по плечу подруга.

– Тоже не будет, – огрызнулась я, все еще обиженная на «средневековье».

– У тебя рожа, как у недовольного ежа! – захихикала Нинка. – Запоминай, пока я жива, порядок культурных эпох. Античность, Средневековье, Возрождение, Просвещение. Не позорься больше.

Я поморщилась.

– Ой, не надо лекций мне читать.

– Ути-пути, наш будущий адвокат обиделся, – ласково погладила меня по волосам Нинка и тут же заметила: – Шампунь поменяй.

– Я вообще юристом не хочу быть, – сказала я.

– А на фига ты тогда сюда поступала? – сердито сдвинула умело подкрашенные брови Нинка. – И меня за собой потащила?

– Это ты сама себя потащила. Какая разница? Куда поступила, туда поступила.

Я не стала рассказывать ей о том, что на юрфак меня едва ли не насильно отправил собственный дядя. В то время деканом факультета была одна из его молодящихся любовниц, которая запихала меня на бюджетное место. Если я скажу это Нинке, то она меня точно засмеет. Она, кстати, после школы вообще никуда не хотела поступать и говорила, что будет моделью. Дядя Витя (папа Нинки) категорически заявил, что он в таком случае содержать ее не будет, ведь, по его авторитетному мнению, средняя дочь еще не доросла до каких-то там моделек. Обиженная и обозленная блондинка долго думала, где же будет учиться. Окончив школу с золотой медалью и превосходно сдав ЕГЭ, подруга могла поступить практически куда угодно. Я долго теребила ее, спрашивая, куда она направит свои стопы тридцать восьмого размера (и это при росте 179 сантиметров!), но девушка только отмалчивалась. Я даже на нее за это обиделась и не разговаривала.

Каково же было мое удивление, когда я пришла в университет 1 сентября и первым делом встретила у входа ухмыляющуюся Нинку.

– А вот и я, – сообщила она мне торжественно. – Мне скучно будет одной учиться. Ты рада?

Тогда я и поняла, что испытывают ребята из гоголевской комедии «Ревизор» в последней знаменитой сцене.

А вот родители Нинки подумали, что это я потащила ее учиться на такую серьезную, по их мнению, специальность, отговорив их дочь от сомнительной карьеры модели, и стали относиться ко мне едва ли не как к родственнице.

Подруга продолжала наседавать:

– Ну, так я не поняла, ты от нечего делать решила в юристы идти, а?

– Да буду-буду я юристом, – сказала я ей в ответ, и чтобы отвлечь ее внимание, добавила: – Гляди, твоя любимая одногруппница Ольга со своим Анатолием.

Эти двое, держась за руки, прошли мимо нас, ничего не видя и не слыша, – настолько были заняты друг другом.

– Фу, – поморщилась Нинка. – Влюбленные. Аж противно. Вот видишь, как ей повезло, Кривому Носу. Если я это проделаю над Кеем, то он точно моим станет. Увидит и обомлеет.

– Пока что от тебя млеет твой Сеточкин.

– Не напоминай мне об этом выродке человечества! – потеряла привычное хладнокровие подруга и выхватила вдруг у меня из рук бутылку колы.

– А чего вдруг? Все вокруг, между прочим, вас знатной парой считают... – продолжала я.

– В прошлый раз мне пришлось вынести пытку! Этот кадр полез ко мне целоваться! Могильное проклятие. Он даже не знал, что изобрели жвачку! Фу-у-у! – она резко открыла крышку от газированной воды, а та, жизнерадостно шипя, полилась на ее новый светлый свитерок, приобретенный в модном магазине не ранее как вчера.

– Твою ж дивизию, а! – не по-женски выругалась Нинка, нашаривая салфетки в своей новой бездонной сумке. Ее настроение портилось все сильнее. – Что за день сегодня такой? Но ничего, я все ради своего Кея вытерплю.

– Фанатичка ты все же, – я помогла оттереть от колы свитер.

– Завистница.

– Клоунесса.

– Крети... а тебе чего здесь надо? – рявкнула вдруг подруга.

– Ты чего? – аж вздрогнула я, проследила за ее недобрым взглядом и обернулась. Возле нас стоял все тот же Антон. В мешковатой толстовке с капюшоном, потертых джинсах, с рюкзаком за плечами, с большими глазами, скрывающимися за стеклами очков, он вообще больше походил на школьника-старшеклассника, чем на студента.

– Чего стоишь? – недовольным тоном спросила подруга у парня. – Иди куда шел.

С теми, кому Нинка отказывала, она вела себя по-хамски – то есть показывала истинную себя. Вроде бы как раз не нужен ей этот человек, так и незачем перед ним строить из себя ангела.

Антон несмело, но по-доброму улыбнулся. Пальцами, наполовину скрытыми длинными рукавами толстовки, он поправил очки в черной толстой оправе.

– П-привет, Нина, – несколько заикаясь от волнения, начал он. – Я хотел бы тебе...

– Что хотел бы? – волком уставилась на парня Нинка.

– Ниночка, я хотел бы...

– Слушай, мальчик, иди-ка ты отсюда со своими хотелками, – бесцеремонно перебила его моя подруга. Парень несколько оторопел, но все же продолжил: – Сделать тебе подарок... Сегодня день анг... – он опять замолчал, видя, какими злыми глазами смотрит на него «истинное лицо» Журавля.

– Какой анг? – прервала его девушка. – Ты задолбал меня, честное слово! Чего надо?

– Нин, да ладно тебе, – тронула я ее за руку. – Прости... – Я хотел подарить тебе подарок, – не мигая смотрел в лицо злоющей Нины Антон и медленно протянул небольшой нежно-фиолетовый сверток, который все это время держал спрятанным за спиной.

Нина взглянула на подарок, который, кажется, своим внешним видом ей совсем не понравился, скорчила какую-то страшную гримасу, подняла выразительно брови и сказала:

– Выброси. Вот дурак. Что там?

– Конфеты... – прошептал он едва слышно.

– Наверняка дешевка, – презрительно скривила ярко накрашенные губы Журавль. – Мне такое дерьмо не нужно. И вообще запомни: я люблю успешных, богатых и красивых. Ты не попадаешь ни под одну категорию, неудачник. Я в туалет, – бросила она мне без перехода, – эта проклятая кола везде. И, Кать, позаботься, пожалуйста, о том, чтобы к моему приходу этого несчастного здесь не было.

Спрыгнув с высокого подоконника, где мы, собственно, и сидели, она, громко стуча каблуками, удалилась. Мне стало неловко. Протянутая рука молодого человека так и застыла в воздухе. На его губах застыла полуулыбка. Наверное, ему неприятно. Мне бы тоже было

неприятно на его месте...

– Извини, ты просто подошел в самое неподходящее время. У Нины сегодня... э-э-э... плохой день, – сказала я.

Он молчал, склонив голову так, чтобы я не видела его глаз, скрытых длинной челкой.

Вот же ситуация, а!

– Руку-то опусти, – посоветовала я. – Антон, не обращай внимания на нее, в душе Нина очень хороший человек, только резкий. Она просто постеснялась взять твой подарок, поэтому и повела себя так. Вот.

О, что же я чушь несу. Постеснялась взять, как же! И одновременно унизила. Ну что же такое? Почему Нинка унижает и обижает, а виноватой я себя чувствую? Я что – мать Тереза?

Я посмотрела на виднеющиеся из-под светлых волос широкие дужки очков и почему-то вспомнила собственного брата. А если бы его кто-нибудь такой же умный, как Нинка, унизил бы? Конечно, сомневаюсь, что братец способен признаться в чувствах кому-то кроме собственного системного блока, ну, или материнской платы, на худой конец. Но все же... Мой родственничек и этот паренек, похоже, одного поля ягоды – оба неуклюжие и зашуганные обществом ребята.

Мне стало жалко этого Антона. К тому же он показался мне по-своему милым.

– Антон, не переживай ты так, – я вновь принялась говорить ему, стоящему с опущенной головой, слова утешения бодрым голосом, – найдешь другую девушку. А у Нины характер сложный. Да... Она и послать может. И таких трехэтажных матов наговорить, что потом аж уши вянут. Давай свой подарок. Я передам его этой сбежавшей зануде. Давай, не бойся.

Я аккуратно взяла из его рук шуршащий оберткой сверток. На миг наши пальцы коснулись друг друга. Я вдруг замерла на мгновение, а когда посмотрела на парня, то заметила, как вдруг его плечи дернулись, а подбородок опустился еще ниже. Я вдруг поняла, почему он так до сих пор не поднял головы.

Мальчики не любят, когда девочки видят, что они плачут.

О Боже!

Он что, плачет?

Даже мой брат последний раз плакал в 13 лет, когда сломал ногу, неудачно поскользнувшись на банановой кожуре в коридоре.

Или, может быть, просто я не видела слез Эдгара?

– У нее сегодня день ангела, – просто сказал Антон, словно перебивая тишину. Голос его был тихим.

– Да? Э-э-э... Ладно, – не зная, как поступить, неуверенно произнесла я. – Я поздравлю ее от тебя. Просто не бери в голову случившееся.

Он очень медленно кивнул мне.

– Вот и отлично. А я пойду, хорошо? Подарок Нина с удовольствием съест – ты не думай. Она жуткая обжо... сладкожка! Ну, пока!

И я неожиданно для самой себя улыбнулась ему и быстрым шагом направилась в сторону туалетов, чтобы встретить Нинку там. Если она узнает, что взрослый парень из-за нее разрыдался, она всему универу об этом растрезвонит.

Мне казалось, что Антон пристально смотрит мне в спину, но когда я все же оглянулась, его в коридоре уже не было.

Подругу, мрачно оглядывающую себя в большое зеркало, нашла в туалете. Ее свитер был безнадежно испорчен.

– Катрина? А я домой пойду. Не смогу отсидеть в таком убожественном виде еще пару.

Об Антоне она больше не вспоминала. Подарок я ей отдавать не стала – выкинет же еще, а мне отчего-то не хочется, чтобы она делала это.

Прости, парень, если обнадежила.

Нинка не вспоминала больше об Антоне, зато это пришлось сделать мне. И произошло это уже через два или три дня. Почему мы встретились опять и почему наша встреча была именно такой, я не знаю. Может быть, нам просто суждено было встретиться вновь?

Я, разговаривая по телефону, переходила улицу. Обе руки у меня были заняты: в одной держала мобильник, в другой – объемный пакет с книжками. Это была учебная литература, которая понадобилась мне для выполнения одного из многочисленных практикумов. Хорошо, что большая городская библиотека находилась совсем недалеко от моего дома. Честно сказать, обычно все эти практикумы помогала мне делать Нинка, но на этой неделе ее общее количество тараканов в голове невероятно повысилось, поэтому она почти совсем забила на учебу – все готовилась к встрече со своим любимым принцем со странным холодным именем Кей. Вот же у человека упорство, вот же стремление! Поставь она перед собой задачу завоевать Нобелевскую премию, у нее и это получилось бы.

Я шла, разговаривая с подружкой Настей по телефону, и не думала ни о чем плохом. А плохое случилось почти что незамедлительно.

Перед проезжей частью пришлось остановиться – пешеходам мрачно горел красный свет. Даже пришлось немного отойти на тротуар – из-за многочисленных дождей дорога была единой сплошной лужей, и брызги грязной воды так и летели из-под колес пролетающих мимо авто.

Рядом со мной стояло еще несколько человек: немолодой курящий мужчина, две бабульки, одна из которых держала за руку непослушного внука, явно желающего искупаться в луже, и паренек-эмо с большими наушниками на черных крашенных волосах.

– Нет, Настя, – говорила я в трубку, не обращая внимания на окружающих, – я даже не знала об этом! У тебя новый парень на примете? А как ты...

И в это время какой-то дурак на той стороне решил перейти дорогу, не дожидаясь зеленого. Он, не очень думая о возможных последствиях, неспешным шагом поперся через проезжую часть. И этого смертника едва не сбила ярко-фиолетовая машина, успевшая затормозить, но все же слегка задевшая парня. Он, естественно, упал на дорогу под громкое оханье бабок. Кажется, не пострадал. Зато в фиолетовую машину чуть было не врезались две другие. Все это произошло едва ли не за долю секунды.

Люди вокруг зашептались, заволновались.

– А чего там дядя в луже сидит? – немедленно занял ребенок. – Я тоже хочу туда.

– Помолчи, Саша, – поморщилась его бабушка. – Это плохой дядя.

– Самоубивец, что ли? – неодобрительно спросила вторая старушка. – Развелось иродов...

– Дурак он, а не самоубивец, – хмыкнул дядька.

Эмо с очень сочувственным видом поглядел на жертву неудавшегося самоубийства и тяжело вздохнул. Он еще бы руку ему пожал в знак солидарности!

Тем временем загорелся зеленый, и все поспешили перейти улицу. Из фиолетовой машины вылезла тетка в дорогом пальто и с красивой, только что уложенной у парикмахера прической. Она, заламывая руки, бросилась к пострадавшему, сидевшему на коленях прямо

на асфальте.

– Я вас не убила? – кричала она истерически. – Как вы?! Что с вами?

– Смотреть нужно, куда бежишь, придурок! – были настроены не столь миролюбиво водители из других машин, которые чуть не попали в ДТП. – Вот же козел!

– Женщина за рулем – вообще упадок общества, – вставил какой-то из мужчин в авто. – Не орите на пацана.

– Со мной все в порядке, извините, – говорил чуть не рыдавшей от ужаса женщине в пальто парень, поднимаясь с асфальта. Кажется, его слегка шатало.

Я, до этого, как и все, глядевшая на молодого человека со смесью жалости и испуга, вдруг поняла, что где-то слышала этот голос. И темно-зеленая куртка кажется знакомой... И фигура, и прическа...

– Настя, я тебе потом перезвоню, – поспешно сказала я в трубку и тут же приблизилась к парню.

– Ты! – обличительно ткнула в него пальцем я. – Это же ты, Антон! Эй, ты как?

Это точно был он. Увидев меня, одноклассник даже попятился.

Чего это у него лицо такое отстраненное? Наверное, от страха, как и расширившиеся зрачки (это я чуть позже углядела).

– Мальчик, ты в порядке? – продолжала звать к нему владелица фиолетовой машины. – Может, в больницу?

– Нет-нет. Не надо, – кинул на нее затравленный или одурманенный взгляд тот. – Извините, я не хотел.

– Ты, правда, в порядке? – сочувственно спросила я.

– Вы его знаете, девушка? – обрадовалась женщина. – С ним все в порядке?

– Э-э-э... наверное, – внимательно посмотрела я на вроде бы живого и не покалеченного парня, опустившего голову, как нашкодивший котенок.

– Девушка, милая, присмотрите за ним, а то я на свадьбу к сестре опаздываю!

– Конечно! С ним все хорошо. Кажется...

– Вот, возьмите мой номер телефона, – сунула почему-то мне визитку она. – Если что, я оплачу медицинские услуги!

Усевшись в свое красивое авто, она умчалась. А мы наконец оказались на другой стороне улицы. Я с жалостью посмотрела на Антона. Его куртка и штаны были мокрые и грязные. На ладонях виднелись ссадины.

– Нигде не болит? – спросила я сочувственно.

– Нет, – помотал головой он, все такой же, наверное, из-за случившегося, отстраненный.

На раздумья мне хватило пары секунд. Почему бы не помочь человеку?

– Пошли, чучело садовое, со мной, – как можно более решительно заявила я. – Ты чего, дальтоник? Цвета не различаешь, что ли, у светофора? Ну же, пошли.

– Куда? – обронил он, но послушно пошел за мной.

– Туда, – кивнула я в сторону своего дома.

Только тогда, когда мы оказались на безопасной дороге, я вдруг поняла – этот чудик хотел совершить самоубийство! И единственная причина такого странного поведения этого парня – моя собственная лучшая подруга. Наверное. Мало ли какие у него еще неприятности в жизни есть? Я ведь о нем почти ничего не знаю, хоть мы и учимся в одной группе с первого курса...

Я похолодела. Несчастные влюбленные – странные создания. Мало ли на что он

способен? Ведь бросился под машину, хотя все обошлось. А если завтра он с горя таблеток наглотается? Или утопится вздумает? А что, мост у нас высокий, хороший. Прыгай – не хочу.

И как раз вчера по местному телеканалу показывали длиннющий репортаж о самоубийцах: по статистике, в год из жизни добровольно уходит около одного миллиона человек в мире. Жителей нашей страны – около пятидесяти пяти тысяч. За последнее десятилетие число самоубийств среди молодежи выросло в три раза, и одна из главных причин этого – неразделенная любовь. К тому же наша страна занимает первое место по количеству подростковых самоубийц. А, да и мужчины доводят это дело до конца куда чаще, чем женщины... К тому же считается, что большой процент ДТП с единственной жертвой – фактически суициды.

Вспомнив все это, я похолодела и сжала руки в кулаки. Тропинин, ты что, дурак?!

– Эй, – окликнула я однокурсника, – ты специально это сделал?

Антон очень медленно кивнул. Расширившимися зрачками он глядел прямо на меня, склонив голову, и молчал.

Мои страшные догадки подтвердились. Теперь надо во что бы то ни стало отвлечь его от грустных мыслей. Почему этим должна заниматься именно я, я в тот момент не думала. Просто хотела помочь парню.

– Куда мы? – вновь спросил он тихо.

– Пошли ко мне, одежду почистишь, – вздохнула я. – Я как раз недалеко живу.

– Но... – попытался, было возразить этот неудачник.

– Не бойся. У меня дома только брат. Вы с ним роста одного, он тебе одолжит одежду.

– Я не хочу тебя беспокоить, – почти прошептал он.

– Ты меня и так уже побеспокоил. Пошли-пошли. Мой дядя вчера вкусные пирожные сделал. Попробуешь.

Ой, что же за чушь я несу? Леша действительно сделал пирожные. Но, думаю, этому Антону от такого заявления радостно не будет.

– Пошли, – я улыбнулась во все зубы, хотя мне было страшновато. – Тут пару минут всего идти.

И он пошел. Двигались мы странно. Я впереди, а он позади меня, ступая след в след. Ну прямо как собачка. Иногда я оборачивалась на него и пару раз видела, как он прикрывает закусенные губы ладонью. Ему плохо?

Вот же Нинка гадина! Сама напортачит, а я разгребай! А ведь моя подружка сейчас сидит в салоне красоты – ей то ли новый дизайн ногтей делают, то ли прическу. Я же тут фактически психологом-спасателем работаю. Но все-таки как можно взять и оставить на улице несчастного человека, похожего на котенка со светлой шерсткой?

– А вот и мой дом, – радостно изрекла я, указывая на родную двенадцатиэтажку. – Мы на последнем этаже живем. Вид с окна – закачаешься! Посмотришь сверху на мир, на реку, на городской парк, и жить хочется, – выделила я слово «жить» интонацией.

Антон почему-то неуверенно улыбнулся. А я обрадовалась этому и сама не поняла почему.

– Нас ждут препятствия, – честно предупредила я. – И путь наш будет далеким. Лифт сломан уже второй день, и идти надо пешком. Но если ты устанешь, мы остановимся и отдохнем, – коварно добавила я. Обычно никогда не говорю таким тоном, но около Антона во мне прямо-таки просыпается желание ехидничать.

Или привлечь к себе его внимание?

– Я не устану, – ответил он и поправил свои очки.

– Ну и хорошо. А я устану. Я совсем не спортивная. Вот Нинка – другое дело, она...

Ладно, не будем о неприятном, – я поняла, что сболтнула глупость про подружку. Ее сейчас вообще лучше не упоминать при этом потенциальном самоубийце.

Господи, как он вообще до такого додумался?

До квартиры мы добрались на удивление нормально. Он дошел, я доползла. Где-то на этаже третьем Антон заметил тяжелый пакет у меня в руках и по-рыцарски взял его. Я, честно говоря, думала, он надорвется вместе с этими книгами и мне придется нести и их, и одноклассника, но ничего страшного не произошло. Парень даже тяжело не дышал после двенадцатиэтажного забега и шагал легко и быстро. А я, когда мы оказались на нашей лестничной площадке, думала, что умру.

– Вэлком, – открыла я перед ним дверь, и Антон, осторожно оглядываясь, зашел.

– Не пугайся и не кричи, – участливо предупредила его я.

– Чего? – удивленно произнес он.

– Я сейчас в оборотня превращаться буду, – я засмеялась. – А если серьезно, то по всему коридору навешаны ужасные картины.

И я, нашарив в темноте, включила свет.

– Кто меня потревожил? – громовым басом разнеслось над нашими головами. – Убью на хре-е-ее!

– Это что? – опешил Антон и стал оглядываться.

– Это не что, а кто, – мрачно ответила я. – Один дурак, которому скучно просто так жить. Вообще это просто прикол такой – когда свет включаешь, слышится голос. Все пугаются – я не стала вдаваться в подробности.

На самом деле постарался один из многочисленных папиных друзей. Это он так нас на прошлое первое апреля разыграл: свистнул ключи у Томаса-раззявы, пришел, когда дома был только Эдгар, и подсоединил к выключателю какие-то проводки и схемки. Брат его не выдал. Более того, помог: записал голос дяди Бори (так звали этого мужика) на компьютер и переработал его. После они уже вдвоем поколдовали над проводками, и получилось то, что получилось. Включаешь в коридоре свет – орут про хрен.

Когда этот ор услышали мы с Нелькой, придя из кино, то от страха аж присели. Когда его услышал Леша, он подумал, что ошибся квартирой и выбежал вон из дома, испугавшись возмездия злых хозяев. Когда в гости заглянула бабушка, ей чуть плохо не стало, и она очень ругалась на ни в чем не повинного папу. Только на двоих человек на моей памяти этот проклятый голос не произвел впечатления. На родителя, который ввалился в квартиру в больших наушниках, на полной громкости слушая свой тяжелый металл (да-да, он слушает именно его, обожая как группы своей молодости, так и вполне современные). И на Нинку, которая даже не вздрогнула, услышав этот кошмар, – она только расхохоталась.

За год мы привыкли к идиотскому крику и не обращали внимания. Даже гостей забывали предупреждать.

– Здорово, – сказал Антон, разглядывая наш дом с искренним любопытством.

Я уже говорила, что папа-художник развешивает свои полотна по всему дому. Обычно перед приходом гостей я их снимаю, чтобы не травмировать нежную психику людей. Но Антону придется потерпеть. Кто же знал, что я его встречу и домой приведу?

– Напротив тебя висит Чуня. Не пугайся, – начала экскурс по картинам я.

Около входной двери находилась небольшая прихожая, от которой шел длинный коридор, заканчивающийся дверью в туалет. Креативный родитель сделал так, что никто и не догадывался, что эта дверь ведет к «белому другу». Он повесил на нее длинную прямоугольную картину под названием «Нежный оборотень-хранитель». Как говорил сам папа, он изобразил доброго зверя, который «обладает разумом человека и немного страдает от одиночества». Знаете так, совсем чуть-чуть. Добрый зверь был самой реалистичной картиной из всего его художественного творчества и выглядел впечатляюще. На фоне синезеленой луны и корявых веток («это души мира выются над волком!»), а также мерцающих черных звезд величиной с кулак ребенка сидело нечто, напоминающее зубастый колобок не первой свежести. Маленькие злые глазки колобка светились желтыми зловещими пятнами. Уши его напоминали два длинных носа. Из вытянутой пасти, украшенной тремя рядами зубов («три – это священное число»), капали ядовито-салатовые слюни, в которых почему-то плавали какие-то безобразные насекомые («люди погрязли в грехах!»).

«Это будет тотемом нашего дома! Назовем его Чуней», – объявил папа пять лет назад, вешая эту картину. Уж не знаю, стало ли это тотемом и охраняет ли оно наше жилище, но добрая половина соседей, видевших «нежного оборотня», считает нас едва ли не сектантами. Вторая не считает – она в этом уверена.

Обстановка в коридоре и в гостиной (а дальше соседи не заходили) впечатляющая. Темно-ржавого цвета линолеум, на котором светящейся в темноте краской прорисованы загадочные символы, напоминающие арабскую вязь. Зеркальный потолок, покрытый матовой полупрозрачной краской, на котором, по задумке Томаса, виднеются дымчатые «лики существ», способных напугать впечатлительных людей. Черные обои в тонкую светлую полосочку тоже немало способствовали созданию нашего нелестного имиджа в глазах соседей. Небольшая, но от этого не менее дурацкая скульптура из белой глины, изображающая полет человека на Луну (подарок папиного странного друга-скульптора), примостившаяся на круглом столике. У столика была особенность – его единственная ножка выполнена в форме ствола каштанового дерева, от которого в разные стороны отходили ответвления корней – о них частенько запинались наши гости. Шкаф для одежды был словно вытасчен из восемнадцатого века. А функции люстры в прихожей выполняли три светильника на стенах в форме черных свечей в золоченых подсвечниках.

Что и говорить, коридор и гостиная у нас обставлены хоть куда. Хорошо еще, что Леша хотя бы кухню отстоял от посягательств Томаса превратить ее в «место настоящей авангардной трапезной». А в гостиную мы все равно заходим редко, считая ее папиной комнатой.

Чуня в коридоре не скучал в одиночестве. Черные стены были завешаны другими ужасными картинами, изображающими всякую фигню типа «Ядерного мозгового взрыва» или «Атаки плутонианцев на плоть космического странника». Около самого Чуни вместо люстры на потолке качалась глупая металлическая конструкция с тремя лампочками по бокам.

А из-за зеркального потолка мне первое время было боязно – вдруг он на меня рухнет?

– Это оборотень Чуня, – сказала я, указывая на противоположный конец коридора. – Не пугайся его, пожалуйста. А то он оживет и съест тебя. Мне кровь неохота вытирать с пола.

– Спасибо, – почему-то сказал мой гость, разуваясь. – Ого! – вдруг воскликнул он, – это же работы художника Томаса Радова!

– Ты что, его знаешь? – искренне поразила я.

Антон кивнул:

– Я ходил на его выставки. И мы у... я бы хотел его картину купить.

– Еще один с приветом, – покачала головой я. – Как эту гадость можно любить?

– Он классный авангардист. У вас так много его работ! – с восхищением осматривался

Антон. – И коридор такой... необычный.

Вот и хорошо, что он отвлекся от суицидальных мыслей. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Пусть смотрит. Но однокласснику я ответила:

– Глаза бы мои их не видели, эти работы. Это папа повесил и снимать запрещает.

– Твой папа связан с миром искусства? – у парня даже тон другим стал.

– Ага, художник он.

– А как его зовут? – все больше воодушевлялся Антоша. – Может быть, я видел его работы?

– Так его Томасом и зовут, – ответила я. – Радовым.

– Это квартира Томаса? – искренне поразился гость. – Ничего себе... Хотя, можно было и сразу понять... У тебя ведь тоже фамилия Радова...

В это время тишину дома прорезал истошный вопль, и вслед за ним раздалось нехорошее матерное слово. Антон резко оглянулся на крик.

– Спокойно! – покровительственно сказала я. – Это мой брат играет на компьютере, наверное, опять сорок шестой уровень в своей стрелялке не прошел. А когда он не может пройти уровень, то злится. Он, знаешь ли, интернет-зависим. Сейчас на кухню сгоняет за едой, утешится и опять будет играть.

Подтверждая мои слова, ближайшая дверь в коридоре распахнулась, и оттуда на автомате вышел брат. Не видя нас, он зашагал на кухню.

– Сейчас мы у него и попросим одежду для тебя. Эй, алло! – крикнула я Эдгару.

Тот подпрыгнул и обернулся. Красноватые глаза с интересом уставились на нас.

– Я и не видел, как ты пришла. А ты кто? – некультурно спросил Эдгар, почесывая плохо выбритую щеку.

Братишка вроде бы и учится на последнем курсе факультета информатики и вычислительной техники, но почти всегда находится дома, ничего не учит, мало куда ходит, но умудряется оставаться одним из лучших студентов курса – как, ума не приложу.

– Брат не страдает избытком вежливости. Он вообще такого слова не знает. Поэтому не печалься, – пояснила я несколько оторопевшему от такого приветствия Антону и повернулась к родственнику. – А это мой одноклассник, Эд! Его зовут Антон.

– Привет, Антон, – кивнул братишка, пожал руку гостю и пошел на кухню как ни в чем не бывало.

– Стой! – крикнула я ему в спину, и брат послушно замер. – Одолжи одежду.

– Зачем? Кому? – совершенно не замечал грязи на вещах нашего гостя Эдгар. – Тебе?

– Ему дадим, – кивнула я на Антона. – Видишь, он упал в лужу и испачкался.

– Точно. Сейчас, – больше не стал задавать вопросов Эдгар и опять почему-то направился в кухню.

Я вздохнула:

– У тебя что, одежда там лежит?

Брат остановился, постоял так немного, развернулся и пошел в противоположную сторону. Антон заинтересованно посмотрел ему вслед.

– А он не обидится? – почему-то шепотом спросил парень у меня. – Мне неудобно...

– Нет, конечно. Он вообще щедрый, – улыбнулась я. – Слушай, мне самой грязно становится, когда я на тебя смотрю. Иди-ка ты в ванную комнату, друже. Ванная у нас нормальная. Приведи себя в порядок, переоденься. А я, добрая душа, засуну твои вещи в стиральную машинку. Помоешься – иди на кухню. В общем, почувствуй себя, как дома, хорошо?

– Переукомплектация, – почему-то заулыбался брат, через пару минут отдавая вещи своему случайному гостю. – Аппрейдили чувака.

– Не обращай на него внимания, он тронутый, – посоветовала я рассмеявшемуся Антону. – А ванная наша сразу за Чуней, думаю, разберешься. – И я пошла на кухню, где меня ждали вкусные пирожные.

Я чувствовала себя суперкрутым меценатом. Кто знает, вдруг, если бы не моя скромная персона, этот чокнутый сбросился бы в ближайшие часы с ближайшей же крыши?

Что ни говори, очень приятно делать людям добро. Даже чувство собственного достоинства повышается.

Через полчаса мы втроем сидели на кухне и ужинали под звуки висевшего тут же небольшого плоского телевизора. Никаких ужасных картин или режущих глаза цветов: все здесь было нормальных матовых и кремовых оттенков. Не зря все-таки дядя был дизайнером – вкус у него имелся. Кухню он самолично обставлял два года назад. Пусть здесь была и не слишком дорогая мебель, зато смотрелась она прилично и вносила необходимый уют. Особенно мне нравился круглый столик, за который при желании могли усесться человек десять. Стол стоял перед окном, занавешенным тонкой узорчатой шторкой из голубого материала – в тон к скатерти. Я любила за этим столом делать домашние задания или просто сидеть и смотреть вниз – на людей, на дороги. Или вверх – на звезды и облака.

Брат выдал Антону чудесную белую водолазку с длинными рукавами (когда-то ее привез в подарок племяннику Леша из самого Нью-Йорка, но Эдгар подарок не оценил и не носил) и темно-серые штаны с множеством карманов (это уже Нелька подарила ему такое, но он и этот подарок не таскал).

Я сначала думала, что брат и мой гость одинаково худые. Оказалось, что мне так только казалось. Антон был крупнее Эдгара – просто его нелепая мешковатая одежда скрывала его фигуру, довольно неплохую. В нормальной одежде Антон казался вполне таким интересным парнем с довольно широким, между прочим, разворотом плеч, руками, на которых даже проглядывались мускулы, узкими бедрами и длинными ногами. Только идиотские волосы и очки на пол-лица делали его ну... немного не от мира сего.

Сейчас одноклассник сидел в самом углу кухни, с чашкой обжигающего кофе в руках, старался ни на кого не смотреть своими расширившимися зрачками и изредка потирал голову, словно бы она у него болела.

Почему Эдгар вдруг вылез из своей норы, для меня оказалось загадкой. Может быть, захотел узнать, что в нашем доме делает какой-то незнакомый парень, пришедший вместе с сестрой. Может быть, просто сильно хотел есть. На кухне витало, весело посвистывая, напряжение. Антон, наверное, стеснялся брата, а тот его тоже опасался. Встретились же два придурка-тормоза.

Кажется, я понемногу начинаю превращаться в свою лучшую подругу, в эту мисс Сквернословие...

– В какую ты игру сейчас играешь? – спросила я брата, чтобы нарушить молчание.

– «World Of Warcraft», – на плохом английском ответил он.

– Интересная? – название мне ничего не говорило.

– Ага.

– Какой жанр-то хоть?

– MMORPG, – вместо брата почему-то ответил Антон.

Не могу судить лишь по паре букв о его знании этого языка, но, кажется, произношение куда лучше, чем у Эдгара.

– Это еще что за странная аббревиатура? – удивленно произнесла я.

– Это многопользовательская онлайн-ролевая игра, – таким тоном сказал мне брат, что я почувствовала себя немного неполноценной.

Но после этого напряжение между этими тормозами пропало. Они нашли общий язык на основе любви к компьютерной игрушке. А потом начали обсуждать всевозможные другие игрушки. Надо же! Что только людей не сближает!

Когда у меня почти что окончательно завяли уши слушать этот их бред, посвященный загадочным играм, домой вернулся дядя. Он очень редко приходил так рано, а иногда даже только уходил в это время суток на очередные ночные тусовки или какие-то неясные презентации. А тут что-то неведомое принесло его домой.

– Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен! – проорал бас в прихожей.

Леша чертыхнулся и вскоре появился на кухне. Дамы находили, что выглядит он довольно интересно: красивый, высокий, стройный, с модной прической, всегда элегантный, чисто выбритый, ухоженный и надушенный модным парфюмом. Бабушка рассказывала, что мой папа в детстве называл его девчонкой за длинные пушистые ресницы, пухлые губки и слишком уж нежную кожу. Маленький Леша возмущался, плакал и даже бил старшего брата. А тот только ржал. Прошло много времени, и даже теперь во внешности дяди было что-то женственное. Но вопреки страхам бабушки, которые появились тогда, когда Леша пошел в модельный бизнес, ее младший сын любил не мужчин, а женщин и прослыл настоящим бабником.

– Сидим? – мрачно осведомился голос Алексея у нас за спиной.

– Сидим. А ты чего так рано? – подозрительно посмотрела я на него.

– Как пришел, так и пришел. И вообще я хочу дома поработать над новой линией, – ответил мне дядя важно. – А это кто? – так же невежливо, как и Эдгар, поинтересовался он, глядя на замолчавшего Антона, а потом вдруг расцвел в улыбке:

– А, ты, наверное, друг этого обалдуй? Слышал я, как вы тут компьютеры обсуждаете.

– Это мой однокурсник, – сказала я.

Брат подтверждающе кивнул.

Леша поднял брови, склонил голову на бок и с интересом принялся разглядывать Антона с ног и до головы.

– Ага, понятно. Алексей, – и пожал гостю руку.

Что ему там понятно?

– Антон, – ответил ему тот.

– Значит, – уселся на свободный стул Леша и уставился на гостя, – вы... однокурсники?

Мы кивнули синхронно.

– Он – классный парень, свой в доску, – вставил брат, нечаянно взглянул на настенные круглые часы и в ужасе вдруг выбежал из кухни, проорав, что «сейчас игра начнется!»

– И давно вы... однокурсники? – поинтересовался Алексей, наливая себе дымящийся кофе из кофейника.

– Давно, – ответила я. – С первого курса, знаешь ли.

– Ясно, – и он опять с интересом принялся изучать Антона, как сватья потенциальную невесту.

– А почему на тебе одежда чужая? Эдгарова? – вновь спросил дядя и с веселым интересом поглядел на меня, как будто бы и меня хотел увидеть в чужой одежде, например, в одежде этого Тропинина.

– Мы шли к нам домой, Антон случайно упал, и его одежда сильно испачкалась и вся промокла. Теперь она стирается в машинке, – терпеливо принялась пояснять я. – Братик был так добр, что одолжил свои вещи.

– Ну, хорошо-о-о. Кстати, Катя, если вдруг начнут по телефону звать меня и если это будет женский голос, скажи, что я уехал в командировку. Куда-нибудь в Восточную Сибирь. Нет, на Дальний Восток. Или лучше даже в Японию.

– Заметано. Опять кого-то бросил? – спросила я с любопытством.

Вот же Казанова! И куда только девушки смотрят, когда с ним знакомятся, сразу же видно, что Леша – слащавый ловелас! Каждой второй представительнице слабого пола он сообщает, что готов на ней жениться, и почти каждая первая из них ему верит.

– Бросил? Нет, что ты, – почему-то выразительно покосился в сторону Антона Леша, – просто одна бизнес-леди... заказывала у нас эксклюзивную одежду. Мы все... выполнили, но эта женщина успела за время заказа вытянуть все наши нервы своей ревн... решительными... э-э-э... указаниями. Теперь она хочет сделать второй заказ, но мы больше не хотим с ней работать. Она нас просто преследует.

Ух ты, неужели дядя не хочет при Антоне казаться ловеласом?

– Ей что, так первый заказ понравился?

– Не то слово, – со стуком поставил чашку на стол дядя, – просто проходу не дает. Хочет, чтобы я на ней же.... Э-э-э... Чтобы я с ней же поработал вновь. Но вся наша фирма против. У нас и так сильно много других заказов – более выгодных, – скомканно закончил он свою речь, улыбаясь Антону. Тот в ответ выдавил непонимающую улыбку.

– И вообще, молодой человек, – к моему огромному изумлению, произнес Леша, постукивая пальцами по все тому же столу, – девушек нельзя бросать просто так, особенно если ваши отношения только начинаются. Это крайне непорядочно и даже неэтично.

– Я знаю, – ответил Антон и вопрошающе посмотрел на меня, когда родственник отвернулся.

Я пожала плечами.

– Расставание – вещь очень серьезная, – продолжал вещать Леша. – Настоящий мужчина в первую очередь обязан заботиться о чувствах своей дамы. И вообще должен уметь защищать ее не только физически, но и морально. И ни в коем случае он не должен причинить ей страданий.

– Кто бы говорил, – едва слышно прошептала я.

– Вот скажи, друг мой Антон, если ты влюблен в девушку, ухаживаешь за ней и встречаешься с ней, можно ли обращать внимания на других особ противоположного пола?

– Нет.

– Правильный ответ, – щелкнул пальцами в воздухе дядя, – помни, на мужчине лежит огромная ответственность за девушку, даже если они только начали встречаться. А кто для влюбленного мужчины является идеалом красоты: Анжелика Джоли, Джей Ло или Ева Мэндес?

– Что за дебилские вопросы, – возмущенно спросила я. – Мы тут... заниматься пришли, а ты ерунду какую-то говоришь. Можно подумать, что ты пьяный. Иди со своими Джей Ло и Мэндес куда-нибудь в другое место. Ты вообще поработать хотел.

Антон вдруг ответил, пристально посмотрев на меня, – уголки его губ при этом поднялись вверх и выражение лица немного изменилось:

– Идеалом всегда будет любимая девушка.

– Бинго! – обрадованно воскликнул Леша. – А ты молодец, парень!

И он пустился в длительное рассуждение о том, что такое настоящая любовь и что должен сделать нормальный мужчина, чтобы девушка чувствовала эту настоящую любовь.

Закончил свою двадцатиминутную бредовую речь Леша странновато:

– Именно плотская, а не платоническая любовь – лучшее доказательство искренности.

– Что ты имеешь в виду под плотской любовью? – искоса взглянула я на родственника.

– Слушай, – несколько надменно поглядел на меня дядя, – если ты не знаешь значения этого слова, то я вообще удивлен, как ты завела себе пар...

Но договорить он не успел. Кто-то вновь включил свет в темной прихожей.

– Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен! – как следствие, проорало на весь дом.

Впрочем, никто не обратил на это внимания.

– Когда эту штуку только уберут? – покачал только головой со стильно уложенной прической Леша и сам себе философски ответил: – Никогда. Кстати, Антон, запомни, брюнетки, они намного более верные, чем блондинки.

Это еще почему?

– У тебя что, статистика? – спросила я.

Дядя выразительно покрутил пальцем у виска, пока Тропинин не видел.

И только тут я поняла, к чему клонил все это время мой бесценный дядя. Он принял меня и это чучело огородное за пару! И решил Антона поучить тому, что должен делать «настоящий мужчина»! Вот ужас. Не переубеждать же дядю прямо сейчас, что он все неправильно понял.

– Яххо^[7]! А вот и я, – ворвалась в кухню сестра, с ног до головы одетая в розовую одежду. Юбка, маечка и даже колготки были ядовито-розовыми. Лишь многочисленные браслетки и значки приятно радовали глаза другими цветами.

– Ты, жертва безвкусыя, – немедленно переключился на нее Леша. – Что ты на себя напялила? Мне как дизайнеру хочется рыдать и стенать, блин. Будешь на улице в таком виде и увидишь меня – не подходи. Я позориться не хочу.

– Ва-а-а, нытик, – схватилась за голову девочка. – Ой, а кто тут у нас? Мальчик какой-то! Ой, ты мне так кого-то напоминаешь... Кто это, кто это?

– Это мой сокурсник Антон, а это моя сестра Нелли, – устало сказала я парню. – Слушай, пошли в мою комнату, они нас вдвоем точно задолбают.

– Ну чего ты, посидите со мной! – с ноющими интонациями заговорила Нелька. – Я хочу с мальчиком поближе познакомиться!

Такая реакция Антона явно смутила, но он все-таки сказал ей:

– Здравствуй.

– Оно разговаривает! – захихикала сестра. – Нет, ты мне все-таки кого-то напоминаешь! Определенно десу^[8]!

– Наверное, Дэвида Бэксема. У него тоже одно время были белые волосы. – Вкрадчиво сказал Леша, и они вдвоем расхохотались.

Что дядечка, что племянница – оба обожают ехидные подколы.

– Не обращай на них внимания, – с укоризной посмотрела я на родственников. А если опять в этом чудике суицидальные наклонности проснутся из-за их шуточек?

Но наклонности крепко спали, потому как Антон тоже улыбнулся во весь рот.

– Нет! – вдруг заявила сестра. – Он напоминает мне Эла. Из «Тетради смерти». Энергетикой и выражением лица. Только тот был черноволосым и большой палец во рту держал. И сидел все время ногами на стуле!

– Зачем? – с искренним изумлением переспросил Леша. – Он что, олигофреном был, что ли, этот твой Эл?

– Сам ты олигофрен! Он был гениальным детективом! И просто кавайным лапочкой! – Нелли ненавидела, когда кто-то говорит гадости про ее любимых персонажей. А про эту «Тетрадь смерти» она мне в прошлом году прожужжала все уши. Мол, какое аниме интересное, и какие герои классные, и сюжет крутой. А когда там кого-то убили, сестра плакала целый день!

– И вообще это нужно считать комплиментом! – наставительно обратилась она к Антону. – Эл хорошенький! Я сейчас его покажу вам! – и она с топотом убежала в свою комнату.

Спустя минуту мы вчетвером принялись разглядывать принесенное изображение задумчивого, но милого с виду Эла.

– Хорошенький? – переспросил Леша. – Судя по его глазам и выражению лица, у этого парня из твоего аниме явное наличие прогрессирующей болезни Дауна.

– Ой, блин, на себя посмотрел бы лучше, – надулась Нелька. – Дебил.

– И он брюнет, твой герой из мультиков, – продолжал Алексей, – а наш гость беловолос.

Я печально посмотрела на Антона, мол, прости, у меня дома душевнобольные проживают.

– Неважно! Я говорю про общее впечатление. Слушай, – обратилась младшая сестра ко мне, – а ты...

Как это всегда бывает у нас в квартире вечером, когда нужно включать свет в темной прихожей, прогромыхало знакомое:

– Кто меня потревожил? Убью на хре-е-еен!

– Папа пришел! – поскакала к входным дверям излишне активная сестра. – Ото-сан! Па-а-ап! У нас гости!

– Кто? – появился на пороге тот, даже не раздеваясь. Гостей наш художник любил безмерно.

– Вот он, – кивнул Леша на Нинкиного кавалера-неудачника, которого он принял за моего друга.

– А это кто у нас? – радостно осведомился Томас, горячо пожимая руку парню.

– А это у нас друг, – выразительно покосился на старшего брата Леша. – Однокурсник, так сказать.

– Меня зовут Антон, – почему-то встал парень.

Наверное, моя семья совсем затюкала его. И ничего ведь уже не поделаешь.

– Очень приятно, молодой человек, я – папа этой прелестной кареглазой леди, можете называть меня Томасом.

– Он знает, как тебя зовут, – скучным голосом сказала я. – И ему очень нравятся твои работы. Он как пришел, так сразу начал: «О, какие картины!», «Ах, это же Томас нарисовал!»

– Я не так говорил, – тихо произнес смутившийся Антон. – Просто ваше творчество мне давно уже нравится. Я бывал на ваших выставках. Вы – мастер.

Лицо папы просияло, словно он нашел два с половиной миллиарда долларов. Он картинно выставил вперед руку и начал разглагольствовать:

– Я вижу, вы большой знаток мира искусства! И настоящий эстет! Мое творчество сложно понять и сложно принять, и эти, – обвел он глазами нас троих, – меня совсем не понимают, а, главное, не воспринимают как настоящего художника!

– Какие мы злые, – покачал головой Леша. – Гения прозевали.

– Вот-вот, видишь их это отношение ко мне? А ведь мне пророчат славное будущее! Да меня постоянно приглашают за границу! Вот вчера, к примеру...

– На Украину, – ехидно вставил Леша, развалившись на стуле. – И в Белоруссию, кажется.

– Ну и что? – ничуть не смутился родитель. – Это тоже о чем-то говорит! И вообще я выставлялся в Штатах, Германии, Польше и во Франции. И сейчас со мной переговоры ведутся с Метрополитен-музеем для временной выставки!

– Это тот самый музей, в который можно пройти за любую плату или вообще бесплатно, если денег нет? – проявила я осведомленность.

– Как это? – спросил Леша.

Он хоть и любит показывать себя культурным, но его кругозор узок, как Нелькин лоб.

– Вот так. Там есть фиксированная цена, но всем на нее пофиг. Можно в кассу протянуть нормальную сумму денег, а можно совсем мелкую монетку или вообще просто так попросить дать билет. А вместо билета там маленькие круглые разноцветные значки, на каждый день свой цвет. Туристы эти значки забирают себе на память.

– Все правильно, – благосклонно покачал нечесаной головой папа. Уж он-то все знал о музеях и выставках. – Откуда ты знаешь, дочка? Неужели теперь в школе этому учат?

– Я в университете, папа, учусь, – обиделась я. – А вообще мне Нинка рассказала. Они же в позапрошлом году в Нью-Йорке были, – не подумав о возможно растоптанных чувствах Антона к подруге, сказала я.

– Бери пример с Ниночки – она очень умная. И вкус художественный у нее просто отпадный, то есть отличный, я хотел сказать.

Папа всю жизнь пользовался молодежным жаргоном, но при гостях, тем более поклонниках, он стеснялся так говорить, думая, что тогда будет выглядеть менее умным и талантливым. А в том, что он, Томас, талантливый, папа не сомневался.

– И простой вкус у нее тоже неплох, – тут же заметил Леша с намеком. – Всегда одевается в соответствии с модными тенденциями.

– Вы мне столько денег дайте, я тоже буду так одеваться! – вспыхнула я. Честно сказать, я не из тех, кто особо следит за модой. Хотя дядя, как заботливая кура, часто притаскивает мне собственноручно разработанные вещи. Я в них, правда, редко хожу – сильно уж они открыты или яркие. Частенько их у меня одалживает Нинка.

– Заработай, – ничуть не смутился Леша. – Я в твои годы уже работал, кстати.

– Ага, моделью, – язвительно ответила я, совершенно забыв, что у нас Антон. – И даже иногда подрабатывал натурщиком. Ужас!

– А моделью быть неплохо! – отбил выпад дядя. – И к тому же очень интересно. А уж про жизненный опыт я вовсе молчу. Я за время работы в модельном бизнесе этого опыта на тридцать лет вперед набрался. А ты остаешься такой же наивной малышкой.

Я уперла руки в боки. Вот ведь козел!

– Потому тебе не двадцать восемь, а все пятьдесят восемь. Раз опыта на тридцать лет вперед накопил! То-то я думаю, что ты себя ведешь, как старикан – все брюзжишь и брюзжишь!

– Да я душой моложе тебя! – оскорбился дядька. Тема возраста была для него не менее болезненной, чем у многих отчаянно молодящихся женщин. – Маленькая старушка.

– Кто это старушка? Сам дедок.

– Ну, хватит. Оба как дети, – попытался разнять нас папа. Он вообще терпеть не мог конфликты. – У нас в конце концов гости!

– Ничего, гости не обидятся! – посмотрела я на спокойного Антона. – А я вот захочу и пойду в модели.

– Кто тебя возьмет? – посмотрел на меня насмешливо дядя. – Вырасти еще вот сантиметров на десять хотя бы...

– У меня и так нормальный рост! – кинула я в него полотенцем.

Он ловко увернулся.

– Вот видишь, Антон, какая она у нас эмоциональная! Слова против сказать нельзя! Активная девушка! – со смехом обратился дядя к чудику, с интересом за нами наблюдавшему со своего стула.

– Ну, не ссорьтесь, – вновь выступил папа в роли миротворца. – Катенька, если ты хочешь пойти в модели – иди. Ты же у нас красавица.

От возмущения я покраснела. Леша, который в это время откусывал от лично им приготовленного пирожного кусок, подавился им, а потом опять захохотал. Нелька тоже захихикала мелким смехом. Даже Антон стал улыбаться, прикрывая ладонью рот.

– Это значит, – зловеще надвинулась я на Томаса, – папа Нинкин ей в модели идти запрещает, а мой родной отец разрешает? Мол, иди, доченька, иди в этот разврат, и пусть твою молодую душу и тело сожрут акулы модельного бизнеса? Так, что ли?!

– Ой, загнула! – хлопнул себя по коленке Леша. – Сожрут душу и тело!

Томас обескураживающе улыбнулся и произнес:

– Ты не так поняла, милая. Я ничего такого не говорил. Просто я хотел сказать, что ты можешь поступать так, как тебе хочется. Я – либерал, – гордо добавил он. – Антон, они просто дурачатся. А хотите, я вам покажу свои новые работы?

– Хочу, – с готовностью согласился до этого молчавший парень.

Мне опять показалось, что он улыбается.

– А у Ниночки-самы все-таки вкус лучше, – задумчиво произнесла сестра, глядя то на меня, то на Антона.

Я поняла ее намек. Мол, у твоей подруги парни красивые и крутые, а у тебя лохи какие-то в одежде с чужого плеча.

– Ну? Обрадуй. Чем лучше? – скривила я губы.

– А она аниме смотрит, а ты нет! – выпалила Нелька, высунула язык и, услышав телефонный звонок, побежала в коридор – снять ближайшую трубку.

В это время папа принялся допытывать Антона насчет собственных картин. Выяснив, что Антон больше всего любит одну из первых его работ «Абстракция сегодня», он так расчувствовался, что сказал ему:

– Теперь я тебя буду звать сыноком! Сынок. Приходи к нам в любое время дня и ночи! И, пошли, я тебе картины покажу. И поведаю историю создания некоторых из них. У тебя будет

что рассказать друзьям!

Я задумалась на миг. А есть ли у Тропинина друзья? В университете он ни с кем и не общается... Надо бы потом этого Антона о жизни расспросить, что ли?

– Лешка, – вбежала в кухню Нелька, чуть не столкнувшись с папой, – к тебе сейчас в гости девушка придет!

– Чего? – вытянулось у того лицо.

– Ну, я трубку взяла, а там девушка с таким противным голосом говорит: «Алексей дома?». Я говорю: «Да. Сейчас позову». Она мне такая в ответ: «Не надо, девочка, я сама сейчас приду!»

Леша резко встал, пару раз с шумом вдохнул воздух и проговорил:

– Ты дура?

– Хидой! – вновь блеснула сестра японским. На этот раз слово означало что-то вроде «злюки».

– Как ты с ребенком говоришь? – укоряюще воскликнул из коридора Томас. – Кстати, вы знаете, нам наконец лифт починили. А то я устал уже третий день по...

– Пофиг мне ваш лифт! – еще громче заорал Леша. – Она сейчас придет и убьет меня!

Починили? А нам с Антоном пришлось пешком идти – несправедливо.

– Кто убьет? – опять вернулся в кухню папа.

– Конь в пальто, – огрызнулся вежливый младший брат. – Она сейчас будет звонить. Ни в коем случае не открывайте этой сумасшедшей. Иначе на одного представителя нашей славной фамилии станет меньше. – И Леша затравленно стал глядеть в окно.

– По твою душу дамочка, что ли? – понимающе спросил папа Алексея.

Он хмуро посмотрел на Томаса и тяжело вздохнул. А потом начал ходить туда-сюда, взъерошивая пятерней волосы.

А я осведомилась, глядя на мечущегося дядю:

– Это, наверное, та самая клиентка пришла, да? Которая второй заказ хочет сделать, да?

– Не лезь! – рявкнул дядя и перевел тяжелый взгляд на меня и Антона. – Идите поиграйте в вашей комнате.

У однокурсника в глазах, скрытых за стеклами очков, мелькнул смех.

– Алексей, это несколько неправильно, такое невинным детям говорить. Они вообще-то уже взрослые. Не так поймут, – очень мягко заметил папа, не желающий лишиться собственного нечаянного фаната, которому, судя по всему, готовился излить душу.

– Какие, на фиг, невинные дети? – буркнул Леша. – И вообще я другое имел в виду, это просто каждый в меру своего извращенного сознания понимает... Вот! – возопил он, услышав три подряд настойчивых звонка в дверь. – Эта ведьма пришла! А все ты виновата, козявка! Зачем сказала, что я дома?

– Так надо было меня предупредить, – обиделась девочка. – Вообще больше телефонную трубку брать не буду. Сами бегать к ней станете. А то все «Нелька, возьми телефон» да «Нелька, ответь»!

Звонки раздались снова. Одновременно кто-то неслабо застучал по двери. Папа зашпешил в коридор. Схватившийся за белобрысую голову Леша и хнычущая сестричка, что-то бормотавшая по-японски, помчались за ним.

– Не открывай! – завопил Леша. – Если ты откроешь, ты мне больше не брат!

– Не бойся! – подмигнул ему Томас. – Я знаю, как успокаивать женщин!

– Ничего ты не знаешь! – донесся приглушенный голос Леша из коридора.

– Зато ты знаешь! Не надо было ее бросать!

– Не надо умничать...

Я между тем за рукав схватила Антона и тихо произнесла, когда мы остались на кухне одни:

– Извини. Тебя тут, наверное, достало находиться. Я тебя развеселить хотела, а из-за них....

– Но мне и так очень весело, – произнес он вдруг.

И так улыбнулся, будто находился не в сумасшедшем эпицентре нашей отнюдь не тихой семейки, а в кинотеатре, на просмотре классного и смешного кино.

– Правда?

– Да, – кивнул он, – у тебя очень хорошая семья. И забавная.

– Ну, что забавная, – прислушалась я к шуму в коридоре, – это еще мягко сказано.

Я посмотрела на него снизу вверх. Почему-то раньше не придавала значения тому, что он меня выше. И вдруг поймала себя на мысли – а может, и не такой уж он стремный? Фигура у него прикольная, и сам он довольно-таки милый, особенно когда у него расправлены плечи...

Испугавшись того, что незванно-негаданно пришло мне в голову, я прикрыла рот ладонью и опустила глаза в пол. Последний раз подобный симбиоз эмоций и мыслей стал предвестником настоящего глубокого чувства.

– Тебе плохо? – взволнованно спросил Антон.

– Нет, то есть да. В общем, не обращай внимания. Если тебе будет еще веселее, пошли, послушаем их разборки. Это наверняка одна из бывших Леша. Иногда они приходят к нам и сильно скандалят. За это соседи нас очень сильно не любят.

– У тебя интересные братья, – опять улыбнулся он.

– У меня один брат. Леша – младший брат Томаса, мой дядя. Просто он выглядит хорошо, – я улыбнулась. – У него раза в три больше кремов и всяких там штук по уходу за кожей, чем у меня и сестры, вместе взятых, за всю жизнь. Ты в ванной часть его этого богатства видел.

– Я подумал, что это твое, – произнес Антон мягко, и я вновь поймала себя на мысли, что у него приятный голос.

– Нет, увы. Леша запрещает этим всем пользоваться, а мне и не очень-то и нужно. Слышишь, как они там орут, пойдём посмотрим!

Я схватила его за запястье и потащила за собой. Вдруг Тропинин повеселится?

М-м-м... Странное у него запястье. Нет, вообще-то оно было обычное: мужское, широкое, крепкое, просто я привыкла, что так обычно хватаю за руку Нинку, Настю или сестру, а у них руки тонкие и совсем ненадежные.

– Уважаемая, его нет дома! – эти папины крики прервали мои беспокойные мысли. И хорошо, что прервали – не надо думать о всякой ерунде.

Мы вышли в прихожую и увидели, как папа, наклонившись, кричит в замочную скважину:

– Алексея нет дома! Он, знаете ли, уехал! Понимаете?

Та, что стояла за дверью, явно не понимала. Женщина бешено звонила в квартиру, пинала дверь и орала что-то вроде:

– Выйди, тварь!

Ну все, теперь это надолго. Я даже сценарий знаю примерный. Эта обманутая Лешей

дура сейчас вдоволь наорется. Пока она будет изливать свой праведный гнев, колотя руками и ногами по дверной стали, прибегут соседи. В определенном порядке. Сначала придут те, кто живет по бокам от нас. Затем примчатся с двух нижних этажей. Потом причалит степенный семидесятилетний дедок с супругой, который является старостой подъезда. Соседи споются все вместе и будут хором уговаривать бушующую девушку успокоиться. Через какое-то время они все тем же хором начнут орать, чтобы вышел Леша и разобрался со всем этим балаганом. Тот, естественно, не выйдет, и соседи начнут вопить еще громче. Следом подойдет еще пара-другая жильцов подъезда, которым нечем заняться в весенний вечер, и они всем сборищем начнут обсуждать нашу семью. Затем перейдут на личности. Особенно часто от этого страдает мой папа – кем его только не считают: от умственно-неполноценного до идолопоклонника. Через какое-то время несчастная возлюбленная, наслушавшись криков, опять решит, что сможет выбить дверь, и будет ломиться в квартиру. В результате она уйдет лишь ночью. Потом же возможны варианты: кто-то караулит неверного Лешу с утра пораньше, кто-то приходит к двери следующим вечером, не забывая звонить перед этим весь день и угрожать, некоторые оставляют его в покое, понимая, что опозорились, а кое-кто даже просит прощения!

– Тварь, выходи! – рычали на лестничной площадке.

– Здесь нет никакой твари! – опять вежливо закричал папа в ответ.

– Есть! – явно не поверили ему. – Есть! Дома, козел, шифруется! Открывайте! Я ему устрою!

– Не откроем! Мы вас боимся!

– С ума сошел, – возмущился шепотом Леша, который почему-то стоял за шкафом, словно боялся, что старая пассия сможет увидеть через дверь, – кто тут боится?

– Я боюсь, – так же шепотом пояснил папа. – Такое чувство, что она боксом занималась.

Так стучаться – это же уметь надо! Бедная дверка.

– Она и занималась, – хмуро ответил ему младший брат. – И тхэквондо тоже занималась. У нее третий дан, между прочим. И четвертый она получить хочет – как раз лет десять занимается...

Томас только головой покачал.

– Ну, ты нашел, с кем шашни водить. Еще бы чемпиона по боям без правил нашел себе...

– А я и не водил, – заметил меня и Антона Леша. – Я просто... заказ ее не хочу принимать.

– Какой еще заказ? – внимательно глянул Томас на младшего брата. Женщина за дверью опять заорала:

– Откройте! Я его убью сейчас! Выходи, подлый козел!

– Подлый трус, – захихикала Нелька, крутившаяся тут же. – Я теперь тебя так буду звать. Лешенька – кот Леопольд.

– Заказ. Ну? Я же выполняю заказы, – сделал большие глаза Леша и, подмигнув папе, посмотрел на меня.

– Чего ты мне мигаешь? – не понял ничего папа. – Ты на почве этого, – покосился он на дверь, – совсем перестал адекватно воспринимать реальность?

– Соринка в глаз попала, – поджал губы Леша. – И давай об этом в другой раз поговорим? Дети, ну что вы тут стоите? Катя, напои гостя чаем.

– Да мы по вашей милости уже часа полтора чай пьем. И мы не дети.

Дверь тихонько затряслась. Несчастливая влюбленная продолжала отчаянно ругаться.

– Слушай, – посерьезнел Томас, – а она нам дверь не выбьет с этим твоим тхэквондо?

– Не знаю. А тхэквондо вообще-то не мое. Оно, видишь ли, корейское. Национальное.

В это же время женщина за дверью почему-то расхохоталась и завопила:

– К Алексею я пришла, ха-ха-ха! А он боится и не открывает! И я не успокоюсь! Ха-ха-ха-ха! Только вот дверь ему к чертовой матери, вышибу! **<запрещено цензурой>!**

За дверью ей в ответ раздалось невнятное бурчание. Кто-то из соседей уже пришел на крики.

– Семеновна, – глянул в глазок папа.

Семеновна или Татьяна Семеновна, являлась родной бабушкой моей подружки и соседки Насти. От других старушек отличалась она крайне склочным характером, здоровой комплекцией и умением готовить такие ужасные блюда, что их запах долго не выветривался с нашей общей лестничной площадки. Настя постоянно страдала от родной бабули. Но надо заметить, что ко мне она обычно относилась довольно хорошо, в отличие от прочих своих пенсионерок-соратниц.

– Сейчас они начнут орать вместе, – с явным удовольствием сказала Нелька.

Для нее этот скандал – очередное развлечение, а мне стыдно перед Антоном. Он, конечно, не важный гость, но, согласитесь, не слишком приятно приходить к кому-то домой и становиться участником нелепых семейных сцен.

Как по заказу, Семеновна грянула:

– Чевой ты тут вопишь, как оглашенная! Иди, давай, отседова!

– Я к Алексею! – злобно откликнулась Лешина бывшая. – И не уйду, пока он мне не откроет.

– Да и не откроет он тебе! – загремел голос Семеновны. – Уходи давай!

– Оставьте меня в покое!

– Я те щас оставлю!

Все, кто сейчас находился в прихожей, застыли, как изваяния, и слушали то, что происходило на лестничной клетке, благо что слышимость была хорошей.

– Ступай отсюда, ступай! – поддержала соседку Татьяна Олеговна из тридцать шестой. По непонятным причинам она питала к Леше нежные симпатии и даже защищала перед разъяренными пассиями. – Лешеньки нету, он уехал! Нет его дома, девонька. Сама видела, как он в свою машину сел и уехал с утречка.

– Дома этот мудака сидит! Закрылся! – не поддалась на развод его бывшая и застучала по двери ногой.

– Вот это силища, – восхищенно прошептал папа, – вот это напор! Вот это женщина!

– Ты ей еще памятник поставь, – буркнул Леша, так и стоявший за своим шкафом.

Тем временем Семеновна при поддержке своей лучшей подружки Фроловны, бабки куда более злобной, и еще пары соседей с одиннадцатого этажа стала популярно объяснять женщине, куда ей стоит пойти, чтобы не мешать честным людям.

– Бабка! – разъярилась не на шутку Лешина бывшая. – Захлопни уже свой рот! И подавись нотациями!

– Ах ты, грубиянка! Бесстыжая! Убирайся!

– Не уйду, пока он мне не откроет, – очень упрямо произнесла женщина и заорала Леше, – Выходи, урод! Не будь бабой! Откройте!

– Я тебе сейчас сам открою! Чего орешь на весь дом, дура? – раздался зычный бас Олега Сергеевича, соседа с десятого этажа.

Вообще он руководитель одной крупной фирмы. Но выглядит Олег, как бандит из фильмов про бесчинства девяностых. Ну, или как мясник.

Женщина ничуть не смутилась и сказала столько невежливых и матерных слов, что Олег Сергеевич на пару секунд потерял дар речи.

– И где ты такую откопал? – то ли с восхищением, то ли с укором посмотрел Томас на Лешу.

Тот нервно тер щеку с модной трехдневной щетиной. Он ничего не ответил.

– Катя, может, мне уйти? – тихо спросил меня Антон.

Леша услышал и даже подскочил на месте:

– Парень, ты уйти не можешь! Если эта штука, – ткнул дядя в дверь, – откроется, фурия залетит сюда и меня растерзает.

– Из-за заказа? – блеснули за стеклами тонких очков глаза Антона.

Мне показалось, или он умеет иронизировать?

– А, ну да, из-за него самого. Слушай, будь другом – не выходи пока никуда? Ты же ведь не торопишься? – с надеждой спросил Леша.

Антон отрицательно покачал головой.

– Ну, вот и отлично! Посиди пока у нас, еще чаю попьем! Катя тебе покажет детские фотографии или еще чего-нибудь. Кино посмотрите! – преувеличенно бодро воскликнул дядя.

Антон вновь кивнул, только теперь положительно. Интересно, но все-таки смущается, или его забавляет такое вот положение вещей в нашей квартирке?

– Или уединитесь в какой-нибудь комнате, – продолжал родственник.

Папа на него укоряюще посмотрел, но промолчал, а Нелли заявила, что в таком случае будет подглядывать. Пришлось на нее рывкнуть.

Еще минут с десять мы все вместе слушали ругань Лешиной пассии и соседей. Прибывший староста скрипучим голосом призывал всех к спокойствию.

– Какое спокойствие? – визгливо закричала соседка, работавшая учительницей по физике. – Вечер пятницы, между прочим! Мы все пришли домой с работы, и все хотим отдохнуть! А из-за этих Радовых... – она многозначительно замолчала. Остальные с жаром принялись поддерживать учительницу.

– Господа Радовы, откройте дверь вашей гостье!

– Извините, – сказал папа тут же, – это не ко мне гостья.

– Зато к вашему брату! – выкрикнула какая-то домохозяйка. – Она всему подъезду мешает! Сделайте что-нибудь!

– Я не могу ничего сделать, уважаемые!

– Пусть тогда ваш брат выйдет, – предложил староста.

– Моего брата нет дома! – под яростное пинание двери отозвался Томас. Пассия дяди не прекращала попытки выбить нашу дверь. – Он уехал!

– Он всегда у вас уезжает, когда к нему бабы приходят! – возмутился тут же голос какого-то дедка. – Каждые два месяца одно и то же, одно и то же. Бабы все – дуры! И чего в нем находят? Слюнявый да расфуфыренный!

– Это так про меня? – дрожащим от негодования голосом произнес Леша и заорал было: – Ах ты, старый хры...

Нелька ловко закрыла ему рот рукой.

– Да ты реальный дурак! Чего орешь, ты же не дома! – зашипела она.

От высказывания деда Лешина бывшая девушка вообще пришла в ярость. Кажется, эти слова открыли ей глаза на действительность:

– Так он бабник! Так у него таких, как я, тысячи!

– Ну уж не тысячи, – прошептал усталым тоном Леша. – Тысячи я бы не выдержал. Э-э-э... я хотел сказать, заказов тысячи.

Тем временем на лестничной площадке заголосили еще больше.

– Да эта семейка вообще сумасшедшая! – Тут же подхватил кто-то. – Вы у них коридор видели? А эти картины? Сектанты там живут придурочные.

– Точно, сектанты. Как бы и нас туда не затянули!

– И потопы они нам устраивают постоянно! – взвизгнула вновь учительница.

– Вот же дикий народ, – сокрушенно вздохнул папа, не отлипая от глазка, – не понимают, что такое искусство. И вообще, – развернулся он к нам, – футуристы провозглашали «искусство в массы» еще в далекие двадцатые годы. А народ их не понимал. Прошло почти сто лет. И до сих пор эти массы – отсталые люди! Темный лес! Не понимают сложное искусство. И никогда не поймут.

Пока он разглагольствовал, я прильнула к глазку. Перед самой дверью, что-то бессвязно выкрикивая, стояла та самая ненормальная. Коротко стриженная блондинка в дорогом коротком пальто кремового цвета с широкими карманами. Кажется, Нинка недавно говорила, что такая верхняя одежда называется «тренкот» в стиле сороковых годов.

Позади девушки, чье перекошенное от злобы лицо меня даже несколько испугало, стояли многочисленные соседи и бурно обсуждали нашу семью. Девушка перестала бить в ноги дверь, зато вновь принялась звонить.

– Иттай^[9]! Как громко! – сестра прикрыла уши руками. – Может, звонок перегорит и станет тихо?

– Тихо не станет до ночи, – возразил папа. – Давайте сделаем так – я перережу проводочки одни, и звонок сам собой... отключится.

– И никогда больше не включится, – добавила я и пояснила ничего не понимающему Антону: – У папы уникальные руки. Он может сломать все что угодно. Но вот сделать это потом крайне сложно.

– Нет уж, перережь свои проводочки. Этот трезвон меня заколебал! Сумасшедшая какая-то! – потребовал Леша, забыв, что именно он «виновник торжества».

– Откройте ей дверь! – музыкально проскандировали нам соседи.

– Открывай, зараза! – обрадовалась поддержке бывшая пассия. Теперь она билась в дверь всем телом.

– Ну не сможет же хрупкая женщина действительно стальную дверь выбить? – внимательно оглядел нас Томас.

Ответом ему было молчание.

В результате поступили так: папа все-таки лишил звонок электрического питания, и в квартире стало относительно тихо. Потом все мы переместились обратно на кухню, тщательно захлопнув дверь в нее, чтобы не слышать назойливые крики. Изредка папа ходил и проверял, все ли в порядке с дверью. Часу в двенадцатом бешеная девушка стала менее активной, да и почти все соседи разошлись по домам. Леша уговорил изрядно повеселившегося Антона остаться ночевать у нас. Тот, к моему ужасу, согласился. Знала бы Нина, что моя квартира стала приютом для ее несчастного поклонника! Почему-то представилась картинка, как подруга сидит дома, а к ее двери прорывается Антон и начинает

ей орать, чтобы она вышла. Я тихо засмеялась.

Вот уж уморительная ситуация была бы!

– Сама с собой смеется уже, – произнесла над моим ухом Нелли, – вот видишь, до чего твои женщины со своими скандалами довели мою сестру, Лешка?

– Это моя клиентка, – показал ей украдкой кулак дядя.

– При чем тут твоя клиентка? – вновь поинтересовался папа.

Леша не выдержав схватил брата за плечо и выволок его из кухни сказав, что «надо поговорить бы».

Я не выдержала и под шумок выбежала вслед за ними (в это время Нелька терроризировала Антона какими-то расспросами). В коридоре, под уже слабеющие стуки в дверь, Алексей выговаривал папе:

– Ну почему ты не понимаешь! – змеем шипел он. – Я не хочу подавать плохой пример этому ее Антону! Я постоянно расстаюсь с женщинами и частенько по их вине попадаю в такие дурацкие положения. Но не хочу, чтобы этот чувак бросил твою драгоценную дочку! Она будет ходить сама не своя, ныть и действовать мне на нервы.

Я заулыбалась над словом «чувак». Меньше всего Антон походил на «чувака». Дядя бы его еще «крутым перцем» назвал!

– Почему он должен бросать мою дочку? – заволновался Томас, – он очень хороший. И в искусстве разбирается прекрасно. Отличный парень! С чего ты решил, что он с тебя пример будет брать?

– Ну как же? Парни помладше всегда берут с меня пример. Я не хочу, чтобы этот Катькин Антон думал, что я бабник. Начнет повторять за мной. Я ведь идеал мужчины, – хвастливо заявил Леша, на что папа залиvisto расхохотался. Его младший брат обиженно закашлялся.

Я вернулась на кухню ровно за минуту до них.

– Ты уж извини, сынок, – подсел папа к Антону, который, кажется, не был огорчен тем, что его едва ли не насильно заставили ночевать в нашем доме, – что так получилось! Но мы очень тебе рады! Раньше Катя не водила домой мальчиков.

– Папа все ждал, когда приведет! – радостно поделилась с Антоном сестра под моим грозным взглядом. – Он уже думал, Катька старой девой будет.

– Что ты мелешь? – рассердилась я.

– Не стесняйся! – подмигнул почему-то мне папа. – Антоша, будь как дома! С Катенькой тебе не получится уснуть, вам будет мешать Нелли, я, пожалуй, постелю тебе в своей комнате....

– И тогда ты никогда не уснешь, парень. Советую спать в комнате Эдгара. Там удобный диван, – скороговоркой вставил Леша. – Комната нашего художника выглядит еще хуже коридора.

– Мне нравится стиль Томаса. Иногда мне кажется, что это смесь неоромантизма, натурализма и невероятного постмодерна, – улыбнулся Антон, и папа даже в ладоши захлопал – так ему понравились слова парня.

А Нелли предложила поиграть в настольную ролевою игру «Корона Эмбера». Эту штуку подарила нам бабушка лет эдак десять назад, и сначала никто из Радовых не мог врубиться в правила игры по мотивам известного произведения Роджера Желязны «Янтарные Хроники». Однако потом, выучив их, мы могли целыми вечерами зависать над «Короной», расположившись за кухонным столом, выбрав одного из фэнтези-персонажей. У каждого из

них были свои особенности, кидая игральный кубик и проходя задания, забывшись, что мы не в волшебном мире Железны, а в обычной блочной двенадцатиэтажке.

Обычно я выбирала себе карту наемника «Ниндзя» и была одной из лучших. Папа предпочитал быть «Звездочетом» – как и сегодня, – или «Безумным ученым», Алексей и Нелли постоянством не отличались – они успели перебрать едва ли не всех героев «Короны Эмбера», а сейчас остановились на «Эльфе» и «Амазонке».

Антон, не слишком долго думая, стал «Оборотнем» – его выбор меня изрядно повеселил. А Эдгар, выползший к нам вновь, превратился в «Инопланетянина». Кстати, если с нами играла Нинка, то непременно становилась «Королевой ведьм».

– Три добрых, два злых и один нейтральный герой, – провозгласил папа, раскладывая карточки. – А злые у нас Катрина и Антон. Эх, парочка... Друг мой, – обратился он к нашему гостю, – она обычно впереди всех...

Но в этот вечер мне в игре совершенно не везло. Я злилась, пыталась даже мухлевать, но неизменно оставалась последней. В конце концов папа сказал мне с явным намеком:

– Не везет в картах или в другой любой игре – повезет в любви. Я прав, ребята?

«Ребята» дружно промолчали. Только сестра, по обыкновению, захихикала, но я легонько лягнула ее ногой, и она замолчала.

Вскоре, когда за окном стояла совсем уже непроглядная темень, все улеглись. Я слышала в нашей с Нелькой комнате, как папа что-то рассказывает Антону об искусстве и о своем к нему специфическом отношении. Тот изредка что-то спрашивал, и тогда Томас вновь отвечал ему целой тирадой.

Иногда притаившаяся за дверью фурия скребла по ней когтями и что-то вяло орала. Еще реже раздавались тихие победные вопли брата, проходившего очередную игрушку.

В довершение всего на улице громко лаяли собаки и ездил туда-сюда две машины с нетрезвыми водителями, которые включили на полную громкость заводную клубную мелодию.

Под такой букет звуков я и уснула, надеясь, что завтра все в нашем доме нормализуется.

Но и следующее утро спокойным я назвать не смогла. И в этом была виновата Нинка, пришедшая с утра пораньше в гости. Сегодняшний день был для нее особенным – именно сегодня моя полубезумная подруга хотела «зачаровать» несчастного Кея по методу экстрасенса Альбины. Потому что концерт «На краю» должен был быть сегодня.

Я встала поздно, часов в одиннадцать. И проснулась из-за того, что в комнату через тонкую щелку между дверью и полом проник ароматный запах чего-то свежепеченого и вкусного.

– Нелли, что там готовят? – пробормотала я, отбрасывая одеяло.

Ответом мне было молчание. Как оказалось, сестра уже встала, и ее громкий писклявый голос слышался то ли на кухне, то ли в комнате у брата.

Нет, скорее всего она вертится на кухне – еще бы, там что-то варят! Где вкусная еда, там и Нелька. И Нинка такая же.

Зевая, я встала, напарила босыми ногами тапочки, и, продолжая все так же сладко зевать, широко открывая рот, направилась к дверям. Когда моя рука уже потянулась к ручке двери, я сама себе сказала:

– Стоп!

У нас же гость. Глупый Антон, который вчера чуть не бросился под машину. Уж не знаю, хочет ли он вновь повторить свой подвиг и будем ли мы общаться в дальнейшем, но перед

ним я что-то не горю желанием появляться в длинной белой ночной рубашке, расшитой мелкими розочками, спутанными волосами и сонным лицом с опухшими со сна глазами.

Вот же досадно-то как. Теперь в своем собственном доме мне придется приводить себя в порядок ранним (ну пусть не очень ранним) субботним утром.

Я переоделась, расчесалась и сделала хвостик. Подумала и помазала под глазами специальным гелем против темных кругов.

– И где здесь «моментальное действие»? – скептически поинтересовалась я у своего отражения. Оно, естественно, промолчало.

– Доброе утро, – безрадостно сказала я, придя наконец в любимое место сбора всей нашей семьи.

В кухне собрались все, за исключением моего брата, который, судя по всему, еще отсыпался в своей комнате после утомительных ночных походов в очередной игре.

– Охаё годзаймас^[10], – сказала Нелька, прожевывая большущий кусок румяного блина. На столе их высилась целая горка. На самом верхнем блинчике сиротливо плавился желтый кусочек масла.

Папа, что-то взхлеб рассказывая Антону, сидевшему тут же, про «тенденции постмодерна» и интертекстуальность, только махнул головой. Светловолосый парень улыбнулся и сказал едва слышно:

– Доброе утро.

Леша мне хмуро кивнул. Наверняка это он тут готовил с утра пораньше. У Томаса, как я говорила, руки не предназначены для готовки, а мы с сестрой, как истинные дети своего отца, унаследовали этот папин талант. Только Леша почитался в нашей семье за шеф-повара.

– Молчит твоя... заказчица?

– Молчит, – ответил тот. – Она теперь вообще уехала в Москву. Чему я, собственно, и рад безмерно.

– Откуда ты знаешь? – села я рядом с ним.

– Вот знаю. Эта стерва, что тут вчера всех соседей на уши поставила, сегодня улетает. Мне нужно было переждать только один день.

Я шепотом поинтересовалась у него:

– А зачем ты ее бросил за один день до ее отлета? Подождать не мог? Тогда бы и скандала не было.

– А я ее и не бросал. Она меня в ресторане увидела с другой девушкой. И понеслось... Слушай, какая тебе разница? Ты вообще еще маленькая. Сиди и ешь. Ах ты, черт! Ни минуты покоя! – услышал он, как зазвонил его сотовый телефон, лежавший на холодильнике.

Леша схватил его и умчался в свою комнату разговаривать.

– Папа, – повернулась я к болтающему без умолку Томасу, – ты уже Антону своими разговорами голову расплавил.

– Ничего подобного! – запротестовал тот. – Мы культурно общаемся.

– Ты культурно выносишь ему мозги.

– И что ты за человек такой злой? Вот Ниночка, между прочим, очень добрый и отзывчивый человек. А ты со мной спорить готова до бесконечности!

Ну, папа, ну зачем при этом малахольном ее постоянно упоминать, а?

Я посмотрела на Антона – он слегка закусил губу и разглядывал пол, и я не могла понять, какие эмоции скрывает его лицо. Но я бы лично не выдержала столько упоминаний о том, кто тебе нравился и доставил тебе столько неприятных воспоминаний. Это милое

чувело еще ничего – крепится, однако.

А Нинка, не подозревающая о том, какой в моем доме сейчас находится гость, была в своем репертуаре – появилась в тот момент, когда ее вспомнили, словно она отождествляла собой одну очень и очень известную поговорку.

Этим солнечным и теплым утром подруга пришла так внезапно, что напугала меня едва ли не до икоты.

Сначала был просто едва слышный стук в дверь, настойчивый и короткий. Затем удары стали громче и громче.

Потом папина просьба открыть дверь, но «обязательно посмотреть в глазок, а то вдруг это вчерашняя сумасшедшая?».

А следом и сам глазок. Едва глянув в него, я увидела подругу, смотрящую куда-то в сторону. Она ждала, когда ей откроют дверь. Журавль, вероятно, сначала долго звонила, а потом, поняв, что звонок не работает, принялась стучать.

Нинка не простит мне такого вероломного предательства – того, что я приютила Антона, отшитою ею как непригодного для свиданий и прочих отношений. Вот же, блин, делай людям добро! Права пословица о том, что все благие помыслы ведут в ад, как же она верна.

С самой своей большой скоростью я бросилась обратно на кухню. Папа как раз с важным видом засовывал в рот очередной блин, только что побывавший в сметане.

– Помоги мне! – прокричала я.

От неожиданности Томас едва не подавился.

– Ты... ты чего? Что там такое? Ты почему дверь не открыла, Катрина?

– Ты! – ткнула я пальцем в удивленного Антона. – Иди сюда!

Предусмотрительно схватив его за рукав, а не за руку (вдруг мне понравится держать его за запястье?), я едва ли не вытащила его из кухни и приволокла к дверям папиной комнаты.

– Антон, умоляю, иди туда и сиди там, пока она не уйдет!

– Ты что? Кто не уйдет? – произнес он озадаченно.

– Нинка! Она пришла! Если она сейчас тебя тут увидит, мы с ней крупно поссоримся. Пожалуйста, ну посиди в той комнате, я очень прошу! Я все, что тебе угодно, сделаю.

Он пожал плечами, обтянутыми все той же белой водолазкой, и покорно шагнул в папину спальню и зал по совместительству. А Нинка продолжала стучаться.

– Кто там к нам ломится, точнее, в гости хочет? – вышел в коридор Томас. Следом за ним выскочила Нелька, измазанная в сметане. Кажется, они оба подумали, что вернулась вчерашняя Лешина пассия, и морально готовились к длительной осаде.

– Пап, Нелли, – жалобно произнесла я, – там Нина.

– Ниночка! Пригласи ее с нами позавтракать, – обрадовался папа. Конечно же, он ничего не понимал.

– Иди уже, открывай. А то она подумает, что никого нет дома, и уйдет, – добавила Нелли и сама хотела, было, броситься к двери, но я ее перехватила.

– Стойте! Не говорите Нинке, что у нас Антон! – взмолилась я, оглядываясь на дверь. Нинка упрямая – знает, что все дома, и поэтому долбиться не перестанет.

– Это еще почему? – удивился папа.

– Да, почему? Ты что, у нее Антона увела? – раскрыла рот Нелли. – Вот это па-а-а-арень! Роковой, блин!!

– Да никого я не уводила! Мы с ним вообще просто одноклассники! – замахала я

руками. – Прошу вас как ближайших родственников не говорите ей об Антоне, а он пока вообще спрятался по моей просьбе.

– Как у вас все серьезно. Ты нехорошо поступаешь с лучшей подругой, Катрина. И вообще я не привык врать, – жеманно отозвался родитель.

Я от злости побледнела.

– Если ты не сделаешь, что я прошу, – медленно произнесла я, подходя ближе к ним, – то Леша узнает, кто разбил его хрустальную награду прошлогодней дизайнерской премии. И он перестанет думать, что это был соседский кот, забежавший к нам в квартиру.

– Ну ладно, ладно! – мигом согласился Томас. Ему, наверное, вспомнилось злое выражение глаз младшего брата, который узнал, что награда, дорогая его сердцу, превратилась в тысячи осколков. – Я ничего не скажу ей про твоего друга, дочурка ты моя вымогательская.

– А я скажу! – заявила Нелли.

– Если ты моя сестра – не скажешь!

– Скажу! Или давай мне пятьсот рублей. Я новую мангу купить хочу.

Я подозрительно сощурилась:

– А не много ли?

– В самый раз. Тем более я видела, у тебя в тайнике как раз столько и есть.

– Ну, хорошо! Договорились, – прошипела я, прожгла Томаса и сестру нехорошим взглядом и наконец открыла дверь.

Нинка за ней стояла крайне злая.

– Ты что, двигаться разучилась и слух потеряла, твою ма.... Ой, здравствуйте, Томас, привет, Нелли! – подруга заметила в коридоре других представителей семьи Радовых.

– А у нас, Ниночка, вчера звонок сломался, – улыбнулся ей папа, словно извиняясь, что девушке долго не открывали дверь, и тут же позвал на кухню.

Я точно знала, что подруга только что позавтракала (у нее правило – не выходить из дома голодной), но она все равно согласилась и пошла следом за отцом, расспрашивая об его творческих планах. Тот разразился едва ли не целой лекцией, но мы с Нелькой кое-как его заткнули. И на битых полчаса мы застряли в кухне.

Сначала папа расспрашивал Нину о родителях, здоровье и учебе. Потом плавно перевел тему разговора на новую свою городскую экспозицию. Нинка клятвенно обещала сходить на нее, папа радовался, Нелли изредка встревала в разговор и что-то спрашивала у Нинки. Та умудрялась общаться и с отцом, и с дочерью, и еще кивала мне многозначительно, что, мол, сегодня день Икс!

А я сидела и дергала ногой под столом. Как там этот растяпа? Не выдаст своего присутствия? Чем он занимается? Не решит ли покончить со своей жизнью в моем собственном доме или все же постесняется?

Нинка заметила мою нервозность и, конечно же, спросила приторным голоском:

– Катенька, у тебя что, приступ трясушки случился?

– Да, Ниночка, нервишки ни к черту, – таким же тоном ответила я ей.

Подруга пнула меня под столом, я ей тут же ответила. Это заметил папа и возмутился:

– Как ты себя ведешь с гостями? Как тебе только не стыдно!

Я очень тяжело вздохнула и под ироничным взглядом Нинкиных голубых глаз отвернулась к окну. За ним ласково светило солнце, наполовину высунувшееся из-за высоких домов. Ни ветра, ни дождя. Прекрасный солнечный весенний день. Погулять бы сейчас.

Сходить бы на набережную или в парк...

– Привет, Нина! – вошел на кухню наговорившийся по телефону Леша. – С каждым днем ты становишься все красивее и красивее!

– Ну что ты, Леша! Это ты очень модно выглядишь даже дома.

– Ну что ты... Мне положено так выглядеть. А ты еще не собралась стать моделью? Если что, ты знаешь – я смогу устроить тебе хорошую протекцию.

– Нет, спасибо, – отвечала, смеясь, подруга. – Но если я все-таки решусь на это, тогда опыта я буду набираться у тебя.

Дядя польщенно улыбнулся, оглянулся и сказал фразу, которую я очень сильно боялась услышать:

– А где Антон?

Мы втроем переглянулись. Это не укрылось от Нины.

– Хэ? Какой Антон? – глупо улыбаясь, спросила Нелли.

– Ну, не придуривайся. Он отошел? Или вообще ушел домой? Я кое о чем с ним хотел бы побеседовать.

– Леша, Антон уже ушел домой, – сказал папа, постукивая по столу пальцами, – он так всегда делает, когда нервничает.

– Да? – протянул его младший брат. – А я думал, он с Катькой своей посидит, а то мы его вчера...

– Антона нет! – заглушая голос Леша, произнес папа поспешно.

Нинка заинтересованно спросила:

– Что за Антон?

– Ты не знаешь Антона? – рассмеялся дядя. – А я думал, Катя тебе первым делом о нем рассказала. Девчонки насчет своих мальчиков всегда сначала подру...

Нельке было жаль терять халявные пятьсот рублей, поэтому она взвилась со своего стула и закричала, перебивая дядю:

– Смотрите, птица залетела! Ой какая птица странная!

Все мигом начали оглядываться, даже я.

– Где птица? Какая птица? – заговорили находившиеся в кухне одновременно и завертели головами.

Сестра сделала мне большие глаза и перевела взгляд на дядю, который тоже изумленно оглядывал то едва приоткрытое окно, то потолок.

– Вон, вон! Под потолком! – поддержала сестру я.

– Да где же? – удивлялся Томас. Пока он пытался вместе с Нинкой увидеть мифическую птичку, я прошептала на ухо Леше:

– Не говори Нинке ничего про Антона! Она не должна знать! Я тебя умоляю!

В отличие от папы и сестры тот не стал выделяться. Как-никак Алексей и сам частенько попадал в экстренные ситуации, связанные с взаимоотношениями и всяческими там любовными треугольниками. Он понял меня с полуслова и ничего не сказал. Только кивнул мне коротко.

– Я вас разыграла! – в этот момент заявила Нелли. – А вы поверили, ха-ха-ха!

– Ты что, манеры у старшей сестры переняла? – с укоризной взглянул на нее Томас. – Нина, хоть ты научи этих двух дурочек правилам поведения.

Та молча согласилась, а потом опять спросила:

– Ну, так кто такой Антон? Мне так интересно. Чего ты мне, Катечка, ничего про

Антон не рассказывала?

Вот же любопытная девица! Наверняка в прошлой своей реинкарнации она была безносой Варварой. Да-да, той самой, с базара.

– Это мой друг вчера приходил, – нашелся Леша. – Пришел к нам в гости и, представляешь, стал заигрывать с нашей Катькой!

– Во-о-от как? – подняла на меня выразительный взгляд подруга. – Кать, и как он тебе?

– Ничего так, – тихо ответила я. – Нормальный.

– Просто нормальный, и все? – не отставала она.

У Нинки иногда появляется мания – найти мне молодого человека, как будто я сама не в состоянии этого сделать.

– А человек может быть не просто нормальным? – раздраженно ответила я, не зная, что сказать.

– Этот Антон приехал из Москвы, – самозабвенно начал врать дядя, – мы были с ним в Питере на одних и тех же семинарах по дизайнерскому делу. В наш город он прибыл по делам и решил заглянуть ко мне. И кто бы мог подумать, что ему наша Катюша приглянется, – и он опять засмеялся.

Было видно, что Нинку буквально разрывает на части от любопытства:

– А как он выглядит-то? Надо же, Катя, как тебе повезло! Расскажите, какой он?

– Ей очень повезло! – заявила Нелли, не скрывая улыбки на пол-лица. – Он просто каккоии^[11]!

– Он блондин, – начал Алексей, но под моим строгим взглядом осекся, – блондин с очень модной прической, выразительными глазами цвета стали. И фигура у него отличная. Подтянутый и симпатичный – я сразу вижу красивых людей. У него особенный шарм.

– И татуировка у него отпадная на плече и на спине! – вставила Нелли зачем-то, веселясь. – И крутые серьги в ушах.

– Очень стильный парень. Одевается только в фирменную одежду. У него прекрасный вкус. Он же бывшая модель, как и я, – продолжал бессовестный Леша. – А это говорит о многом.

Я чуть было сама не засмеялась. Нелька закрыла рот, чтобы не расхохотаться в голос, даже папа улыбался. А глаза Нинки раскрывались все шире и шире.

– Кать, ну тебе повезло! А характер у него какой?

Леша опять открыл рот и поведал:

– Очень веселый парень, приветливый. Душа компании, – не моргнув глазом, соврал опять Леша. – Ниночка, ты не поверишь, у него такая харизма, что вокруг него всегда находятся люди! И очень много женщин.

– На гитаре играет, – опять вставила Нелли бессовестно. – И поет красиво!

– И к тому же умный. Два высших образования, Ниночка! И родители – обеспеченные люди, – неизвестно зачем добавил папа.

Нинка не сводила с меня восхищенных глаз:

– И ты молчала? Катя, я думала, ты мне все секреты рассказываешь!

– Так я не успела, – еще тише отозвалась я, – он же только вчера приходил. И вчера я его впервые и увидела... Хотела сегодня тебе рассказать...

– По смс бы хоть похвасталась! – не унималась Нинка.

– А у меня денег нет на телефоне....

– Понятно, – задумчиво произнесла подруга, а папа поспешно добавил:

– Жаль, что ты не увидела этого чудесного молодого человека, Ниночка. Он ушел буквально час назад.

– Так он все-таки ушел! – воскликнул Леша. – Вы мне бы раньше сказали! Теперь мы с ним только в Москве и увидимся. У него же сегодня рейс домой.

– То есть я его не увижу? – расстроено произнесла Нинка, и все мы одновременно покачали головами.

– Ой, жалко... А как он к тебе клеился-то?

– Это я тебе не при них расскажу, – ответила ей я. – И они вообще все выдумали, просто дразнят меня.

– Нет, Катька ему так понравилась, что он с ней встречаться хотел! – гнул свою линию дядя.

Подруга задумчиво произнесла:

– Значит, он к ней еще придет? Так получается?

– Нет, – вставил папа, – я запретил им встречаться! Сказал, что они по возрасту друг другу не подходят. И он бабник страшный, хуже него, – кивнул на брата Томас.

Тот кисло покачал головой.

Дверь скрипнула. Кого там еще принесло?

– При-вет, – раздался механический голос сонного брата, который тоже соизволил встать с кровати. – Еда, – наткнулся его взгляд на заставленный стол.

– Садись, сынок, кушай, – заботливо похлопал по спинке стула Томас.

Эдгар сел.

– Опять всю ночь за своим белым железным другом просидел. Эд, ты так растеряешь все свои молодые годы! Тебе за девушками надо ухаживать, а не жить виртуальной жизнью, – покровительственно произнес Леша, считающий, что он сам живет полной и насыщенной событиями жизнью.

– Вот именно, – сказал папа. – Компьютер – это, конечно, хорошо. Но ведь и другими делами надо заниматься! Вот, например, на природу съездить. Или в кино сходить. Или на выставку.

– На твою, наверное, – заржал дядя.

– Отстаньте, – пробурчал Эдгар. – Налейте мне кто-нибудь лучше молока.

– Обслуги нет. Наливай сам, – тут же ответил Леша.

– А где ее друг? – спросил вдруг старший брат, увидев меня. – Он так классно в стратегиях разбирается, хоть с ним нормально поговорить можно. Не то что вы, лузеры.

– Ты имеешь в виду Антона? – преувеличенно ласково спросил папа.

– Ага, его. Этого парня в очках Антоном звали? – повернулся брат ко мне. Я машинально кивнула.

Леша тревожно глянул на Нинку, которая не слышала ничего о том, что у моего лже-поклонника плохое зрение.

– Знаете, – воскликнул он, – сейчас очень модно носить очки в яркой оправе! Самый писк. Так что плохое зрение тоже может быть... личной стильной фишкой.

– Пусть одежду мою не возвращает, – не слыша его, продолжал Эдгар, которого я готова была убить.

– А зачем ему его одежда? – заинтересовалась опять Нинка. – Он же модный парень? А Эдгар... – Она подозрительно на меня уставилась.

– Антон любит из старой одежды делать шедевры моды. Я ему кое-что из Эдгарова

скудного гардероба отдал, – нашелся дядя.

Они еще несколько минут поморочили голову Нинке, долго рассказывали про посещение вчерашней Лешинной бывшей, и только потом мы вместе с ней удалились в мою комнату.

– Ну, вы чудите, – весело сказала она, – с утра настроение подняли.

– А тебе чего не спится-то? Чего так рано пришла? – мое настроение было намного ниже плинтуса. Не дай Боже, эта сумасшедшая узнает про Антона. Какой скандал она устроит!

– Радовалась бы гостям, балда. А я тебе...

Договорить ей помешала Нелька, вбежавшая в комнату. Не обращая на нас внимания, она под села к нашему общему компьютеру и запустила его.

– Сейчас в «Симс-3» поиграю! – поведала она нам. – Я там боев из «Ред Лордс» создала... Ух, оторвусь!

Видно было, что Нинка не хочет говорить при любопытной Нелли. Поэтому она прошептала мне на ухо:

– Выйдем, – и встала с дивана.

В коридоре она огляделась. На кухне болтал по телефону папа, в своей комнате слушал музыку Леша. Эдгар опять прирос к компьютеру, и из его комнаты слышался бешеный стук клавиш.

– Все занято. Что за люди. Пошли сюда, – к моему ужасу, подруга вошла в комнату папы.

– Стой! – крикнула ей я, но было поздно.

Нинка оказалась в том же месте, в котором прятался Антон. Я зажмурилась. Сейчас подруга зайдет туда и счастливо увидит Тропинина. Тогда она точно поймет, что тут шикарным модным блондином с татуировкой даже и не пахнет. Обидится.

Я простояла так секунду, две, три, а Нинка все не орала. Я открыла глаза и несмело шагнула в папину комнату. Антона нигде не было. А Нина сидела на широком мягком полукруге, который заменял и кровать, и диван. Я с опаской уселась на второй такой же полукруг и притянула к себе подушку в форме головы монстра. Все здесь было выдержано в черных или белых тонах: и обои, и ковер, и эти круги, на которых мы сидели. Одна из стен полностью являлась зеркальной. Большое окно закрывали черные непрозрачные рольшторы, расписанные баллончиком. Потолок тоже был расписан и разукрашен. Частые папины гости постарались над этим. Более-менее нормальной мебелью в этом месте, которое было увешано папиными работами, можно было назвать высокий шкаф, который достался ему еще от прадедушки. Отреставрированный шкаф, расписанный бело-черной вязью, стоял в дальнем углу напротив нас. Это было единственное место во всей комнате, куда мог укрыться Антон. Глядя туда, я нервно сглотнула. Хорошо, что этот тормоз хотя бы догадался спрятаться...

– Какая ты странная, – внимательно поглядела на меня подруга.

– Нормальная я. Просто не выпалась.

– Ну смотри мне. Три тысячи демонов! Ну и мерзость! – захохотала Нинка.

– Где?

– Да везде! Как твой папан здесь только живет? – уставилась на огромную картину без рамы Нинка.

С полотна на нее смотрела выпученными жуткими глазами жаба с женскими волосами цвета расплавленного золота. Вокруг жабы весело порхала пара десятков миниатюрных

эльфов с гранатометами в руках.

– Лучше бы спросила, как мой папа все это рисует! – хмыкнула я в ответ. – Это, между прочим, картина под названием «Идеал красоты эллипса».

– Если только эллипса... – с отвращением разглядывая жабу, проговорила блондинка. – Так, вернемся к делу. Почему я сюда пришла так рано? Я хотела сообщить, что ты идешь сегодня со мной.

– Куда? – глупо переспросила я.

– На концерт моих лапулек. Группы «На краю». Можно подумать, ты не знаешь, куда я сегодня вечером собираюсь, – раздраженно ответила подруга.

– Зачем? – не понимала я.

– Мне помогать.

– Но у меня нет билета!

– А тебе он и не потребуется, – как-то странно усмехнулась Нинка.

– Почему? Ты что задумала? – почувствовала я что-то нехорошее, глядя на сияющее чем-то действительно демоническим лицо Нинки.

– Та-дам! – пропела она и, как фокусник, вытащила откуда-то маленькую пластиковую карточку.

– Это что? – удивилась я.

– Это что? – пискляво передразнила меня подруга. – Это твой пропуск, журналист Радова.

– Чего? Какой журналист? Совсем со своим Сеточкиным рехнулась?

– Ты журналист нашей университетской газеты, милочка, – с победоносным видом ответила Нинка. – Пойдешь в клуб вместе со мной. Будем вдвоем брать интервью.

Я даже на ноги вскочила и повысила голос, забыв, что в шкафу засел мой гость.

– Никуда я не пойду! С чего ты это взяла? Совсем уже у тебя ум высох!

– Ты не можешь так со мной поступить! – в голосе подруги зазвенели слезы.

Тут Нинка стала использовать свой любимый прием – слезное выпрашивание. Он безотказно действовал на всех, включая ее железобетонного папочку.

– Катечка, ну, пожалуйста, ты должна будешь мне помочь приворожить Кея! Милая моя, прошу! Ты же моя лучшая подруга!

– И единственная, – вставила я, хмурясь. Сейчас Антон это услышит и примет меня за психопатку.

– Вот именно! Мне не у кого больше попросить помощи! Ну, хочешь, я на колени встану?

– Не надо! – испугалась я.

– Нет, я встану, и пусть тебе будет стыдно, что ты не хочешь помогать своей лучшей подруге, которая может положиться только на тебя! – и она с мольбой заглянула мне в глаза.

– Может быть, я хочу быть фотожурналистом, – заочевряжилась я. Фотография была тем самым искусством, которое вызывало во моем сердце наибольший отклик. Когда-то я даже мечтала, что буду фотографом, и занималась этим.

– Ты камеру до сих пор себе сделать не можешь, – пробубнила Нинка. – Издеваешься, что ли? Фотожурналист, блин.

– Есть немного, – захихикала я.

– Катя! – заныла подруга. – Ну, Катечка, пожалуйста, прошу! Я правда на колени встану!

Через пять минут я была готова. Нет, я не умерла, а всего лишь, скрепя сердце, согласилась. Нинка кого угодно достанет!

– Ладно, я пойду с тобой, – сквозь зубы проговорила я. – Но это в последний раз ты втягиваешь меня в свои сомнительные авантюры.

Нинка тут же бросилась мне на шею, хотя ни я, ни она особенно не любим прикосновений или объятий.

– Спасибо! Спасибо! Катринка моя, я так и знала, что ты мне поможешь! – радостно завопила она. – И я приворожу Кея!

Нет, действительно, представляю, что там о ней бедняга Антон думает...

– Ори тише, не надо, чтобы об этом кто-нибудь знал. Да никого ты не сможешь приворожить, глупая ты моя подруга! Эта Альбина шарлатанка, которая дерет деньги с людей! – попыталась я ее вразумить. Но какое там. Это то же самое, что попытаться остановить движение поезда голыми руками.

– Ой, все пройдет отлично! Главное, что ты мне поможешь! Кстати, вот! – достала она из своей гигантской сумочки цвета морской волны пластиковый пакет. – Это тебе на хранение.

– Что это? – опасливо покосилась я на сверток и осторожно его потрогала. Мало ли что Нинка вздумает мне на хранение принести?

– Это атрибутика, которую дала Альбина. Понимаешь, эта скотина...

– Какая скотина? – не поняла я.

– Сестра моя, какая-какая! В общем, эта дура Ирка залезла в мой стол и чуть не нашла там пакет с магическими штучками от Альбины. Я едва выкрутилась, сказала, что это твое.

– Мое? – сощурилась я. Вечно она все на меня спихивает. Однажды в седьмом классе Нинка увлеклась пошлым занятием – рисовала уродливых человечков с длиннющими носами, капающей слюной и огромными бородавками, подписывая их именами одноклассников и учителей. Человечки были не только страшные, но и голые. Подруга тогда листов десять накропала рисуночков в стиле «безобразное ню» и очень этим гордилась. Через пару дней ее мама нечаянно нашла эти рисунки. Чтобы избежать наказания, эта сумасбродка свалила вину на меня и еще на одну одноклассницу, с которой мы тогда общались. Правда, об этом я узнала только спустя пару лет...

А подруга тем временам продолжала:

– Поэтому, я даю тебе его на хранение. Если сестрица найдет, то все матери доложит или отцу, а с ним мне отношения выяснять неохота.

Подруга всучила мне пакет со словами:

– И смотри, не забудь его взять. Я к тебе в пять часов заеду на такси. Мы вместе поедем на пресс-конференцию моей милой группы.

Я вздохнула. Нинка принялась кружиться по комнате в обнимку с подушкой-чудовищем, которую она нагло забрала у меня.

– Кей будет мой! Кей будет мой! И все вокруг от зависти сойдут с ума! Кей будет мой, он будет мой! Я буду им владеть одна! – фальшиво запела она под какую-то знакомую мелодию.

– Успокойся, – опасливо посмотрела я на шкаф. Вдруг этому чудику нехорошо там стало от ее воплей?

– Я выполню этот гребаный ритуал, – уселась со всего размаху рядом со мной подруга, – и Кей влюбится в меня. Я буду самой счастливой! Главное, чтобы увидеть его после ритуала...

– Нин, но даже если и произойдет чудо – а я в этом сильно сомневаюсь, – будет ли такая любовь настоящей? – вдруг спросила я.

А действительно? Человек, которого заставили искусственно почувствовать симпатию и

привязанность, не может любить по-настоящему, всем сердцем. Ведь он всего лишь будет подчиняться чьей-то, неведомой ему воле. Разве подчинение – это и есть искренность и настоящая любовь? Ну, если, конечно, отбросить любителей садомазо... то нет.

– Что за глупости, дорогая моя подруга? Ты сегодня ну очень странная. Температуры нет? – приложила холодную ладонь к моему лбу Нина, услышав мои рассуждения. – Вроде нет. Хм. Все в порядке, а всякую чушь несешь.

– Но это не чушь! Это же... а, ладно. Это уже не мое дело. Не я всяких там Кеев буду привораживать.

– Вот именно, Катерина! Я к тебе всего лишь прикоснулась, а уже передала часть своего здравомыслия!

– Или глупости. Ее ты мне точно давно передала, раз я тебе в твоих бесконечных авантюрах помогаю и во всем потакаю тебе!

– Я вовсе не глупостями занимаюсь, – отрезала Нинка.

– А как, по-твоему, твои прихоти называются? – ехидным тоном спросила я. – То ты вдруг захотела приворожить певца. То тебе вдруг надо купить телескоп, чтобы наблюдать за жильцами дома напротив. То тебе крайне необходимо кого-нибудь на публике унижить! То подставить преподавателя! Следующим что будет? В космос полететь?

Она вдруг вспыхнула:

– Ну, знаешь ли! Если бы не я, ты бы в своей комнате засела, как твой компьютерный червь Эдгар, и вообще ни чем не занималась! Предавалась бы, наверное, своей вселенской тоске! Я тебя развлекаю как могу. Я тебя, милочка, стараюсь повсюду таскать, чтобы ты не чахла, роясь в своих бесконечных воспоминаниях!

– Не роюсь я ни в каких воспоминаниях! – разозлилась я и отвернулась.

– А то я не знаю! Ты только и делаешь, что копаешься, копаешься, копаешься в себе! Надо жить, а не существовать! С тех пор прошло целых четыре года, а ты... – Нинка замолчала, – ладно, проехали.

– Не думай, что я безнадежная идиотка, – холодно отчеканила я, хотя вообще редко злилась на Журавлика. – И я стараюсь жить. И, заметь, пока еще не сдохла: не просто так, не от раздумий.

– Ой, девочки, – заглянула в этот момент сестра, – а я таких классных симов создала! Хотите посмотреть?

– С удовольствием, – проворковала Нинка.

Когда она вышла вслед за Нелли, то была недовольна мной. А я злилась на нее. За правду.

В результате подруга ушла уже минут через двадцать, холодно попрощавшись. Младшая сестра не хотела отпускать девушку – так ей хотелось показать хоть кому-нибудь не только созданных человечков, но и их дома, построенные ею. Нинка пообещала, что придет в следующий раз, и тогда они «вместе будут строить дома».

Когда наконец входная дверь с шумом захлопнулась за Журавлем, я перевела дух.

Она ушла! Жаль, что мы повздорили... но мы обязательно помиримся.

Так бывает всегда.

Облегченно вздохнув, я побежала освобождать Антона, куковавшего в своем шкафу. Какое счастье, что Нинка не нашла его! Не иначе как сегодня удача в кои-то веки была на моей стороне, а не пропадала невеста где!

Антон уже стоял посередине комнаты. Улыбался. И смотрел на меня куда более ясными

глазами, чем вчера.

Что-то настроения у него полярные: то с жизнью хочет свести счеты, то веселый, словно только что его самолично развлекали господа Петросян и Задорнов, взявшись за руки.

– Ушла она, – хмуро сказала я. От того, что он, должно быть, слышал наш глупый разговор, мне было неловко. Но не могла же я сказать подруге: «Нин, тише, тут в шкафу кое-кто засел!»

– Я слышал, – вдруг сказал он.

– М? У Нинки заскоки начались весенние, запоздалые. Не обращай внимания. Она вдруг заделалась меломанкой.

– Извини меня, – добавил парень, отводя глаза. – Это ведь из-за меня так получилось.

– Да ну, ты брось, – великодушно махнула я рукой, – зато смешно вышло. Будет что вспомнить. Правда?

– Вполне возможно. Мне уже, наверно, пора, – задумчиво посмотрел он на наручные часы, прятавшиеся под длинными белыми рукавами.

Я не стала возражать или удерживать это чучело. Нет, чучело – в хорошем смысле. Он довольно-таки приятный парень. Я даже пригласила его к нам в гости, «когда у него будет свободное время», а потом отчего-то слегка засмушалась. Он мне улыбнулся.

Тут в комнату пришел папа и заговорщицки нам подмигнул:

– Вы тут вместе? Ну как, Ниночка ничего не узнала?

– Не узнала, – закивала я. – И Леша тоже ничего не узнает. Про его награду.

– Шантажистка, – вздохнул Томас. – Юная, но уже опытная. Дорогой мой сынок, женщины все такие. Вот у известного художника...

Он опять хотел присесть на уши Антону, но я действовала решительно: сообщила папе, что Антон уже уходит и что он, мой родитель, уже всем надоел со своим искусством и прочими глупостями.

Не забыв схватить оставленный мне на хранение «колдовской пакет», я вытащила Тропинина из этой комнаты. Вскоре он ушел, переодевшись в свои чистые вещи. Хорошо, что стиральная машинка у нас новая и хорошая – все отлично отстирала от грязи. А вообще я заметила, что одежда, в которую одноклассник облачается, не совсем ему подходит. Точнее, совсем не подходит. Но это уж его проблемы, и, как говорит Нинок: «чьи проблемы, тот пусть и парится».

– Нина ушла? Как там твой Ромео? – выглянул из своей комнаты Леша с гаденькой улыбкой. – Неужели ты его у подружки-то увела, а?

Я, кажется, покраснела и рявкнула на него:

– Да никого я не уводила! Они просто... друг друга терпеть не могут, вот и все!

– Знаем-знаем, – не поверил Алексей, не переставая улыбаться. – Так где Ромео?

– Ушел твой Ромео, – ответила я и вернулась в свою комнату под веселое напутствие дяди:

– Пусть еще приходит! Вы забавно смотрите вместе!

– Сам дурак, – не в тему пробормотала я, но так, чтобы Леша не расслышал.

Нелька убежала от компьютера только через два часа и я, наконец, уселась за стол, уставясь в родной мерцающий экран. Как давно я не была в своем блоге. Напишу-ка я что-нибудь... об этой самой приворотной магии и нечестной любви.... Все-таки у Нинки куча тараканов в белокурой головке.

В результате я так засиделась за компьютером, что едва не опоздала. Очнулась от

манящего экрана только за полчаса до того, как Нинка должна была захватить за мной. Она послала мне смс, где сообщала, что ровно через тридцать минут я должна быть около своего подъезда. Пока я носилась по дому, собирая вещи (а полчаса для меня – это очень малое количество времени для сборов!), родственники по очереди приставали ко мне.

– Ты куда? – с интересом глянул на меня папа, когда я подвигала только что вымытые волосы, сидя на кухне. Да, странное место для наведения макияжа и прически, но здесь лучшее в доме освещение.

– Гулять, – не стала вдаваться я в подробности.

– С кем? – заинтересовался Томас.

– Как будто у меня есть много вариантов, с кем я могу пойти погулять! Ай! – обожгла я палец плойкой.

– Не надо портить волосы всякой фигней, Катрина, – сказал тут же папа. – Они и так хорошие.

– Ага, мне что, ходить такой же лохматой, как ты? И стричься раз в году? – Огрызнулась я. Томас о волосах редко заботился, забирал их в хвост, и все дела. А мне не нравилось, когда волосы торчали во все стороны и пушились. К тому же Нинка просила одеться сегодня как-нибудь понарядней.

– Я не лохматый. Я всегда такой. А ты поздно придешь? – продолжал он спрашивать.

– Поздно, – кивнула я. Мне разрешалось приходить хоть следующим утром – главное, не забывать предупредить кого-то из семьи об этом.

– А я тоже скоро буду собираться. В студию, – сообщил мне родитель.

У него была своя небольшая квартирка-студия, в которой он, собственно, и творил свои ужасные шедевры. Чаще всего он рисовал ранним утром, поздним вечером и ночью, поэтому иногда часто оставался в студии ночевать.

– Я тоже сегодня уйду, – раздался голос Лешки, который до этого что-то напевал в прихожей. – Поеду в загородный дом Шерри.

– Это кто? – спросила я, нанося светло-коричневые тени на веки.

– Шерри – моя новая подруга. Дочь банкира, между прочим, – хвастливо ответил дядя. – Катя, что за ужасный макияж? Лучше бы вообще не красилась.

– Вот и я говорю, что естественная красота – намного лучше! – обрадовался папа, который почему-то терпеть не мог, когда я или Нелли пользовались декоративной косметикой.

– Да отстаньте вы от меня! Что вам вечно надо?

– А куда ты, собственно, красишься? Ты вообще это дело редко делаешь, – заметил дядя.

– Она пойдет с кем-то гулять, – тут же сообщил папа, – сказала, что с кем-то из своего немногочисленного окружения!

– Тогда привет Антону, – отозвался Леша, как раз в то время, когда я, высунув от напряжения кончик языка, вновь подкрашивала ресницы тушью. Поэтому я, немного увлекшись, автоматически сказала:

– Передам.

– Вы с ним прямо каждый день встречаетесь. Молодцы, – похвалил меня родственник. – Смотри не надоедай ему сильно звонками и сообщениями. В девушке должна оставаться хотя бы капля загадки, которую настоящий мужчина стремится раскрыть и...

Я прервала словесный поток Алексея:

– Чего? – закричала я. – Слушай, ты что мелешь? Я с Нинкой иду!

– Ну-ну. А то мы не видим. Ради Нинки своей ты так красишься?

– А, Леша, оставь ее. Все влюбленные нервными становятся, – махнул рукой папа.

– Ну, Кэтрин, – потрепал меня по голове Леша, – желаю с ним удачи. Помни – не все парни такие же плохие, как твой любимый дядечка. Этот твой Антон хоть и похож слегка на чмо, зато тебя не бросит.

Нет, ну сколько уже можно? Почему они все думают, что меня и этого дурачка Антона связывают какие-то отношения?

– Это ты чмо, дядечка. Мы вообще не встречаемся, – с этими словами я нечаянно размазала тушь на правом глазу, взвыла и побежала в ванную – устранять этот беспорядок.

Хорошо, что Алексей мне добродушно помог в этом нелегком деле. С косметикой он был на «ты», красить умел едва ли не совершенно и сделал мне действительно красивый, но не кричащий макияж, легкими движениями нанеся не только тени и тушь, но и тональный крем, пудру, румяна, помаду и блеск.

Как я не опоздала – уму непостижимо!

Когда Нина заехала за мной на своем обещанном такси, то уже не дулась, да и я остыла. Подруга чуть ли не разлеглась на заднем сиденье, выставив босые ноги на второе пассажирское место.

– Сядь вперед, – коротко велела она мне, когда я открыла заднюю дверь.

Интересно, что у нее там случилось, что ее лицо такое сосредоточенное, а брови сведены к переносице? Да и манера сидения в авто у нее какая-то странная.

Едва я оказалась на месте рядом с водителем, пожилым мужчиной с седой бородкой, как тут же спросила подругу, оглянувшись:

– Нин, ты чего там без обуви расселась? Туфли, что ли, забыла?

– Забыла. Сотня бородатых уродов! – совсем не по-женски взвыла она, и водитель, выезжающий на перекресток, удивленно оглянулся.

– Что смотрите? – огрызнулась Нинка. – Лучше за дорогой следите.

– А я слежу, девушка, – ничуть не обиделся тот, поворачивая машину на дорогу.

– Ты, правда, забыла обувь? – несколько обескураженно спросила я, не почувствовав подвоха.

Вроде бы Нинка при полном параде: умело покрашенная, облаченная в новенькие узкие черные джинсы и трикотажную нежно-серую тунику, которая словно кричала, что была куплена в бутике и подчеркивала достоинства фигуры Нинки. На тунике в свете вечернего солнца, проникающего сквозь окна машины, блестела и переливалась длинная нитка черного жемчуга. Этот же камень был и в ушах блондинки.

Подруга повернула лицо ко мне и выдала гневную тираду:

– Ты что, совсем того? Катя, ты вообще понимаешь, что ты иногда морозишь? Я вышла из дома без туфель! В плюс десять! Какая смешная шутка! Я тут спешу на самую важную встречу в моей жизни, а ты мелешь ерунду! Да, Катенька, да, я вышла босиком! А это, – потрясла она в воздухе черной изящной туфлей на огромном каблуке, – это я в машине нашла! Дяденька-водитель это, наверное, носит!

Дяденька-водитель оглянулся, увидел туфлю и тут же запротестовал:

– Нет-нет, это не мое!

– Это не его! – как маленькому ребенку сказала мне подруга. – Как думаешь, чье тогда?

Я спокойно улыбнулась ей. Хорошо, что Нинка нервничает и злится по пустякам. Если бы она до сих пор на меня обижалась, то вообще бы всю дорогу молчала. А ссориться с

подругой, тем более из-за какой-то ерунды, мне совсем не хотелось.

– Так что с тобой? – вновь спросила я.

– Мозоль натерла, – коротко ответила подруга.

– Когда успела? – изумилась я. – Ты же утром была нормальная.

– Я и сейчас нормальная. Я, как ушла от тебя, решила пробежаться по магазинчикам.

Полечить шопингом свои несчастные нервы. Видала? – ткнула себя в грудь Нинка. – Классная штука, туника из легкого французского трикотажа, последняя коллекция «Элизабэт Мэйлер». Но не об этом речь. Я купила себе новые туфли, – с ненавистью ее глаза уставились на предмет обуви, который подруга до сих пор сжимала в руке. – И прямо в магазине их надела. Решила разносить. А они... мне мозоль натерли, эти чертовы калоши! – она с размаху ударила ни в чем не повинной туфлей по мягкому сиденью.

Водитель опять оглянулся – наверное, хотел удостовериться, что его транспортному средству не принесли вреда действия странной длинноволосой блондинки.

– Бедная, – искренне посочувствовала я Нине, – сильно натерла?

– Сильно. До крови. И, главное, когда? В такой важный день! Но ничего, даже если обстоятельства против меня, я не сдамся! Проклятые туфли. Проклятый бренд. А чертов продавец меня убеждал, что они удобные и кожа в них мягкая! Ага, мягкая! Как наждачка.

Далее Нинка, потирая вытянутые ноги, сообщила мне, привычной ко всем ее ругательствам, и водителю, который немного опешил, в какое место она запихает наждачную бумагу бедному продавцу, куда вставит ему злосчастные туфли и почему заставит съесть его то, что не удалось в него же засунуть.

Выговорившись, она закашлялась от переизбытка эмоций. Я с сочувствием посмотрела на подругу.

– Нин, а чего ты другие туфли-то не обула, чтобы не так больно было? – поинтересовалась я.

– Мне одинаково больно во всех моих туфлях.

– Может быть, нужно было надеть балетки?

– Ненавижу их. Не понимаю обувь без каблуков, – поморщилась она, выуживая из сумки зеркальце в тонкой серебряной оправе.

– Кроссовки тогда можно было бы. – Не успокаивалась я.

– Нельзя! Я же не дура, чтобы под такую одежду спортивную обувь надевать. Ой, Катя, в тебе – бездна вкуса. Тебе только трусы носить на голове осталось.

Я обиделась. Подруга, не замечая этого, принялась подводить и без того щедро накрашенные светло-розовой помадой губы.

– Ты меня слезно уговаривала поехать, а теперь обзываешься, – укоризненно ответила ей я. – Ты забыла?

– Да ладно тебе, Катюшка. Кстати, я же сказала тебе одеться получше. А ты что напялила? Мы на рок-концерт идем или на твое собеседование в госструктуры?

– Отстань.

Я внимательно оглядела себя: расстегнутая бежевая куртка, черный жакет со вставленной косой молнией и белым воротником-стойкой, черная же прямая юбка чуть ниже колен. Вполне официальный костюм, я в нем обычно на экзамены хожу, чтобы преподаватели относились ко мне, нерадивой студентке, немного серьезней.

– Ну, журналисты же должны одеваться во что-то официальное, – осмотрела я еще раз собственную одежду. Чисто, опрятно и, как мне кажется, элегантно. Чего ей опять не

нравится?

На это она лишь фыркнула:

– Должны, как же! Это же пресс-конференция рок-группы, а не будущего президента Российской Федерации. Вся журналистская братия припрется в нормальной повседневной одежке. А ты вообще на учительницу похожа. Надо было проследить за тобой, милочка. Хотя... Это даже твоему домашнему стилисту не под силу. – Нинка махнула рукой. – Но что с тобой поделаешь? Не переодевать же тебя. Хоть накрасилась прилично, и с прической порядок. Леша постарался? Я так и подумала. Ты пакет-то взяла? Если нет – я тебя задушу, а водитель спрячет твое тело.

Мужчина, сидевший за рулем, кисло посмотрел на Нинку.

– Что, не будете прятать? – спросила она у него тут же. – Я заплачу.

– Вы какая-то странная, девушка, – отозвался водитель, останавливаясь на светофоре.

– Я много заплачу, – с тем же серьезным видом сказала Журавль.

Мужчина почему-то отказался и добавил:

– Ваша подруга, наверное, еще жить хочет?

– Хочет, – Нинка расхохоталась.

Я не принимала участия в ее веселье. Смотрела в окно, за которым мелькали все те же сотни и сотни спешащих горожан и разноцветный поток машин. Когда уже распустятся листья на деревьях, когда станет зеленым город? Надоело уже смотреть на голые ветки, печально качаемые ветром.

Такси внезапно затормозило. Я-то была пристегнутой, и поэтому меня просто дернуло: сначала резко вперед, а потом назад. А вот развалившаяся сзади Нинка едва не упала.

– Вы водить умеете?! – заорала она на пожилого водителя, который отчаянно сигналил какому-то мальчишке, выбежавшему вдруг на проезжую часть.

Друзья ребенка стояли на противоположной стороне дороги и весело ему махали. Мальчик, только что едва не нырнувший под колеса машины, кричал им что-то в ответ, радостно улыбаясь.

– Ребяшня развлекается, – проворчал водитель. – Нашли себе развлечение – через дорогу на красный свет бегать!

Нинка, не долго думая, открыла окно и, пока наше такси не уехало слишком далеко, прорычала, словно действительно была настоящей демоницей:

– Ты, гавнюк малолетний! Отупел? Еще раз на дороге увижу, я тебе голову отрежу! И кровь выпью!

Мальчик замер и заморгал. Когда он что-то невнятно замямлил в ответ, мы уже были далеко.

– А вы, девушка, даете! – покачал головой пожилой мужчина.

– Никому я ничего не даю. Ненавижу детей. Маленькие подонки! Тот, кто придумал поговорку «дети – цветы жизни», наверняка был бездетным.

– Ты будешь доброй мамой, – заметила я. – И будет большим счастьем, если твой сыночек или доченька не станут заиками от твоих воплей.

Водитель молчаливо поддержал меня. Нинка, осматривая свою «мозольную» ногу, с достоинством ответила:

– А то. Но в ближайшие лет пятнадцать мне никаких детишек не светит. И мужа тоже.

– Многие девочки в вашем возрасте уже о мужьях мечтают, – встрял водитель, которому было скучно просто так крутить свой руль. – Вон моя Женька, дочка старшая, так очень

замуж хочет. Чуть ли не бредит девка.

Упоминание о возрасте Нинке не понравилось:

– В каком таком возрасте, дядя? Сейчас не модно рано жениться, чтоб вы знали. И вообще охота быть рабыней.

– Какой еще рабыней? – не понял пожилой мужчина.

– Обыкновенной! – высокомерно сказала Нинка. – Вы у вашей супруги поинтересуйтесь, она вам подробно и объяснит. О, Катька, смотри, дом Альбины торчит слева!

Действительно, высокий дом, в котором жила экстрасенс, виднелся над верхушками других зданий. На него падали косые лучи спускавшегося к горизонту солнца, поэтому казалось, что многоэтажка сияет золотом.

– Это знак, – восхищенно проговорила подруга, – от высших сил, что Альбинин метод подействует. И тогда я бу....

Машина, взвизгнув всеми четырьмя колесами, опять резко затормозила, лишь каким-то чудом не поцеловав бампер ехавшего впереди «опеля».

– Дядя, вы на дорогу смотрите лучше! – взвизгнула Нинка, доставая свою туфлю, улетевшую под сиденье. – Я не хочу ноги протянуть в таком молодом возрасте!

– И я не горю желанием, – мне тоже хотелось жить.

– Я профессиональный водитель. Не бойтесь, – уже вновь ехал по полосе шофер.

Мужик из «опеля» что-то орал ему вслед, высунувшись по пояс из окна. Нинка не сдержала свою хулиганскую натуру, показала мужику неприличный жест и ответила пожилому водителю в нашем такси:

– Но я почему-то боюсь! Вы точно права не покупали?

– Девушка! – опять обернулся к ней мужчина, оскорбившись. – Если вам не нравится мой способ вождения, садитесь сами за руль! А я, между прочим, вожу машину уже тридцать лет.

– Ну-ну, – явно осталась недовольной Нинка.

Сама она дико боялась водить автомобили, хотя ее папа и предлагал ей купить какую-нибудь машину вроде «фольксвагена поло» или «пежо 206», которые он считал чисто женскими. Но его младшая дочь была категорически против, предпочитая ездить на такси или эксплуатировать родственников. Кстати сказать, у Нинки, как и у меня, есть не только сестра, но и брат, и подруга, как и я, – второй ребенок в семье. Только у нее сестра старше, а брат младше. В отличие от моего малахольного Эдгара братец Нинки – парень спортивный и веселый и считается первым красавчиком в своей школе, хотя характером он больше походит на избалованного капризного ребенка. Сестра подруги чем-то напоминает мне саму Ниночку: она тоже высокая интересная блондинка с боевым характером. Ирка штурмом берет все лучшие клубы города и околачивается там едва ли не сутками. В дневное время, когда клубы закрыты, эта мадам оккупирует все местные магазины и бутики. От младшей сестры Ирина отличалась большой нелюбовью к учебе и знаниям, не обладает такой же отличной памятью и ай-кью, зато редко притворяется и говорит прямо в глаза, что о ком думает, а не придумывает коварные планы подставы для потенциальных врагов...

Когда мы вышли из такси, водитель облегченно вздохнул. Кажется, мы ему порядком надоели.

– Ну, вот он, «Горизонт», – поглядела вперед Нинка.

Прямо перед нами высилось большое, в три этажа, темно-синее здание клуба с огромной округлой вывеской, говорящей, что это и есть популярный ночной клуб, в котором

постоянно проходят одни из самых лучших вечеринок города. Ночью он красиво освещался голубой и розовой, плавно мигающей иллюминацией и, казалось, находился в какой-то таинственной дымке, скрывающей собой что-то загадочное и притягивающее одновременно. В тот единственный раз, когда я была здесь, я запомнила бесконечно глянцево-переливающиеся стены и потолок, в которых ярко отражались бесконечные зелено-сине-фиолетовые неоновые огни, мигающие в такт громкой, энергичной музыке, отдающейся в легких.

На трех этажах этого модного здания размещались большой и вместительный концертный зал на тысячу двести человек, два изолированных друг от друга танцпола, три или четыре бара, кухня, ресторан и бильярдный клуб. По словам Нинки, «Горизонт» – самый прогрессивный и модный клуб города. Наверное, это так. И, по-моему, здесь можно встретить кого угодно. От фанатов неформальных групп до любителей какого-нибудь хауса и электронной музыки.

– Нам сюда, – царственно повела рукой Нинка, накидывая на плечи снятую в такис короткую кожаную курточку. – Кстати, завтра ночью тут будет неплохой диджей-сет... И сегодня, по-моему, тоже. Жалко, что ты темная и не хочешь ночью танцевать.

– Ночью я спать хочу.

– Да, точно – не слыша меня, воскликнула подруга, углядев афишу, – сюда же «Меллаут» приезжают!

– Какой аут? – не расслышала я.

– Молчи, темнота. «Меллаут» – это крупнейшие представители синти-попа. Да, я знаю, что ты не в курсе, что такое синти-поп, поэтому давай ты не будешь меня и дальше раздражать своей неграмотностью! Не спорь со мной, – не давала она мне и рта раскрыть. – Видишь, я нервничаю! И нога... ай, нога моя болит! Кать, пошли.

Она заковыляла к сверкающему клубу. Я поспешила за ней.

– Как же больно! – шипела Нинка, поднимаясь по невысокой лестнице, которая вела не к главному входу, а к другому... – Я сейчас схохну!

– Ниночка, может, тебе обувь все же поменять, купить что-нибудь другое? – нахмурилась я.

– Нет, я выдержу эту пытку.

– А почему мы, собственно, не к главному входу пошли?

Подруга с кряхтением ответила:

– Там уже эти... как их там... тупые фанаты собираться начинают. Автограф-сессия же была... Поэтому журналистам здесь удобнее входить будет. Клубу принадлежат несколько залов для пресс-конференций, которые часто арендуют. И вход в них – именно здесь.

– А ты откуда знаешь? – про себя засмеялась я. Как будто Журавль сама – не одна из этих фанатов. Наверное, в своих мечтах подруга захомотала несчастного Кея и считает своей собственностью.

– Я все знаю, – со стоном потрясла ногой в воздухе Нинка. – Как же больно... Ой, я бедненькая... Малышка, – приказала она сама себе, – соберись, нам предстоит дело.

И она снова захромала.

Но как только мы переступили порог, подруга тотчас изменилась. Расправила плечи, на лице ее появилась очаровательная улыбка, походка стала легкой, будто бы никаких мозолей и в помине не было. Я только удивлялась выдержке этой полусумасшедшей влюбленной. Если, конечно, фанатизм по отношению к парню из рок-группы так можно назвать.

За дверью наши персоны ждал непонятно чему радующийся охранник. Когда он увидел нас, обрадовался еще больше.

– Куда? – спросил он, откровенно рассматривая Нинкины ноги.

– А вы как думаете? – излишне ласково спросила она у него.

Как вы поняли, она не слишком жаловала незнакомых людей, которые не могли оказаться ей полезными.

– Я думаю... – начал, было, охранник, но подруга перебила его и заявила:

– Вам не нужно думать, это трудно. Вам нужно охранять. Вот, – ткнула она ему под нос добытый с таким трудом журналистский пропуск, – мы – пресса.

Я молчаливо показала охраннику и свое удостоверение, которое тут же поспешно повесила на шею.

– Проходите, пресса, – недовольно буркнул охранник, найдя наши фамилии среди списка приглашенных.

Как я помнила, Нина и ее Сеточкин заранее договаривались насчет нашего с ней прибытия в клуб.

Обстановка вокруг была совсем не клубной и не праздничной, а напротив, мы словно попали в офис. Светлые стены и пол, горизонтальные крупные жалюзи, кожаные диванчики, полукруглая бело-голубая стойка ресепшн, за которой находились две девушки в одинаковых матовых блузах.

– Подойдем к ним, – мигом сориентировалась подруга.

А я почувствовала чей-то внимательный взгляд и обернулась. Возле одной из дверей, скрестив руки на груди, стоял, прислонившись к стене, парень с темно-синими волосами и с пирсингами в губе и бровях. Довольно высокий, худощавый, но с развитой мускулатурой и широкими плечами. Лицо у него было нахальным и миловидным, с высокими скулами, волевым, как говорится, подбородком и слегка асимметричными изломанными посередине бровями. На секунду мне показалось, что если бы придать его волосам естественный цвет и убрать проколы, то его лицо стало бы даже благородным.

Я замедлила шаг, глядя на него с большим интересом. Ничего себе волосы у человека! Это нужно до какой ручки дойти, чтобы выбрать себе такую краску?

– Нин, посмотри на парня, – дернула я подругу за руку, но она уже не слушала меня, а подошла вплотную к стойке.

Одна из девушек щебетала по телефону, вторая вежливо с нами поздоровалась:

– Чем могу быть полезной?

– Мы на пресс-конференцию группы «На краю», – очень мило улыбнулась Нинка. – Куда нам пройти?

Я снова оглянулась – синеволосый исчез. Жаль.

Девушка сказала, как нам добраться до конференц-зала, и уже через пару минут мы там появились, попав из относительно спокойного холла в царство людского гомона. Журналисты переговаривались, звонили куда-то по телефонам, кто-то смеялся, а кто-то щелкал фотоаппаратом, проверяя, вероятно, как он работает.

Все здесь произвело на меня впечатление: довольно большое светлое помещение с высокими потолками, большим количеством осветительных приборов и небольшим полукруглым возвышением, на котором находился длинный стол с высокими стаканами и напитками и табличками, на которых значились имена участников группы. Позади стола располагался масштабный по размерам стенд, на яростном темном водно-синем фоне

которого были в полный рост изображены все участники группы «На краю». Это были пятеро довольно-таки эффектных парней в мрачной одежде и с абсолютно постными лицами, в которых просматривалась то ли готическая печаль, то ли полнейшее равнодушие к окружающему миру, то ли высокомерие.

На заднем плане стенда неизвестный художник-оформитель расположил полупрозрачный сине-бело-фиолетовый силуэт озлобленного водного дракона с раскрытой пастью, извергающего серо-голубое полупрозрачное пламя, складывающееся в буквы «НК» – инициалы любимой российской Нинкиной рок-команды.

Чуть ниже этой сцены стояло несколько громоздких профессиональных телекамер. За ними, в небольшом отдалении, располагалось рядов десять или двенадцать мягких и широких красных стульев с высокими спинками. Большая часть из них уже была забита людьми. Как Нинка и говорила, журналисты здесь были одеты весьма неброско и совсем неофициально. Например, мужчины почти все в джинсах и свитерах, а вовсе не в костюмах, как наивно полагала я.

– Какой милый! – загляделась подруга на своего Кея, изображенного на плакате ровно посередине, в окружении сотоварищей по музыкальному оружию.

– Потом полюбуйся! Нам некогда.

– Да-да... Пошли искать место в первом ряду, – сказала Нинка и, несмотря на боль в ноге, уверенно устремилась вперед.

Свободных мест впереди не оказалось. Зато я увидела в одной из больших включенных камер маленький объектив, в котором видны были места за столом, предназначенные участникам группы.

– Смотри! Классно сделано! – показала я пальцем на камеру, как ребенок.

Подруга тяжело вздохнула, пробормотала что-то про «детство в одном месте» и пошла дальше вдоль первого ряда.

Осмотревшись, Нинка пощелкала языком.

– Вот козлы, заняли все. Ладно, жди здесь, Ниночка все сделает по высшему разряду.

Она вновь огляделась, немного подумала и с крайне серьезным видом подошла к невысокому мужчине в зеленом пуловере. Она задумчиво крутил в ухе серьгу и тыкал пальцами в сенсорный экран мобильного телефона.

– Простите, это вы хозяин серебряистой «Хонды»?

Тот удивленно поднял голову, оставив серьгу в покое:

– А что?

– М-м-м, понимаете, ее, кажется, хотят угнать. Я просто видела вас, когда заходила в клуб, а когда вы ушли, возле двери вашего авто стали...

– Спасибо, девушка! – выкрикнул мужчина и ринулся в проход со скоростью торпеды.

Место освободилось.

– Какая вы молодец! – уважительно заметила сидящая рядом дама лет сорока пяти. Никогда бы не подумала, что на пресс-конференции альтернативной молодежной группы могут быть такие взрослые и серьезные женщины! Понимаю, если бы это был концерт какого-нибудь Баскова или Киркорова...

– Это мой долг, – скромно потупила глаза Нинка.

– Для журналиста быть внимательным – это очень важно, – наставительно произнесла ярко-красным ртом женщина. – Нужно быть зоркой, чтобы ничего не проморгать. Только такие выживают в нашем мире, – и она самодовольно улыбнулась, явно причисляя себя «к

таким»).

– Верно! Надеюсь, у этого мужчины все будет в порядке с его машиной.

– Садитесь, девушка. Пресс-конференция уже должна начаться.

– Я лучше посажу свою... коллегу, – кинула взгляд на меня Нинка. – У нее, знаете ли, зрение очень плохое. А сама я пойду в конец.

Женщина покачала коротко стриженной головой:

– Ваша заботливость не доведет вас до добра.

Нинка только улыбнулась.

– Садись, Катька, – подтолкнула меня подруга по направлению к одиноко стоящему красному стулу. – Отсюда ты все будешь прекрасно видеть и превосходно слышать.

Я выразительно закашлялась. Нинка повелительно кивнула мне.

– А ты? – спросила я, усаживаясь на мягкое сиденье и удивляясь щедрости Нины. – И как ты узнала, какая тачка у того зеленого?

– Тебе же сказали – внимательной нужно быть. – шепотом ответила Нинка. – Между прочим, он вместе с нами приехал, и я видела, на каком авто. Он не оставил его на охраняемой стоянке, потому что она вся забита. А я немножко соврала, чтобы он свалил.

– Вот дурак! – захихикала я, представляя, как мужик с серьгой прибегает к машине, а с ней все в порядке.

– Если бы я тебе сказала, что твою машину хотят угнать, ты бы сама побежала сломя голову, – серьезно ответила подруга. – Вот это тебе, – протянула она мне пластиковую прозрачную папку с листами бумаги, на которых было что-то напечатано, – тут вопросы, которые ты постарайся задать группе. Сама бы задала их своему Кеечке, но мне пора.

– Куда пора? – вцепилась я в девушку, машинально схватив папку – Ты мне ничего не говорила! Я не хочу здесь сидеть одна! Нинка!

– Я пошла делать то, ради чего мы сюда и приперлись, – выразительно покосилась она на женщину, которая явно прислушивалась к нашему шепоту.

– Я тебя сейчас убью, – прошипела я.

– Дорогая, просто седи здесь и записывай ответы мальчиков на вопросы журналистов. И сама спрашивай. Этот мудака Сеточкин, – поморщилась она, одновременно забирая из моих рук черный пластиковый пакет с магическими атрибутами от экстрасенса Альбины, – заставил меня пообещать, что я задам «На краю» его дебилские вопросы. Он даже их записал. Вот, Катенька, тебе еще диктофончик, блокнотик и ручка. А я побежала!

– Но... – попыталась возразить я, ошеломленная таким предательством.

– Без но! Это поможет написать мне статью! Спасибо за помощь. Ты самая лучшая на свете подруга!

И она сбежала! Ясно, зачем этой сумасшедшей понадобилась моя помощь. Она там будет привораживать своего ненаглядного, а я буду сидеть на скучной для меня пресс-конференции, видеть не слишком любимые мной лица группы «На краю» и слышать, как настоящие журналисты задают вопросы. И самой задавать? Нет уж, увольте. Я писать и сочинять, конечно, люблю, но делать за Журавля ее работу не собираюсь!

А еще этой женщине, моей соседке с короткими волосами, не сиделось спокойно, и она то и дело мне что-то говорила и о чем-то спрашивала. Пришлось соврать ей, что я молодая журналистка пятого курса, которую эксплуатирует университетская газета. Женщина тоже представилась, и к моему огромному, очень огромному удивлению, оказалась известным музыкальным обозревателем одного из самых модных столичных изданий. Ее звали Лина

Ретто, и это имя постоянно было на слуху. А журнал, в котором она работала, был любимым периодическим изданием Нельки и ее друзей. Моя откровенная удивленная реакция женщине очень понравилась, и она стала относиться ко мне едва ли не по-матерински.

– Приехала посмотреть на эти новые дарования. Говорят, ребятки из этой группы станут мировыми звездами, – с такой ухмылкой произнесла Лина, что я поняла: по ее мнению, у парней из группы «На краю» очень мало шансов на это.

Я заулыбалась. Женщина верно истолковала мою улыбку:

– Сейчас, деточка, звездами хотят стать едва ли не все. Нет, вру – все. Поэтому в мире шоу-бизнеса, изнанку которого мне приходится видеть, почти нет настоящих талантов. Ты знаешь, что такое талант?

Я неопределенно пожала плечами, мечтая сбежать отсюда.

– Талант – это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее симулировать. Так говорил писатель Довлатов. Ты знаешь Сергея Довлатова?

Я на всякий случай кивнула, хотя только лишь слышала имя известного писателя-эмигранта от кого-то из папиных друзей, но пока что была знакома лишь с одним его юмористическим сборником.

– Молодец. Так вот, насчет таланта. Я всегда вижу его искру. И еще точнее вижу, когда этой искры нет, а есть только ее симуляция. Современный шоу-бизнес нашей родины – это глобальная симуляция. Всего лишь несколько действительно талантливых людей. Если не считать старую гвардию...

Я не стала слушать, кого Лина имеет в виду под старой гвардией. Я злилась. Я была в негодовании. Журавль что, себе рабыню нашла? Это уже ни в какие рамки приличия не лезет. Знала бы, не согласилась. А теперь даже уже и не уйти – неудобно получится. Пресс-конференция-то началась, по всей видимости! Даже эта разговорчивая критикесса замолчала и уставилась своими черными цепкими глазами вперед.

На невысоком полукруге появился какой-то импозантный мужчина в черных брюках, в черной же рубашке и светлом модном галстуке. Выглядел он лет на тридцать пять, а его внешнему виду можно было дать все десять баллов из десятибалльной шкалы – таким милостивым, ухоженным и элегантным он был.

– Дамы и господа, – начал он мягким, немного вкрадчивым голосом, который словно заструился в воздухе, – я – Андрей Коварин, менеджер группы, ради которой мы все здесь собрались. И я рад приветствовать вас всех. И не только я. Участники «На краю», которые сейчас выйдут к нам, поприветствуют вас вместе со мной. Мы вместе постараемся сделать так, чтобы сегодняшней вечер запомнился вам всем. Почему – объяснит генеральный директор этого замечательного места под названием «Горизонт», которое через пару часов – совсем скоро – станет площадкой для выступления одной из самых динамичных групп России. Группы из круга неформата, которая смогла заинтересовать вас так, господа, что вы не поленились собраться сегодня здесь вместе с нами.

Возле красавца Андрея, от которого я буквального не могла отвести взгляда, появился грузный мужик с таким жизнерадостным лицом, что мне самой захотелось улыбаться.

– Добрый день, – хрипло произнес он в микрофон, – позвольте представиться – Игорь Иванович Тонеев, генеральный директор ночного развлекательного клуба «Горизонт». Я также рад видеть вас всех и, чтобы, так сказать, не отнимать у нас всех время, хочу кратко поблагодарить вас и сообщить – все вы приглашены, так сказать, на концерт группы «На краю» как специальные гости. – Он закашлялся. – А после концерта прошу в наш новый

ВИП-зал «Карамель», чтобы, так сказать, вы смогли оценить нашу ночную программу.

Все заплодировали. Я тоже, но с мрачным выражением лица. Только коротко стриженная журналистка рядом со мной хлопала мало, лениво и мрачно заметила, наклонившись к моему уху:

– Хочет, чтобы благодарные гости разрекламировали его клуб, – прошептала она. – Устаревший, но неплохой пиар-ход. Действенный. Сегодня ты можешь не беспокоиться об ужине.

– Почему? – не поняла я.

– Наш дорогой Игорь Игнатьевич, или как там его... Иванович, собирается сделать шикарный фуршет, по всей видимости. Ты разве не знаешь? Недавно открылся новый клуб «Параллели». Для «Горизонта» – мощный конкурент, вот директор и старается.

Интересно, откуда журналистка из Москвы знает такие подробности из жизни нашего города? Даже я не в курсе, где что открывается и закрывается.

Тем временем Андрей, который мне так понравился, вновь взял слово, заговорив о том, что на сегодняшней пресс-конференции музыканты смогут ответить на все интересующие журналистов вопросы. Лина очень неодобрительно на него посмотрела и заявила:

– Скользкий тип. Решил сделать на своих ребятках большие деньги. Поговаривают, он...

Что там кто поговаривает, я так и не расслышала, потому что вновь раздались нехилые аплодисменты, говорящие больше не о безграничной любви журналистов и прочих присутствующих к этой группе, сколько о том, что пришел конец ожиданиям пресс-конференции. Свет в зале приглушили, и через одну из дверей неспешно вошли те самые музыканты, ради которых все здесь собрались. Фотографы яро принялись их снимать на свои профессиональные камеры с неслабыми вспышками, и зал мгновенно наполнился шелканьем фотоаппаратов и отблесками яркого света. Ну прямо как в фильме!

Я внимательно вглядывалась в парней, склонив голову набок. К моему удивлению, ребята из «На краю» не слишком отличались от изображенных на стенде мрачных парней, исподлобья глядевших на этот мир, делая ему, миру, тем самым великое одолжение. Я не знаю, действительно ли это был их сценический образ или в жизни они оставались точно такими же хмурыми и надменными с виду, познавшими в столь относительно юном возрасте популярность, но выглядели парни весьма эффектно.

Их было пятеро, и все они были одеты преимущественно в темную одежду. Честно сказать, их манера одеваться мне вообще никогда не нравилась, так что и сейчас я не осталась в восторге, но все равно продолжала смотреть на них, не отводя взгляда – быть на пресс-конференции музыкальной группы было для меня в новинку. Одно дело лицезреть их физиономии в Интернете или на постерах, другое – разглядывать живую.

А первым, кого я узнала, был тот самый синеволосый, которого я видела в холле. Он с независимым видом шагал самым первым, засунув в карманы военных штанов руки с закатанными по локоть рукавами свободной расстегнутой рубашки. Под рубашкой виднелись простая черная майка и металлические цепи на шее. Я изумилась – надо же, это не просто был обыкновенный синеволосый неформал, а синеволосый музыкант из популярной (в неформальной среде особенно!) альтернативной группы. Вот Нинка облажалась – послушала бы меня, оглянулась, увидела бы живьем своего любимчика. Или она принципиально любит только этого своего беловолосого Кея?

– Синие волосы – как экстравагантно. Нет, ну надо же, какие прически, какая одежда! Эксплуатируют ребята готический образ, эксплуатируют. Плащи, заклепки, рваные штаны,

ботинки чуть ли не до колен, бесконечный пирсинг, – не хотела молчать музыкальный критик. – На «вижуал кей» понемногу напирают. У Запада желают перенять лучшее... Точнее, у Востока. А может, просто сумасшедшие. Если присмотреться, у нас сейчас, к сожалению, много юношей и даже девушек в таком виде и даже в худшем шатаются по улицам. Да, деточка, знакомтесь, это Келла, барабанщик. Судя по его досье, которое я читала сегодня в самолете, бунтарь, заводила и грубиян. Любитель девочек, а также драк, выпивки и, вероятно, чего-то более сильного.

И она ехидно засмеялась. Кажется, критик недолго любила группу «На краю».

Вслед за синим появился парень с длинными, ниже плеч, черными волосами, такими блестящими и ровными, что я обзавидовалась. Его слегка пугающие, абсолютно белые глаза (несомненно, это линзы), подведенные чьей-то щедрой рукой, в которую попало сразу несколько черных карандашей для век, с видимым равнодушием смотрели на журналистов. Двигался он бесшумно, изящно, как будто бы на его ногах были не тяжелые ботинки со шнуровкой едва ли не до колен, а кроссовки «Найк». Взмахнув полами кожаного плаща, он сел рядом со своим одноклассником и закинул ногу на ногу.

– Это у нас Арин, – сверилась с какой-то бумажкой Лина. – Парень молчаливый, готичный и, говорят, безразличный ко всему на свете. Терзает бас-гитару. Странно, что он при всем наличии на себе железа и цепочек не брэнчал и не звякал, когда шел.

Следом за мрачным с виду Арином к столу направлялись два абсолютно одинаковых, не слишком высоких и тонкокостных молодых человека – только прически у них были разными. У одного светло-каштановые, мелированные волосы обрамляли неровными прядями несколько женственное лицо. У второго была какая-то сложная прическа, заправленная большим количеством лака – иначе бы его иссиня-черные волосы не торчали бы под разными углами, а просто рассыпались. Одеты молодые люди были тоже одинаково, словно стремились подчеркнуть свою похожесть: в черные рубашки с эполетами, из-под которых торчали кожаные темно-фиолетовые ремни, в широкие штаны и высокие кеды. Из украшений на парнях были кучи странных браслетов на обеих руках и грязно-сиреневые галстуки, порванные снизу. У светловолосого на спине мелькнула багряная нерадостная надпись: «В этом мире правят твари». Да и лицо его было не самым добрым: возможно, из-за грима, а может быть, из-за жутких линз, делающих радужку его глаз матово-черной и не отображающей свет. По крайней мере мне показалось именно так, когда я взглянула на его лицо с темными провалами дыр вместо глаз.

А черноволосый мог похвастаться красочными татуировками на обеих руках, расслабленной походкой и насмешливым выражением лица.

– Братики-близнецы. Мучают акустическую гитару и ритм-гитару, – не могла сидеть спокойно Лина. – И не просто мучают, а пытаются. Слышала, как у них струнно-щипковые стонут?

Странно она инструменты для игры в басовом диапазоне называет. Но я все-таки кивнула в ответ.

– С этими двумя нечисто что-то, – забормотала женщина, оценивающе разглядывая парней, которые совершенно синхронно улыбнулись камерам, – не могут они быть такими одинаковыми...

Я пожалала плечами. Вообще-то могут.

– А вот и наш лидер этой милой почти дэз рок-бой-команды, – с видимым удовольствием произнесла критик, только что пальцем на парня не показала.

Последним, медленно и даже как-то плавно, как большая хищная кошка, вышагивал любимый Нинкин Кей. Его походку кто-то смешливо-ехидный в моей голове тут же назвал «поступью уверенного в себе мужчины». Одет он был неоригинально: тоже во все темное, но простое. Приталенная футболка с треугольным вырезом и какими-то белыми рваными надписями на английском, неширокие джинсы с заклепками по бокам и длинной светлой цепью, несколько украшений: пирсинги, серебряная цепь с синим камнем и напульсник на правой руке. Тяжелые кожаные ботинки в стиле «милитари» на здоровой платформе мрачно и неспешно, но твердо ступали по полу.

И хотя половина лица молодого человека и была закрыта черным непрозрачным платком, похожим на повязку, которую носят врачи, боящиеся заразиться от своих пациентов бактериями, я узнала его по бело-серебристым необычным волосам, разметавшимся во все стороны. Среди светлых прядей появилось несколько ярко-фиолетовых. Ну хоть какое-то цветное разнообразие в облике Кея!

– Свиным гриппом, что ли, болеет? – словесный поток коротковолосой женщины никак не хотел прекращаться. – Напялил масочку! А глаза-то у нас какие! Цвета янтаря!

Я внимательно поглядела на молодого человека – необычайные светло-оранжевые линзы делали его взгляд, мягко говоря, странным. Как будто он одновременно смотрел и на меня, и куда-то вдаль. Темные, длинные, но не черные, а, скорее, серо-коричневые брови вразлет словно подчеркивали эту особенность его плутонианского взгляда. С ярко-янтарными глазами он еще больше походил на большую дикую кошку – на осторожного и крайне умного тигра, знающего, что в цирке не стоит бросаться на людей. Лучше это делать тогда, когда дрессировщик не видит этого.

На картинках и фотографиях этот Кей выглядел немного по-другому. Так же взросло, сдержанно, эффектно, но фото не могли передать его некой, как ни странно, величественности, которая сопровождала парня на сцене, и его мрачного магнетизма.

Он был ярким. Он был очень ярким – и это прослеживалось не только во внешнем, но и на внутреннем плане. Я чувствовала это. Такие люди, как этот Кей, не могли быть малозаметными. Сама природа наделила его гипнотической привлекательностью и заставляла бросаться в глаза. А еще, кажется, он был спокойным, выдержанным, ко многому равнодушным и очень властным. Может быть, даже деспотичным. Почему мне так показалось, я не знаю. Свои ощущения я пока была не научена контролировать.

Группа в полном составе уселась за стол, явив свои лица журналистам. Их красивый и импозантный менеджер Андрей также занял место рядом со своими подопечными. По мне, так он единственный, кто смотрелся среди них адекватно. Парни, конечно, прикольные, но явно не для меня, а вот он... Ничего. И голос у него такой классный. Манящий, привлекательный...

– Сейчас будет скучно. Начнут задавать глупые вопросы. Ребятки по очереди будут отвечать. Или не будут, – пробухтела Лина, отчего-то не сводя очей с солиста. – А этот Кей... черт возьми, нельзя рокеру быть красавчиком!

– А сколько это мероприятие будет длиться? – поинтересовалась я, потому как мне совсем не улыбалось торчать здесь слишком долго.

Одновременно с моим вопросом где-то в конце послышался слабый глухой стук, как будто что-то упало.

– Часа полтора. Потом у них концерт будет. Ну что же, – некрасиво ухмыльнулась она, – посмотрим, как живьем выступают.

– Или не живьем, – сказала я. Лина одобрительно кивнула.

Я ради интереса устала на сцену. Сидят, кумиры, блин. Отвечают на вопросы журналистов, которые настроены по отношению к группе весьма благодушно. Переговариваются друг с другом, явно не считаясь с залом... Но все равно выглядят необычно, как будто бы передо мной не музыканты, а инопланетяне с Юпитера пресс-конференцию дают.

Сначала мне было интересно, и я даже вся извертелась, глядя на парней и слушая их неторопливые ответы.

– *Какие у вас ближайшие планы?*

– *Когда будет выпущен новый альбом?*

– *Есть ли у вас девушки?*

– *В каких отношениях вы с фанатками?*

– *Секс, наркотики и рок-н-ролл, это про вас?*

– *Где вы берете вдохновение?*

В большинстве случаев отвечал, конечно же, Андрей, Кей высказался пару раз, но по делу, и когда он говорил, в зале была полная тишина. Загадочный Арин и один из близнецов молчали больше всех, зато показались мне самыми взрослыми – судя по их словам и интонациям, они были довольно серьезными парнями. Другой же близнец и синеволосый Келла больше ржали – вместе с журналистами.

«Планы? Планов много. Ребята немного отдохнут, дадут пару концертов и начнут запись альбома... Следующая наша ступень – целенаправленное покорение Запада, мы уже имеем там кое-какие позиции».

«О выпуске нового альбома будет объявлено на пресс-конференции через месяц-два».

«Наша личная жизнь – загадка для нас самих... Так что вопрос про девушек – трудный... Но мы их любим!»

«Фаны: и парни, и девушки – наше все. Без них нас бы не было. И к фанаткам мы относимся так же, как и к фанатам: мы благодарны им».

«Про нас, про нас, только два первых слова уберите... Мы – это только музыка, вы что, какой секс, какие наркотики, ха-ха-ха!»

«Вдохновение не берут, оно приходит в разум само. Открывается для сознания. Я думаю, вдохновение есть у каждого, оно запечатлено где-то на подсознательном уровне, просто его нужно... попытаться достать из себя. Любым способом».

Вокруг бушевал круговорот вопросов-ответов. А потом появилась некоторая отстраненность. В голову стали тонкими змейками заползать разные мысли. Как там Нинка? Она же в примерную пробраться хотела. Получится у нее, или она и дальше будет изводить меня? Как она это сделает? И как претворит в действие инструкцию экстрасенса? Вот же она глупая, поверила Альбине! Сидела бы она лучше тут, чем лазить, где попало. Вон ее Кей как близко, окидывает янтарным взглядом весь зал. Смотрит, изучает, медленно пьет воду... Лучше бы больше отвечал на вопросы приглашенной прессы, как-никак лидер группы. Или ему лень?

Единственным, на кого мне нравилось смотреть, – так это на менеджера, который отвечал на вопросы журналистов едва ли не больше, чем сами музыканты. Хоть он и старше их всех, зато обаятелен и элегантен. Умеет грамотно отвечать на вопросы, вон только что умудрился рассмешить всех журналистов. Даже злобная Лина улыбнулась. Второй раз она улыбнулась тогда, когда Кей все же начал отвечать на один из вопросов, посвященный слегка

специфичным текстам песен. Оказалось, что почти все тексты пишет он сам. Изредка ему помогает в этом деле Арин. Изредка над ними работает вся группа вместе. Голос у фронтмена группы оказался красивым, сильным и очень холодным, хорошо акцентированным, умеющим проникнуть если не в душу, то куда-то в район сердца. А речь его была не менее хорошо поставленной. Наверное, таким голосом у парня прекрасно получается шептать на ушко девушкам всякие глупости, милые непристойности и обещания, а потом не выполнять их...

Пока я смотрела на вокалиста, он вдруг опустил взгляд на меня. Блин, я сто раз читала, что восторженные фанатки пишут, будто бы на концерте их кумир посмотрел им в глаза, заметил, выделил из общей толпы. И меня это, честное слово, веселило! Но теперь я сама могу едва ли не поклясться, что Кей долго и внимательно смотрел в глаза мне, и я не могла отвести их, зачарованная таким вниманием. Янтарные, удивительные радужки...

Странно.

Очень странно.

Набраться храбрости и кивнуть?

Улыбнуться в ответ?

Поиграть в эту странную игру-гляделку?

Я не выдержала и первой отвела взгляд. Мне показалось, что губы Кея изогнулись в улыбке, – маску он к тому времени все же снял.

Хотя, наверное, мне это только показалось. Вот же козел! Уставился, навел смуту в моей и так невеселой душе и давай себе дальше журналистов слушать.

На середине пресс-конференции, когда задавался очередной вопрос о личной жизни музыкантов, посвященный интимными отношениями с фанатками, синеволосый почему-то поднялся со своего места и вышел. Это дало новый повод для язвительных замечаний Лины:

– Воспитанности выше крыши. Свалил и теперь вообще не вернется. Звезда-а-а...

Однако она ошиблась – парень вернулся минут через двадцать, довольный, как переевший сметаны кот. Он так широко улыбался, что сидевший позади нас молодой человек в полосатой рубашке, хохотнул, правда, очень тихонько, чтобы слышали только ближайшие соседи:

– С облегчением, чувак!

Я улыбнулась, а Лина, к моему удивлению, затряслась от мелкого смеха. Странные они, эти люди искусства.

Когда пресс-конференция подошла к концу, я столь облегченно вздохнула, что критик заметила:

– Тебе тоже надоело? Ну, ничего, скоро начнется концерт, фуршетик. Оттянемся.

До начала концерта я хотела найти Нинку, чтобы выместить на ней все свое плохое настроение. Из-за нее мне пришлось потерять столько часов драгоценного времени выходного дня! Я могла сидеть дома и читать книгу. Или кино новое смотреть. Или с родственниками препираться в конце концов, сидя на уютной кухне. А я сижу тут и в буквальном смысле фигней маюсь: единственная радость – посмотрела на красивого мужчину, которого больше никогда не увижу.

Но, с другой стороны, что там лукавить, мне хотелось найти свою неутомонную подружку, чтобы узнать: метод экстрасенса подействовал или нет? Хотя я больше склонялась к тому, что ничего не произойдет – странные ухищрения с пирамидкой, водой и камнями не дадут положительного результата. И приворожить известную личность совершенно

невозможно! Ну пусть этот Кей еще не такой известный, чтобы о нем знало полмира, но популярностью-то он обладает. В социальных сетях существуют сотни сообществ, посвященных как и ему самому, так и его группе. И куча девчонок, так же как и Нинка, мечтают заполучить солиста и его дружков в личное пользование. Да и неформальных парней-фанатов немало... Говорят, на автограф-сессии, которая была перед конференцией, их собралось о-о-очень много сегодня – пришлось даже усиленный наряд милиции вызывать, чтобы фаны не устроили беспорядки.

Журналисты покидали свои места и с веселым гомоном (вероятно, предстоящий фуршет их так развеселил и ободрил) направлялись к выходу по одному и группками. Я тоже пошла вслед за ними, одновременно печатая смс Нинке. Примерно такого содержания:

«Ну как, подействовало уже?»

Ответ пришел достаточно быстро – когда я, немного смущаясь, сидела на одном из мягких низких диванчиков ВИП-зала «Карамель», куда всех журналистов пригласил директор этого ночного заведения.

«Отстань. Ничего еще не случилось. Жду Кеечку, чтобы выполнить пункт 9!»

Кеечку она ждет! Что там за девятый пункт? По-моему, это вступление в контакт с объектом, как сказано в магической инструкции. Ну ладно, пусть ждет. Интересно, она возле гримерной его караулит или как? Раз Нинка уже готова с ним пообщаться, значит, все остальные пункты она выполнила. И когда она успела тогда глаза в глаза музыканту посмотреть? Что-то я такого не помню.

Ладно, раз подруга сейчас будет занята, посижу в компании журналистов и бесплатной еды, которая в обилии была на длинном и широком шведском столе. Буду сегодня брать от жизни все.

Честно говоря, в ВИП-залах я никогда раньше не бывала, и теперь мне было жутко интересно, чем они отличаются от обычных. Оказалось, много чем. Во-первых, кроме приглашенных, обходительных официантов и суровой охраны на входе, здесь никого не наблюдалось. А, во-вторых, тут было невероятно красиво! Как сказал кто-то из присутствующих, перед нами «классический вариант с нотками шика». Много яркого света, несколько искусно сервированных столов округлой формы, элегантные букеты цветов на них, мягкие стулья с резными спинками, приятная классическая музыка, радужные хрустальные люстры, отделка, выполненная из натуральных дорогих материалов цвета карамели. Присутствовали в зале даже пара изящных фонтанчиков и большие, в золоченых широких рамах картины. Слава Богу, на них была изображена природа, а не современная абстракция!

К тому же здесь был прекрасный обзор сразу в двух направлениях. Зал «Карамель» располагался на втором этаже, с одной стороны возвышаясь над концертной площадкой, на которой сейчас проводили чек-аут, настраивая звучание инструментов и усилителей, а другой стороной находился над одной из танцевальных площадок.

Сейчас на танцполе было пусто – как оказалось, ночная жизнь в «Горизонте» начинается строго в 23.30 по местному времени. Кстати, как объяснил директор клуба, при желании гостей можно было опустить особенные жалюзи, чтобы не слышать того, что творится внизу. Сначала я прилипла к той стороне, где настраивала звук целая команда техников, к которым чуть позже присоединились несколько музыкантов, а потом уселась за столик рядом с изящными перилами по приглашению отыскавшей меня Лины.

Сейчас почти все гости-журналисты, таскавшие бесплатные напитки и еду просто в бессовестно-огромных количествах, сидели на удобных белых стульях с мягкими спинками и

ждали начала концерта. Внизу понемногу стали собираться те, кто пришел на выступление «На краю». Здесь были и девушки, и юноши: кто младше меня, а кто старше. Были и довольно взрослые мужчины и даже женщины, зачем они решили прийти – мне было не понятно.

Последовав примеру своих мнимых коллег и перестав беспокоиться, что меня разоблачат, я набрала в тарелку всего понемногу. Лина развлекала меня и еще трех сидевших с нами за столиком журналистов своими байками из мира шоу-бизнеса.

Минут через сорок, когда уже самые голодные наелись, на сцене появилась группа «разогрева», а еще через полчаса наконец свершилось: «На краю» вышли на сцену. Поклонники разразились такими дикими воплями, что я прикрыла руки ушами. Мои соседи громкому звуку ничуть не удивились – наверное, часто бывают на подобных концертах.

Парни из группы за это время успели переодеться в еще более вызывающую и мрачную одежду. На лицах некоторых из них появились (или стали еще более заметными) подведенные глаза и прочий сценический грим. Количество ремешков, заклепок, кожи и латекса тоже заметно увеличилось.

Ор и гам фанатов перешел из бессвязных воплей в осознанный крик:

– На-кра-ю! На-кра-ю! На-кра-ю-у-у-у!!!

Лина что-то сказала мне, но я не разобрала ее слов – чтобы я услышала ее, коротко стриженной женщине пришлось бы орать мне в самое ухо. Она опять завела свою пессимистичную песню об этих парнях, кажущихся величественными на сцене.

– Я приветствую всех вас! – произнес в микрофон беловолосый Кей, поднимая вперед ладонь. Его несколько вкрадчивый и уверенный голос лидера разнесся по залу, и от этих четырех слов девушки-неформалки внизу завизжали, словно каждая из них нашла минимум по пять тысяч рублей. Или даже долларов.

– Сегодня особенный день, – говорил дальше солист группы, обводя янтарными глазами зал, – мы даем последний концерт в своем городе и предпоследний в России перед тем, как уехать в Германию на запись второго альбома. Мы все вас любим и очень благодарим за ту поддержку, которую вы нам оказывали в течение этого года!

Зал опять восторженно взревел. В это время, пока блондин говорил, близнецы из группы ходили по самому краю сцены и пожимали руки самым ярким фанатам, которые протиснулись к сцене, окруженной охраной. Кажется, зал был переполнен – на пресс-конференции Лина заметила, что директор велел продать куда больше билетов, чем было можно.

– Начнем? – задорно выкрикнул синеволосый, на секунду отбирая микрофон у коллеги по сцене. – Начнем или нет???

– Начнем! – заорал зал.

– А может, нам уйти? – надрывался парень, заводя толпу.

– Не-е-е-е-ет! – еще громче заорала публика, видимо, испугавшись, что в таком случае им не возместят деньги за билеты.

– Вы точно хотите нас слышать? – приложил свободную руку к уху неутомонный парень, снявший рубашку и остающийся сейчас в черной майке.

Да точно-точно. Иначе зачем бы они пришли? От скуки?

Зрители, которые едва ли не подпрыгивали от переполняющих их эмоций, очень громко сообщили своим кумирам, что они очень хотят, чтобы шоу началось.

И оно началось.

Заиграла тяжелая мрачная музыка, давящая на уши, яростно заметалось по сцене лазерное освещение, и не менее яростно стали выплескивать свою энергию застоявшиеся фанаты творчества группы «На краю», которые прыгали, толкались и хором подпевали солисту. Кей, взяв обеими руками микрофон и поднеся его близко к губам, исполнял самую первую популярную песню, сделавшую его группу известной едва ли не мгновенно. Песня называлась странно «Белый и горький», и речь здесь шла вовсе не о шоколаде, а о жутких любовных переживаниях не кого-нибудь, а маньяка-убийцы, между прочим. Я несколько раз слышала этот трек у Нинки (несколько сотен раз, если быть точной) и знала, чем кончатся маньяческие переживания: возлюбленная, которую он попытался похитить для создания здоровой ячейки общества, то есть семьи, зарезала его ножом и убежала. А он, несчастный и окровавленный, целовал выроненный ею платок, испачканный в его крови, пробуя его почему-то горький вкус, а потом-таки отошел в мир иной.

Увы, я успела послушать только одну эту песню. Из-за Нинки. Сначала она мне позвонила, но по понятным причинам я разговаривать с ней не стала – все равно слышно не будет. Потом она мне написала смс:

«Ты где? Немедленно приходи к залу, где была пресс-конференция!!!»

Пока я раздумывала, идти мне или не идти, она прислала еще штук пять подобных сообщений.

Лучше пойти. Нинка скорее всего убедилась в том, что магический способ привораживания не подействовал, и теперь рвет и мечет. Может быть, даже мечтает убить экстрасенса.

Да, у нее точно ничего не получилось – ее любимый Кей во все горло поет уже вторую песню, сжимая в руках микрофон так, что костяшки пальцев побелели. И ни к кому он не приворожился. Зато выдал сейчас мощный гроул^[12] в припеве, я аж вздрогнула! А глупая Нинка потеряла возможность поесть на халяву и посмотреть последний концерт в городе своих «милашек».

Я вышла из «Карамели» и с трудом нашла зал, в котором проводилась пресс-конференция. Сейчас там было относительно тихо и спокойно. Звуки рок-концерта были приглушены стенами.

Моя подруга стояла около входа в зал с крайне рассерженным видом, подпирая спиной стену. Голубые глаза пылали какой-то безграничной злобой, волосы были слегка растрепаны, ноздри трепетали.

– Ну, приворожила? – с откровенной усмешкой спросила я, приближаясь к Нинке.

– Ты дура? – не в тему спросила она.

– Нет, дура ты, Нина. Я заранее знала, что ничего не получится, – отозвалась я с превосходством. – Эта Альбина, или как ее там, жуткая шарлатанка. Но ты не расстраивайся, ты этого Кея и так закадришь. Наверное.

– Кто тебе сказал, что не подействовало? – обозленно прошипела она и стукнула кулаком по стене.

Если бы я, к примеру, видела ауру людей, как герои компьютерных игр, не сомневаюсь, что узрела бы вокруг Нинки настоящее огненное пламя!

Я опешила:

– Подействовало? Это как? – я абсолютно не верила в странную магию Альбины.

– Это обыкновенно! Но не на того! – невнятно объяснила Журавль, нервно дернув плечом. – Вот дерьмо, так ноги болят, а тут еще такое...

– Да какое? – едва ли не прыгала я вокруг подруги. – Расскажи! Что произошло?!

– Полнейший отстой, Катька...

Девушка принялась за свой рассказ, изредка с выражением вспоминая чью-нибудь маму или других родственников, а также прочие нелестные выражения.

Расставшись с Катриной, Нина спешно пошла в сторону гримерок. Удостоверение журналиста, болтавшееся на шее, сегодня пропускало ее туда, куда раньше ей как обычной фанатке вход был заказан. От осознания этого на пухлых розовых губках лжеангела играла почти что победная улыбка. Девушка привыкла, что она получает желаемое, а вот средства достижения цели ее совершенно не волновали – они могли быть любыми. К тому же с ней была любимая подруга, согласившаяся помочь и поддержать.

План клуба Нинкой был изучен уже давно, поэтому она знала, куда идти. В гримерную к группе ее, конечно, все равно не пропустят, но выполнить пункт № 2 она сумеет. Посмотрит своему Кею в глаза, когда он будет выходить оттуда, чтобы пройти на пресс-конференцию. Перед этим она не забыла выпить залпом содержимое бутылочки, которое показалось Нинке чуть подслащенной водой.

Она остановилась посередине коридора, по которому в пресс-зал должны были пройти музыканты.

Пункт № 2 удалось проверить очень легко – молодые люди вообще всегда обращали на нее внимание. Парни из группы «На краю», шедшие под предводительством приторно-красивого менеджера и пары сотрудников клуба, исключением не стали. Один из последних, важный дядька, игриво ей подмигнул.

Контакт глаза в глаза с Кеем получился. Увидев так близко своего будущего молодого человека (а в этом уверенная в себе Нина ни в коем случае не сомневалась), девушка почувствовала, как ее сердце переполняется бурной радостью и каким-то волнующим приятным чувством. «Ты будешь моим», – сказала она про себя, закусывая от радости нижнюю губу. Пластиковый пакет с магическими штучками она крепко сжимала в руках. Так как в саму комнату, где переодевались и гримировались музыканты, ей было не войти, девушка решила проводить все магические манипуляции около двери. Тем более в этом хорошо освещенном коридоре людей больше совершенно не наблюдалось.

Достав пирамидку Бое и положив пакет прямо на пол, Нина выполнила все требования с 4 до 7-го пункта: поводила руками над пирамидкой, представляя Кея во всей красе. Никто ей не мешал, и она совсем не торопилась. Затем снова выпила волшебной воды и стала ждать, когда сможет вновь увидеть солиста группы. Нина планировала так и оставаться возле двери гримерной – парни же все равно будут возвращаться обратно, и это прекрасный шанс пообщаться. Тем более что Альбина, когда брала деньги, заверяла, будто подсознательно настроила молодого человека на симпатию к ней, Нине.

Пункт 8 вызвал кое-какие сложности – красный камень любви следовало оставить в закрытой комнате, как в «месте сбора его энергетике». Подумав, девушка выбрала самый тоненький и маленький камушек и с трудом просунула его в щель между дверью и стеной, едва не сломав ноготь, – это послужило катализатором к тому, что в беспокойной головешке тут же начали придумываться сами собой не самые милые ругательства как для тех, кто строил и проектировал клуб, так и для Альбины и ее камней любви.

Мысленно наругавшись всласть, Нинка вновь встала около гримерной и принялась ждать, нетерпеливо постукивая ногой. Пока Нинка выполняла ритуал для приворота, мозоль

почему-то совсем перестала болеть, а теперь жгла кожу с новой силой, заставляя Журавля придумывать заковыристую брань еще и для продавцов из бутика. Подумав, что все равно никого нет, светловолосая девушка сняла туфли, и ей сразу же стало легче.

Пока Нинка размышляла с коварной улыбкой на лице о том, как она будет представлять Кея своим многочисленным знакомым, а также родственникам и как все ей обзавидуются, в полутемном коридоре появился чей-то мужской силуэт. Приглядевшись, Нинка с изумлением поняла, что это барабанщик любимой ею группы «На краю». Он шел, засунув руки в карманы, глядя под ноги и насвистывая что-то безмятежное. Как уже говорилось выше, этот парень имел прозвище Келла и отличался от своих одноклассников несколько эксцентричным характером, задорностью, веселостью и любовью к шуточкам, не всегда, впрочем, остроумным и приличным, а также хулиганским нравом и бесшабашностью, присущими многим молодым людям холерического темперамента. На ударной установке Келла играл с большим энтузиазмом и весьма профессионально – он мог выдавать неплохие скоростные сбивки, да и игра его, по словам одного из многочисленных Нинкиных знакомых, увлекающегося тяжелым роком в целом и барабанными партиями в частности, была «технична, музыкальна и мощна». На живых выступлениях группы нередко можно было услышать его соло-партии с замысловатым барабанным рисунком, поднимающие всеобщий драйв.

Нинке Келла, конечно же, нравился, но гораздо меньше беловолосого солиста. Из-за врожденной гордости девушка не стала бросаться на молодого музыканта с требованиями дать автограф и сфотографироваться на память, решив, что если у нее будет собственный Кей, то автографы и фото ей уже будут без надобности, а если и понадобятся, она спокойно их добудет.

Стараясь не обращать внимания на Келлу (это далось любопытной блондинке с трудом), Нина сделала вид, что ей интересен пол.

«Иди отсюда, иди, – про себя приказывала барабанщику она, – у меня тут дело экстрасенсорной важности. Иди мимо, мимо...»

Но молодой человек с синими волосами не послушался ее ментальных просьб, мимо проходить не стал, а, дошагав до двери в примерную, остановился, медленно повернул голову в ее сторону и очаровательно улыбнулся.

– Привет, милашка, – сказал он, оглядывая Нинку с ног до головы, словно хотел купить и не знал, сколько заплатить.

Немного ошарашенная таким поворотом событий, девушка кивнула головой.

– Что ты тут делаешь? – весело спросил Келла, все так же глядя на нее. Нинке совсем не нравилось, когда на нее так откровенно пялились, и она слегка занервничала.

– Стою, – процедила сквозь зубы она.

– Стоишь? – темные, чуть прищуренные глаза молодого человека остановились где-то в районе ее груди.

Девушке это явно не понравилось – она недовольно посмотрела на музыканта. Ей даже взгляда не пришлось поднимать: они оба были примерно одного роста.

– Ты красива, – вроде бы парень делал комплимент, но делал это с таким видом, словно красивой Ниночка была благодаря именно его собственным усилиям.

– Спасибо. Я знаю, – не удержалась блондинка от последнего предложения.

– Это знаю и я, кошечка.

Музыкант в скоростном режиме начинал Журавлику «разонравливаться». К тому же от

него пахло ненавистной мятной жвачкой, а мяту девушка не переносила с самого детства. Да и голос Келлы был с подозрительно дурашливыми нотками.

– Постоим вместе?

– Наверное, не стоит, – отодвинулась от него подальше Нина.

– Почему? У тебя обалденные ножки. Ты очень классная. Как раз для меня, – сделал ей еще один сомнительный комплимент молодой человек, улыбаясь во весь рот.

Нижняя его губа справа была украшена металлическим пирсингом-кольцом, в брови виднелась штанга с острыми шипами, да и оба уха были тоже проколоты – чего стоило только длинное спиральное украшение, тянущееся от хряща до мочки и называемое «индастриал штанга».

– Спасибо, – с неприязнью ответила девушка, – но я одна хочу побыть.

«Проваливай, что тебе надо?»

– Ты какая-то странная, – поморщился Келла. – Может, ты наша фанатка?

Нинка, которая начинала злиться, помотала головой.

«Что приперся, даун? Иди своей дорогой! У тебя пресс-конференция», – думала она про себя, но хамить не хотела. Вообще у нее была такая проблема – большинство людей девушку жутко раздражали, и всех их хотелось поставить на место, предварительно сказав им, сколько конкретно у них недостатков и куда нужно пойти, чтобы их исправить. Только вот часто ей приходилось молчать, улыбаться и строить из себя глупую и милую куклу, чтобы суметь понравиться людям и завладеть их доверием. Лишь избранные видели Нину Журавль такой, какой она была на самом деле, без покрова вечной маски добросердечного земного ангела, а именно ее лучшая и единственная подруга Катя, брат, сестра, родители, кое-какие другие родственники, а также некоторое число бывших поклонников, над которыми девушка любила поиздеваться. Превращение из ангела в демона их всегда шокировало. Младший брат Сергей по этому поводу как-то даже сыронизировал, что это «метаморфоза из феи в тролля», за что получил кучу подзатыльников и укусы руки от любящей сестренки. Увы, физически расправиться с Келлой блондинка не могла.

– Значит, ты просто так тут стоишь? – с такой же дебильной, по мнению Нины, улыбкой переспросил синеволосый и протянул: – Про-о-осто та-а-ак ничего не быва-а-ает... Точно просто так?

Она утвердительно тряхнула головой. Белокурые волосы упали на лицо вьющимися прядями – перед тем, как приехать в клуб, девушка долго мучила парикмахершу в любимом салоне красоты, и та в результате сделала ей красивую и пышную прическу, устав от своей назойливой и критичной клиентки так, как будто бы укладывала волосы по меньшей мере целому дивизиону гламурных девиц.

Келла, ничуть не стесняясь, осторожно заправил выпавшие пряди Ниночке за уши. Она от ярости побелела, но все еще молчала – прикосновения к себе она терпеть не могла, тем более от незнакомого «панка». Если бы рядом находились те, кто отлично знал характер девушки, они бы удивились такой ее длительной выдержке.

– Ты мне нравишься, – доверительно сообщил молодой человек, приближаясь к ней.

– Н-да? – Процедила сквозь идеально белые и ровные зубы Нинка, вопреки логике большинства обожающая посещать стоматолога.

– Очень, – с этими словами парень оперся рукой о стену очень близко с Нинкиным плечом и наклонился к ее лицу – их носы едва ли не соприкасались. – Повеселимся этой ночью, девочка, м?

Такое предложение, а также запах мяты прорвали барьер терпения незаметно сжимающей кулаки девушки, и она, бесцеремонно отпихнув от себя Келлу, который этого явно не ожидал, спросила сквозь зубы:

– Чего надо, мальчик?

Тот несколько удивленно поднял проколотую бровь и весело засмеялся.

– Не вижу ничего смешного. Лапы убери и скачи дальше, придурок. – презрительно посмотрела на него блондинка.

– Ну милашка... Так вот ты кака-а-ая... – протянул парень и поинтересовался нормальным голосом: – А почему ты туфли в руке держишь?

– Чтобы проломить череп тому, кто будет ко мне приставать. Шуруй давай, пока я добрая! – рявкнула Нинка, которую очень нервировало появление синеволосого. Вдруг она из-за этого идиота пропустит своего Кея? И тогда все пойдет насмарку...

А со сцены он казался таким клевым.

– Ты мне нравишься. Я хочу с тобой пообщаться поближе. Я Келла, а ты? – не обращая внимания на грозные интонации девушки, спросил он, внимательно глядя на нее чуть раскосыми светло-кариими глазами с черными крапинками вокруг зрачков.

– А я твоя смерть, придурок, – ничуть не стесняясь, огрела его по голове туфлей Нина – парень наклонился слишком близко к ее рассерженно искривленным губам.

– Ты чего?! – отпрыгнул Келла, и на его красивом и слегка асимметричном лице появилась неподдельная обида. – А если ты мне этим каблуком голову бы реально раскроила?

– Жаль, что не раскроила. Проваливай, давай в темпе, мальчик, – сжала губы в тонкую полоску Нина, небрежно вертя туфлю в воздухе. – Я же сказала – шуруй!

«Мальчик» молча посмотрел на девушку, явно что-то взвешивая в голове, потом как-то нехорошо улыбнулся и неуловимым движением вырвал из ее рук грозное оружие, купленное в дорогом обувном магазине. А потом подхватил Нинку на руки и затащил в гримерку, которая, к ее ужасу, оказалась открытой. А она ведь чуть ноготь не сломала, пока запихивала камень любви в щелку – и нужно ведь было всего лишь повернуть ручку двери!

Одновременно блондинка брыкалась, царапалась и пыталась укусить Келлу за руки. Один раз у нее это даже получилось – только вместо запястья она цапнула музыканта за шею. Наверное, парню стало больно, и он выпустил ее из рук.

– Чертова вампирка! – заорал он громко, перекрывая ее нецензурную трехэтажную брань. – Ты вообще девка?

– Нет, я мужик! – со всей силы огрела его по плечу Журавль (она целилась в голову, но музыкант ловко увернулся) и добавила еще пару ругательств, от которых слегка загорелые щеки Келлы покрылись стыдливым румянцем.

– Капец, ты... – пробормотал он, отбиваясь от цепких рук девушки. Пара ее ударов достигла своей цели. – Ну, в тебе и силы!

Молодой человек вновь приподнял ее и, стараясь увернуться от града ударов, бросил девушку на мягкий диван. А перед этим умудрился чмокнуть в щеку, разозлив Журавлика еще больше.

– Успокойся, – велел он.

– Сейчас. Не подходи! – ошетибилась блондинка, затаившись среди вороха одежды.

Келла неизвестно почему покачал головой и расхохотался.

Нинка краем глаза заметила в гримерной, в которую она раньше так мечтала попасть,

небольшой складной ножик, забытый кем-то на столике около большого зеркала. Кстати, как мельком успела заметить внимательная девушка, в этой комнате выглядело все не совсем так, как по ее представлениям должна была выглядеть гримерная музыкантов или артистов. Минимум мебели: несколько высоких зеркал с заставленными столиками, длинная металлическая вешалка с большим количеством концертной одежды, стол с пепельницами и водой, два мягких дивана, на которых кто-то складировал в беспорядке кучу вещей. Повсюду бутылки из-под колы и пива, обертки, смятые тексты песен и ноты, медиаторы, провода, рюкзаки или сумки, чья-то гитара в чехле в углу, еще одна рядом...

Заметив нож, порядком испуганная поведением уже бывшего кумира, Нинка, которая вполне отдавала себе отчет, что она намного слабее этого кретина с синими волосами и просто так с ним не справится, решила добыть холодное оружие и сбежать. Про Кея она на время вообще забыла. Какой тут Кей, когда на ее честь, возможно, покушаются идиоты!

Келла, весьма удивленный как физическими способностями, так и словарным запасом хрупкой и милой с виду высокой блондинки, решил немного передохнуть и отступил к двери, недовольно морщась. Одновременно он хулиганским голосом уверял девушку, что ей с ним понравится. Мол, он нежный, заботливый и все такое.

Нинка, которую он уронил на диван, затаилась. Осторожно проползая по чьей-то зеленой толстовке и черному пуловеру, она не сводила прищуренного взгляда с парня. А тот в свою очередь думал: «Боги, она на меня как змея смотрит!» – и размышлял, как бы успеть запереть девушку в комнате и сбежать. Андрей за столь длительное отсутствие на пресс-конференции по голове не погладит и опять наедет с претензиями... Времени у парня оставалось совсем мало.

Внезапно Нинка сделала прыжок вперед, напомнив Келле дикого миниатюрного кенгуру, схватила нож и, выставив его вперед, кинулась на опешившего барабанщика.

– Ты что?! – заорал он, не сомневаясь, что эта сумасшедшая с легкостью всадит ему нож куда-нибудь под ребра. – Убери, нельзя!

– Можно! – кровожадно фыркнула девушка, выставив нож перед собой. – Проваливай, наркоман!

– Я не наркоман, – очень скромно отошел от двери синеволосый, косясь на поблескивающий в электрическом свете нож.

– Ты просто псих! И дятел! Тупой скот! – с этим воплем Нина распахнула дверь и выбежала в коридор. Туфли она машинально сжимала в руках.

«Правду про него газеты писали – нарик проклятый!» – на ходу думала она, желая, чтобы барабанщика утащили куда-нибудь в преисподнюю.

Выглядывая из-за угла, светловолосая девушка выждала, когда синеволосый наглец уйдет, и вновь вернулась на свой пост, помня о том, что она должна пообщаться с Кеем. Сердце ее гневно выстукивало барабанный военный марш.

Только пообщаться этим вечером им все же не удалось. Когда она, почти через час, с замиранием сердца увидела толпу, идущую с пресс-конференции и состоящую из музыкантов ее любимой группы, откуда-то взявшихся техников, многочисленной администрации клуба, а также менеджера ребят с холеным лицом, Нинка уже готова была выскочить навстречу Кею, как вдруг ее опять заприметил сумасшедший огурец по имени Келла и с радостным восклицанием: «Моя малышка!» бросился к ней.

Журавль оторопела.

– Ты чего убежала? – укоризненно обратился он к девушке. – Я тебя напугал, да? Слушай,

прости, просто ты мне так реально понравилась, что я ступил... Не знаю, что со мной такое... Ты мне, короче, нравишься, леги.

Дальнейшее Нинка не слышала. Она вдруг перестала чувствовать стук сердца. В ее голове что-то щелкнуло (она искренне надеялась, что это не клюв), и, к своему огромному ужасу, Нина поняла, что магический ритуал каким-то образом влюбил в себя не Кея, а Келлу! Может быть, потому, что именно он увидел ее самым первым после ритуала, а может быть, еще по каким-то причинам.

«Я убью чертову ведьму Альбину своими руками! Чтобы она сгорела!» – никогда не подозревала себя в неправильных действиях девушка. Во всем и всегда были виноваты другие.

– Слушай, давай получше познакомимся, а то ты меня не так поняла, детка! – Направился к Нине Келла, когда как ее драгоценный Кей, не обращая на нее, красавицу с шикарнейшей прической и длиннющими ногами, никакого внимания, заходил в гримерную, разговаривая о чем-то с черноволосым бас-гитаристом!

Рядом с назойливым ударником же остался один из близнецов, в котором Нинка не без труда узнала Филя. Ей почему-то вспомнилось, что младшая сестра Кати, надоедливый и болтливый Нелька, этого самого Филя любит больше всех. Он, видите ли, самый милый, хотя на сцене может выглядеть очень диким.

– Ты знаешь, наркоман, – очень внимательно поглядела на молодого человека Нина, – лучше не надо.

– Почему? – несколько не обиделся синеволосый, во все глаза уставившись на девушку.

– Потому. И не приближайся ко мне, – сощурилась Нинка.

– Приходи на наш концерт, – вмешался вдруг Фил, поправляя рукой сложную светлокаштановую прическу. – Я вижу, ты Келле нравишься. И вообще ты здорово выглядишь, очень женственно.

Голос у гитариста был не таким противным, как у Келлы, и выглядел парень так же здорово, как на постерах. И не ел ее глазами. И вообще был каким-то по-детски трогательным, явно отличаясь от сценического имиджа. Поэтому ему Нина симпатизировала и грубить не стала.

– Извините, я занята, – с достоинством сказала девушка и направилась в противоположную сторону, одновременно думая, что в первую очередь она отрубит коварной мошеннице-экстрасенсу и как ей отвязаться от Келлы, которого ей просто хотелось пристрелить.

Второе место уверенно занимали мысли о том, как теперь ей, Нине Журавль, расчетливой и упрямой девушке, привыкшей добиваться своего, приворожить симпатяжку Кея?!

– Нет! Приходи, малышка! – то ли с надеждой, то ли с весельем в голосе выкрикнул Келла и молниеносным движением бросил на стоящий рядом одинокий столик с расположившимся на нем цветочным горшком узкую и длинную цветную бумажку. А потом... миг – и вырвал из рук девушки сумочку.

– Ты что, совсем <запрещено цензурой>!? – далее из уст Нины полетели новые забористые матерные выражения, достойные лучших сапожников. Но поймать коварного музыканта она так и не смогла – помешала непонятно откуда взявшаяся охрана, буравившая девушку тяжелым взглядом.

– Приходи на концерт! Там и отдам! – подмигнул ей синеволосый, прячась в

примерной. – Билет на столике! Я буду жда-а-ать!

В душе Нинки яростно заколыхалось пламя злости, грозящее перерасти в лютый пожар. От злости блондинка даже на пару секунд забыла, как дышать, и только лишь яростно сжимала кулаки, едва не сломав при этом ноготь.

В сумке оставались все деньги, кредитная карточка и множество других дорогих сердцу Нинки вещей вроде косметички, духов или флешки с любимыми ужастиками, с которыми девушка не желала расставаться. Конечно, она могла бы сейчас заявиться в примерную и устроить грандиозный скандал в своих самых лучших традициях, да только она не хотела показывать своего истинного лица Кею. К тому же ей что-то подсказывало, что ее приходу там явно не обрадуются и, несмотря на ее, Ниночкины, немалые достоинства, примут за фанатку и выставят вон.

Почти что полчаса Журавль успокаивалась, сидя на подоконнике в женском туалете и придумывая разнообразнейшие кары проклятому Келле и не менее проклятой Альбине за такую подставу. В милой головке проносились самые разнообразные сцены казни: от четвертования до утопления.

Это же надо такому случиться! Ее драгоценный план провалился! Кей не сможет быть ее собственным парнем! Наркоманский ублюдок Келла своровал сумку! Еще и шантажирует!

Сначала она хотела позвонить отцу, но потом передумала – тогда ей и самой достанется. Папа и так не одобряет всех этих походов в клубы. И вообще он думает, что средняя дочь сегодня пошла на Музейную ночь...

Чуть успокоившись, Журавль решила поговорить с Катриной, но почему-то связь отсутствовала, и Нинка смогла отправить смс и позвонить только через некоторое время. Плохая телефонная связь понизила ее настроение еще на пару градусов. Потом она все-таки написала Радовой сообщение, они встретились, и Нинка с видом рассерженной тигрицы сообщила, что с ней приключилось. Злость проходила. Присутствие лучшей подруги всегда ее успокаивало.

Ох, ну и зла же она была!

А я была поражена. Пусть и неправильно, но любовная магия, или как там называла свои манипуляции с энергетикой Альбина, действовала, и это было самым невероятным!

Это сработало! Нинка почти что приворожила Кея!!! Удивительное рядом! Хоть оно и неправильное...

– Чего радуешься? – хмуро глянула на меня подруга. – И что мне делать? На хрена мне этот кособокий урод?

– Кто? – не поняла я.

– Келла, кто! – взмахнула сразу обеими руками девушка. – Чертов ублюдок, угораздило же его появиться не вовремя!

– Да, я помню, он во время конференции уходил... а пришел счастливый донельзя, – вспомнился мне уход синеволового.

– Сумку-то твою пойдем выручать? – спросила я раздраженную подругу.

– А как ты думаешь? – огрызнулась она. – Там все мои вещи... Поганый извращенец! – завопила она внезапно.

Наверное, Келлу вспомнила.

– Слушай, может тебе согласиться хотя бы на этого синего? – спросила я ее. – Глядишь, так и к Кею подберешься. Келла этот не страшный совсем. И тоже музыкант.

– Хватит глупости говорить, – отмахнулась она. – Пошли в концертный зал. Я свои

деньги так просто ему не отдам. И вообще – никто не смеет мною манипулировать, тем более такой прыщ!

– Ну, он же из твоей любимой группы, – попыталась поддеть Журавлика я.

– Он теперь – исключение, – рявкнула подруга, которая быстро разочаровывалась в людях. – Идем! И я ему устрою прописку в аду, <запрещено цензурой>!

Лучше бы она вообще на концерт не ходила. Честное слово, я пыталась уговорить ее все-таки позвонить отцу. Он человек влиятельный. Вмиг разберется с пропажей сумки. Но Нинка упрямее самого противного осла – куда там мне ее уговорить!

На концерт Журавлю даже не понадобился оставленный барабанщиком билет – у нас ведь были журналистские пропуска.

Когда мы вошли в трясущийся и вибрирующий от топота, ора и громкой музыки зал, освещаемый мощными прожекторами, я прижалась к подруге – так страшно мне стало. Я в принципе знала, что такое слем, но попасть в него мне вовсе не улыбалось. Когда мы втиснулись в толпу, уверенный и усиленный микрофоном голос Кея разносился по всему залу:

– ...разделяйтесь на две половины! Давайте-давайте! Сделаем «стену смерти»! Когда я скажу три – и только когда я скажу три – разбегайтесь! Разбегайтесь, слышите?!

– Да-а-а-а-а! – взревел зал радостно.

Вот же мазохисты!

Слэм – это небольшой персональный ад, когда разгоряченная публика начинает агрессивно толкаться и врезаться друг в друга, махая руками и ногами. «Стена смерти» – своеобразная стенка на стенку. Это когда поклонники тяжелой музыки разбегаются и со всей дури врезаются друг в друга. Кому-то нравится и кто-то принимает в этом действе самое активное участие. А вот меня точно затопчут. Парни здесь совсем не маленькие и не хиленькие.

Моя подруга тоже это прекрасно понимала. Поэтому мы с Нинкой, молча взявшись за руки и уворачиваясь от прыгающих парней и девушек, подобралась к стеночке. Некоторые поступили так же – в слеме хотели участвовать не все, хотя желающих было очень много. Самые яростные из них образовали перед сценой с подбадривающими поклонников музыкантами мошпит – круг, в котором самые активные действия слема и производились. Именно там должна была сейчас появиться «стена смерти». Кажется, если я ничего не путаю.

Побралась мы к спасительной прохладной стене вовремя. Потому что буквально секунд через сорок Кей под мощные аккорды бас-гитары оглушительно закричал:

– Готовьтесь, готовьтесь! Раз... я говорю раз... два, малыши, не боитесь?... два.... Три!!!

И фанаты побежали друг на друга. Веселье началось под захлебывающиеся резкие звуки музыкальных инструментов.

Вроде бы мне слышались звуки врезающихся друг в друга тел, но, думаю, это мне всего лишь казалось от излишней эмоциональности.

Я не видела, что там происходило с бушующими поклонниками, но, судя по тому, как наверху, находясь в своем красивом VIP-зале, прилипли к перилам журналисты, на мошпите было весело! Сверху одновременно снимали на камеры и фотоаппараты. Еще бы, там, наверное, настоящая мясорубка! Кажется, про группу «На краю» напишут очень много статей.

– Распрыгались! – проорала мне на ухо еще больше обозленная Нинка.

Как бы у нее нервный тик не начался.

Я согласна кивнула головой.

Мы с ней стояли возле стенки довольно долго, дожидаясь, пока толпа успокоится полностью. Нинка хотела пробиться к самой сцене, потому как она не совсем понимала, как «синильный козел» разглядит ее в такой толпе.

– Сейчас пойдем к сцене! – громко, чтобы я слышала, орала она мне на самое ухо.

Я, чувствуя, как жесткая и громкая музыка заставляет вибрировать легкие, отвечала ей:

– Да ни за что!!! Я туда не пойду!

Мне было страшно идти в самую гущу разгоряченных любителей альтернативной музыки.

– Пойдешь! – кричала в ответ Нинка. – Ты же моя подруга! Немедленно пошли!

– Я не самоубийца!!! – пыталась я перекричать музыку и с сожалением констатировала, что сделать этого не смогу, даже если мой голос усилить в четыре раза.

Идти нам не пришлось. Наверное, Небеса услышали мои молитвы, и в очередном перерыве между песнями, когда одни музыканты разговаривали с публикой, а вторые жадно пили минералку (между прочим, потом стаканчики с водой ребята отдавали стоящим у самой сцены поклонникам, и те с радостью принимали «угощение» из их рук), синеволосый Келла вновь на какое-то время завладел микрофоном.

– Сегодня в этом зале моя любимая девушка! – весело прокричал он, близко подходя к микрофону и едва ли не касаясь его губами.

Мужская часть одобрительно подбодрила ударника. Женская – скорее расстроилась, но тоже зашумела.

– Я хочу сказать ей, как сильно я ее люблю! И хочу! – еще громче завопил парень, а я почувствовала боль – так сжала мою руку обозлившаяся Нина. Я за нее держалась, чтобы случайно «не потеряться».

– В полночь, в ВИП-зале «Конфетти» я жду тебя, моя леди! Приходи, я отдам тебе все самое дорогое! Ай лав ю!

– Е-е-е-е-е-е! – поддержали музыканта поклонники. – Приходи!

Я не знала, на кого мне глядеть с сочувствием: на далекого весельчака Келлу или на рядом стоящую, пылающую от гнева Нинку. Что-то мне подсказывает, что эти двое друг друга стоят.

А зал, приветствуя новую композицию, уже вновь погружался в очередное штормовое море музыки, рискуя в нем утонуть.

Мы покинули концертную площадку и направились к журналистам, за столики.

– «Я офдам тебе фсе фамое довое!» – противным голосом передразнивала Нинка этого странного Келлу. Почему-то в ее интерпретации он очень сильно шепелявил и имел тонкий гнусавый голос. – Да у него из всех вещей самое дорогое – это моя сумка!

– Думаешь, он такой бедный? – засомневалась я. – Они же вроде как музыканты довольно известные...

– Да ты знаешь, сколько стоила эта сумка? – зло пыхтя, прорычала подруга. – Да меня отец чуть не убил, когда я ее из Италии заказывала! Это, между прочим, «Версаче»! А мои кредитки? А заколка с кристаллами Сваровски? А ручка «Паркер»?

– Зачем тебе ручка «Паркер»? – очень удивилась я.

– Тебе не понять, ты все равно модой не интересуешься!

– Раз ты такая модная, слушала бы гламурный r'n'b! – не отступала я. – А не всякую там

альтернативу.

Подруга одарила меня таким тяжелым взглядом, что я перестала с ней спорить. Воспользовавшись этим, она вновь стала ругаться:

– Да если он мне мою сумку не отдаст, я ему сердце через нос вырву! Я его убью!

– Как?

– Его барабанные палочки в уши затолкаю, чтобы мозг.... Хотя, – осеклась она, – откуда у него мозг? У этой сволочи там вакуумное пространство сидит!

– Как вакуумное пространство может сидеть? – поинтересовалась я, припоминая физику. – Вакуум – это же среда.

– Среда, среда, – кивнула подруга. – Понимаешь, дорогая моя, когда мозг у человека выкипает, он превращается в газ. Газовую среду. А вакуум – это как раз состояние газа и есть. У него в башке вакуум, у этого проколото рыла...

– У него еще и губа проколота, и брови, – вставила я, уже откровенно веселясь. У меня теория с тараканами в голове, у нее с вакуумом...

– Да хватит меня перебивать!

– Успокойся, ты же его приворожила, вот парень теперь и хочет с тобой встретиться, – успокаивала я Нинку, озираясь, – на нас иногда с интересом смотрели люди, проходившие мимо, – подруга говорила вовсе не тихо.

– Там мои деньги! Там мои вещи! Да как он посмел! Моя сумка! Скотина!

– Ну, этот Келла же пообещал вернуть тебе все, – несколько опасливо тронула я за руку подругу. Та яростно прошипела:

– Пусть попробует не вернуть. Пусть. Я ему кишки на шею намотаю и повешу на них этого засранца! Я ему вены вытяну через уши и задущу ими! – очень мерзко расхохоталась подруга.

Даже я немного Нину сейчас боялась: столько ярости было в ее жестах и словах. Помоему, если Нинку подпустить близко к этому синеволосому, она кинется на него, как разъяренный лев на гладиатора, и попробует узнать, каков он на вкус.

– Я его печень съем! – воинственно заявила она мне, напоминая демона. – Выпью кровь! Порву желудок! Из вен сыр-косичку сделаю.

Как у нее еще глаза красными огоньками не загорелись и рога не выросли?

– Нина, ну я же ем, – возмутилась я, передергиваясь от таких подробностей.

– И что? – уставилась на меня та.

– Мне немного неприятно. Слегка так.

– Ничего, переживешь, – она подхватила длинной изящной вилкой со дна своей тарелки кусочек хорошо прожаренного мяса. – Вот так вот возьму и съем его селезенку! – с этими словами подруга запихала в рот еду. – И пфюфую!

Это она так слово «прожую» произнесла. Я отвернулась от нее. У меня нервы не стальные – вдруг тошнить начнет от ее слов. Воображение у меня богатое.

Хотя я понимаю злость подруги: она ехала сюда, абсолютно уверенная, что влюбит в себя милого сероглазого (или уже янтарноглазого?) Кея, а к ней в буквальном смысле прицепился совсем другой человек! И даже в примерную на руках зачем-то потащил – наверное, чести хотел лишить. Или другие пакости задумал.

Представив картину, где синеволосый, мерзко улыбаясь, бросает дико орущую и не желающую сдаваться Нинку на диванчик, я захихикала. Что за глупая ситуация? Это так на него методика экстрасенса подействовала? Может, и мне при случае тогда к Альбине

забежать? Мне менеджер понравился...

– Чего хихикаешь? – мрачно осведомилась Нинка, не сводя глаз с поющего Кея. – Проклятый жук-навозник... я ему ноги вырву и вместо них барабанные палочки вставлю. Ур-р-род.

Под навозником и уродом явно подразумевался коварный Келла. А я Нинке говорила, что все эти музыканты с приветом. Кто-то с маленьким, а этот синий – с большим.

Я не ответила. Пусть подруга и я вместе с ней попали в очередную глупую ситуацию, зато забавно вышло. Будет что вспомнить, так сказать. А Нинка уставилась на сцену, решив не ругаться, а наслаждаться музыкой и голосом ее несостоявшегося звездного парня. Взгляд ее сразу стал мягким.

– *Я бы отправил тебя к господину всея пороков,* – прошептал Кей завершающие слова одной из песен завораживающим шепотом, – *чтоб преподать тебе, тварь моя, пару простых уроков...*

Фанаты опять шумно возрадовались непонятно чему, подхватывая его зловецкие слова и завершая их:

– *Только найду тебя...*

Мдэ, ну и песня. Правда, поклонникам нравится...

Я внимательно посмотрела на Кея, уставшего, мокрого, но все еще энергичного и отчего-то искренне улыбающегося, точно зная, что он поет вживую. Всегда.

Сейчас мы с Журавликом сидели на удобных стульях VIP-зала «Карамель», как и остальные журналисты, пришедшие на халявный фуршет и концерт группы «На краю». Само выступление недавно закончилось, и благословенная тишина казалась непривычной, как афроамериканец в далекой сибирской деревеньке.

Писательской братии, впрочем, было все равно – есть музыка или ее нет. Она активно ждала ночного открытия клуба и не менее активно поглощала еду и напитки, которые чудесным образом все не исчезали со столов. Кое-кто уже так хорошо распробовал алкоголь, что несвязно разговаривал.

До начала ночной работы «Горизонта», тогда, когда все три этажа заполнятся любителями ночной жизни, дискотек, танцполов и диджеев, оставалось около часа. Любезный директор клуба, а также несколько его помощников с милыми улыбочками ходили между приглашенными журналистами и призывали «немного подождать, чтобы увидеть сегодняшнюю божественную ночную программу». Гостеприимно размахивая руками, директор клуба Игорь Иванович сообщил:

– Дорогие гости! Сегодняшний день – специально для вас! По своим удостоверениям вы сможете побывать в любых, так сказать, частях нашего заведения. Начиная от большого танцпола, заканчивая бильярдом. Так сказать, все для вас! Все для вас!

Журналисты ему вяло поаплодировали. Многим уже было все равно, где поглощать алкоголь.

Ой, он так статьи-то хвалебные хочет, что все разрешает. Наверное, конкуренции все-таки опасается. Зато это чистой воды везение для моей озлобленной и несчастной Нинки. Кстати, что характерно, по тому поводу, что у нее ничего не получилось с Кеем, подруга почти не переживает – все ее добрые и светлые чувства к нему были отодвинуты на второй план ненавистью к Келле.

– Ну вот, – повернулась я к Нинке, после того как директор растворился среди гостей, –

ходи где тебе хочется! Директор сказал, что для журналистов с их удостоверениями все открыто. Может, потом в журналисты податься, а? Халява такая... Найдешь свой «Конфетти», встретишься с...

Я замолчала, глядя на подругу. Пока я говорила, она ловко перехватила у одного из ребят-официантов сразу два высоких бокала с ядовито-синими коктейлями и теперь большими, совсем не женскими глотками поглощала содержимое одного из них.

– Ты что, напиться тут захотела? – вцепилась я во второй бокал. – Не смей!

У Нинки и алкоголя странные взаимоотношения. Пара бокалов вина или одна-две бутылки пива никак на нее не действуют, разве что делают ее активнее и злее, чем обычно. Но большее количество алкоголя полностью меняет психику этой чудачки – она становится белой и пушистой, лезет обниматься и вообще похожа на вулкан, извергающий из себя добро. Просто не человек, а ангел, меценат и добрых дел мастер в одном лице! В таком состоянии она добродушная и милая, как никогда. Готова сделать все что угодно даже для незнакомого человека. Побыв хорошей, излишне болтливой и чересчур щедрой, Нина начинает слабеть, вянуть, как застоявшийся в воде цветок, и домой ее приходится тащить чуть ли не на руках.

– Я не напиваюсь, – уже присосалась ко второму бокалу Нинка, вырвав его из моих рук, – я себя поддерживаю в тонусе.

Темно-синяя жидкость коктейля исчезала из бокала с огромной скоростью, и мне лишь оставалось печально наблюдать за этим.

– В каком таком тонусе? Не пей, пожалуйста, много, я не хочу тебя на себе тащить домой!

– А тебе и не придется, балбеска! Я знаю, что я делаю. И вообще в двенадцать я встречусь с синеволосям козлом, заберу свои вещи, ну и, конечно, расскажу ему, что воровать вещи у девушек – плохо. А потом мы с тобой пойдем веселиться, ясно? Тысяча чертей, – процитировала она одного из мушкетеров, – я найду его и заставлю пожалеть, что он такой недоносок!

– Думаешь, он считает себя недоноском? – скептически спросила я, вспоминая барабанщика. По его одному виду можно сказать, что у него самомнения выше крыши. Хотя до Нинки ему все-таки далеко.

– Я считаю. И этого достаточно, – потрясла кулаком в воздухе подруга. – Я из-за этого кретина не смогла Кея заполучить! Я его зарежу.

В подтверждение своих слов она потянулась рукой к коленям, на которых обычно лежала ее сумка. Сейчас там, естественно, было пусто – и ее рука нащупала не знакомое кожаное изделие, а воздух. Это рассердило Нинку еще больше, хотя я думала, что больше уже невозможно. Подруга, яростно потрясая гривой светлых волос, некрасиво ругалась, не стесняясь окружающих.

– Еще и мозоль болит! – горестно взвыла она, ударившись о ножку столика.

– Лучше бы папе рассказала, – произнесла я. – Он бы за тобой приехал хотя бы.

Такой вариант развития событий ее не устраивал.

– Ну уж нет. Я тут потусуюсь! И вообще вдруг Кеечку встречу. Я слышала, кто-то из этих говорил, – обвела чуть затуманенным взглядом присутствующих Нинка, – что Кей останется в клубе. А жаловаться я вообще не хочу. Со своими проблемами могу справиться сама. Сама, и только.

Ее губы вдруг растянулись в неприятной улыбке, а глаза забегали в разные стороны, как у воришки.

– Ты чего? – растерянно посмотрела я на подругу.

– Ничего, – отвечала она. – Мне нужно позвонить. Сиди здесь и никуда не уходи, а то потом ищи тебя по всему «Горизонту»!

С этими словами подруга бабочкой выпорхнула из-за стола и скрылась в толпе людей.

Вернулась она минут через пять, крайне довольная, поигрывая бусами.

– И кому ты звонила? – смерила я ее подозрительным взглядом.

– Папе римскому! – в руках у Нинки появился новый бокал. На этот раз коктейль в нем был не синим, а рубиново-красным, где-то на середине бокала плавно переходящим в желтый.

– Хватит пить! Ты не для этого сюда пришла! – рассердилась я.

– Я же сказала – мне для тонуса, – отрезала подруга. – У меня сегодня день великого стресса, а ты ноешь. И вообще это последний.

– Так кому звонила-то?

– Папе, – радостно отозвалась Нинка.

Я облегченно вздохнула. Надеюсь, ее родитель заберет нас отсюда.

– И когда он приедет? – осведомилась я.

– Скоро. Сказал, что сейчас с одним мужиком разберется и прикатит с ребятами.

– В смысле разберется? – не поняла я.

– В прямом. Папа сейчас на разборке какой-то, – хмыкнула Нинка. Она опять сняла свои туфли и, уже никого не стесняясь, сидела без них, босиком.

Я медленно перевела на подругу взгляд.

– На какой такой разборке?

Что-то не могу я представить представительного дядю Витю, главу семейства Журавлей, который в общем-то человек довольно хороший, хоть и нудный, пришедшим на бандитскую разборку. И не то у него социальное положение, чтобы такими глупостями заниматься.

Наверное, все-таки не стоило Нинке пить коктейли, потому что она стала нести какой-то бред.

– На обычной. Ты не знаешь, что такое «разборка»?

– Знаю. Но зачем ему на нее ехать? Ему делать больше нечего?

– Понятия не имею, – отрезала девушка. – Может, на него наехали, а может, он наехал на кого. Я же тебе не профессиональный уголовник со стажем. Откуда я знаю, чем Папа занимается?

– Зачем твоему папе бандитские разборки? – осторожно спросила я. – У него дела в фирме идут плохо?

– При чем тут мой отец? – рассвирепела Нинка. – Ты совсем с ума сошла? Тебе противопоказано в клубы ходить. Конечно, моему папочке заняться нечем, как в двенадцать ночи ехать на разборку! Он, наверное, весь свой офис собирает и мчится туда, не забыв прихватить с собой бейсбольные биты и стволы. А там его ждет другой бизнесмен со своими работниками. «Офисные войны», блин.

– Правда, что ли? – кажется, я глупею с каждой секундой.

– Ну конечно! – расхохоталась Нинка. – И Джордж Лукас будет про них фильмы снимать! Ой, Катя, умеешь ты настроение поднять! Надо же такие глупости еще умудриться сморозить, а?

Я растерялась:

– Но ты же сама сказала, что позвонила папе...

Она закрыла лицо ладонями и опять расхохоталась:

– Ой, Катя! Ну, ты даешь! Я позвонила не папе, а Папе. То есть не своему дорогому папочке!

– А чьему? – удивилась я, понимая, что кто-то из нас явно тупит. – Моему?

– Ага! Чтобы он сюда на своем холсте прилетел и всех кисточками распугал! Нет, он с собой Чуню возьмет, их все напугаются, и разборок вообще никаких не будет. Я позвонила Папе. Папа – это кличка, – принялась доходчиво объяснять мне подруга. – Ты наверняка его помнишь. Этого парня Иваном зовут, и он на «джипаре» разъезжает.

Я вздрогнула. Ивана этого я хорошо помнила. Здоровый мужик, у которого бритая налысо голова плавно перетекает в плечи, а лицо такое грубое, словно вырезанное из камня. На лбу у этого Ивана шикарный шрам в лучших традициях Франкенштейна. Нос переломан в двух местах и не отличается особой изящностью. Кажется, пару раз этот парень бывал в местах не столь отдаленных. И сейчас занимается чем-то противозаконным. Приятный человек, одним словом.

Каких только знакомых у Нинки нет!

А познакомились они совершенно случайно. Моя подруга сидела в такси и ждала собственного брата, который должен был вернуться из магазина, где продавали сноуборды и скейты, но запаздывал. Нинка сидела на переднем сидении и подпиливала ногти, очень сильно злясь на Сережку. Когда она в очередной раз выглянула в окно, чтобы посмотреть на дорогу, то ее взгляд наткнулся на появившегося, словно из воздуха, бугая со шрамом на лбу. Он оглядывался по сторонам и тяжело отдувался, словно ему пришлось немало побегать. Где-то вдалеке слышались крики, ругань и топот – за парнем мчалось не меньше пяти человек, очень похожих на него по комплекции.

Нинка верно решила, что просто так гнаться за человеком с харей бандита не будут. Тем более догоняющие очень громко грозились отправить накачанного парня в ад и поминали всех его родственников до восьмого колена. Они ясно давали понять, что если догонят бугая, то ему придется плохо. Поэтому подруга решила совершить добрый поступок, о котором хвасталась мне раз сорок пять. Перегнувшись через открытое окно, она крикнула:

– Запрыгивай в машину!

Несмотря на габариты, бугай ловко запрыгнул в авто, а Нинка, которой хотелось приключений на свою пятую непоседливую точку, велела водителю:

– Трогай, шеф!

Водитель тоже оказался далеко не слепым мужчиной – он прекрасно видел погоню. Поступок пассажирки его, конечно же, смутил, но перечить он не стал. Мало ли что этот здоровый детина, залезший на заднее сиденье, с ним сделает! Рассудив, что уж если теперь у него «на борту» столь сомнительный пассажир, которого следует опасаться, шофер с силой вдарил по газам и скрылся в облаке пыли, тайно радуясь, что номера у его такси забрызганы грязью.

Нинкин брат вышел из своего магазина, счастливо обнимая скейт, как раз в то время когда от такси с сестрой уже и след простыл, зато на дороге, потрясая кулаками, грозно ругались странные бритоголовые люди с большим количеством татуировок на руках и пальцах.

Таким образом, Нина и познакомилась с Иваном. Тот оказался не просто каким-то там гопником, а правой рукой местного городского криминального авторитета по кличке Сивый. У Вани тоже было прозвище (о котором я совершенно забыла) – друзья и недруги называли

его просто Папой. Как мне потом уже объяснила подруга, это из-за того, что у него была милая фамилия Папиков.

Господин Папиков, или просто Папа, был очень благодарен своей спасительнице, разузнал ее адрес и телефон и даже пригласил на ужин в дорожный ресторан. Там он назвал ее своею «сестренкой» и сказал, что сделает для Нинки все что угодно, стоит ей только попросить. Она не стеснялась и иногда просила кое о чем.

– Ты что, позвала этого бандита? – воскликнула я.

– Ага. Наподдаст пусть синему поганцу как следует!

Я схватилась за голову. Сама парня приворожила (пусть это произошло случайно, но это все-таки она виновата), а теперь еще и этого бугая Папу натравить на него хочет.

Пока я переживала насчет дальнейшей судьбы синеволосого, из толпы журналистов царственно выплыла коротко стриженная Лина, которой, по-видимому, было очень скучно.

– Ждете открытия, девочки? – обратилась она к нам.

– Ждем, – многообещающе произнесла Нинка. – Очень.

– Как вам концерт? – села, не спрашивая разрешения, рядом с нами критик известного музыкального журнала.

Я неопределенно пожала плечами. Выступление группы мы с Нинкой досматривали уже в этом VIP-зале, расположенном над сценой. Нинка целый час торчала у перил и смотрела на Кея, поющего или орущего очередную песню. Тогда выражение ее лица становилось умиленным. Изредка ее взгляд натыкался на Келлу, который сосредоточенно, в такт бешеной музыке, со всей силы бил по тарелкам и барабанам. Честно сказать, играл он неплохо, профессионально, но при каждом его соло Нина кривила лицо или даже демонстративно закрывала уши. За ней было бы очень забавно наблюдать постороннему человеку.

– Мне понравился концерт. Только их барабанщик... раздражает, – ответила тут же моя подруга, непроизвольно сжимая руки в кулаки. – Синеволосый чурбан.

– Да, барабанщик у них почти что мистер Эпатажность. Хотя, среди прочих рок-музыкантов он не слишком-то выделяется. Красить волосы синей краской – это уже неоригинально.

– Какой краской? – зло хохотнула Нина. – Он их в синьку окунул, теперь ходит, радуется! Знаете, как я его прозвала? Синильное Рыло.

Лина ужасно обрадовалась, что нашла человека, кто хоть в чем-то недолюбливает «На краю». Ведь, по ее словам, услышанным мною еще тогда, когда мы сидели рядом, «эта пресс-конференция абсолютно белая», то есть недоброжелательных представителей прессы на ней почти что не наблюдается.

– И играет он ужасно, – подхватила критикесса. – Да и не он один. Девочка, ты знаешь, что такое талант? – поинтересовалась Лина у Нинки.

Кажется, она тоже слегка выпила. Я, наверное, здесь одна трезвая осталась.

– Знаю, – тут же ответила подруга, кивая. Она возвела глаза к потолку и выдала: – Как говорил Горький, талант – как породистый конь, и необходимо научиться управлять им, а если дергать поводья во все стороны, конь превратится в клячу. Вот эту клячу с синей гривой мы могли наблюдать на сцене. Видали, как ее дергало?

Лина оценивающе улыбнулась. Сравнение «синеволосый – кляча» ей очень понравилось. Я думала, что она выдаст светловолосой девушке слова о таланте, принадлежащие Довлатову, те самые, что она говорила мне всего лишь пару часов назад, но критик блеснула новыми знаниями:

– Талант, по словам великого Бальзака – это развитие природных склонностей. Вы знаете Оноре де Бальзака?

Мне пришлось кивнуть, хотя и о нем я имела весьма смутные представления, а вот Нинка согласно заболтала головой, как болванчик. Ей нравилось показывать свою образованность и слышать похвалу за это. Тем более услышать похвалу от столичной известной гостьи...

– О, молодцы. Приятно видеть читающую молодежь. Так вот, талант есть развитие способностей. А у этого молодого человека с бесчисленными проколами способностей совсем нет. Один только ветер между ушами. Музыка – это великое искусство! А во что превратили его эти мальчишки? А вы видели это ужасное действие, когда их фанаты бросались друг на друга? И прыгали, прыгали... Всем повезло, что никому не пришлось вызывать «скорую»! Там же могли кого-то затоптать, не так ли? А музыканты, и особенно солист с этим синеволосым, побуждали толпу к этому ужасу! А тексты песен? Какая жестокость! Какая отсутствующая рифма! Какой полуночный бред! Кто их сочиняет?

– Давайте лучше о синеволосом! Говорят, он наркоман! – перевела тему Нина.

И эти две оставшиеся полчаса едва ли не по косточкам разобрали несчастного Келлу. Наверное, у него горели уши и он икал без остановки. Иногда Лина пыталась заговорить о Кее и других парнях, но Нинка это в корне пресекала. Потому что если моя сумасбродная подружка терпеть не могла только барабанщика, то Лина не слишком любила всю группу в целом. Про остальных Нина гадости слышать не хотела. Зато критик сумела немного пообсудить менеджера-красавчика, заявив, что он бабник, плагиатор и откровенная сволочь, которая пытается заработать на группе большие деньги. У меня появилось такое чувство, что Андрей и критикесса знакомы лично и отношения их не самые доброжелательные.

Нина и Лина сумели найти друг друга. Они сидели, словно две кумушки, и с открытой, ироничной злобой критиковали всех и вся, одновременно блистая знаниями в самых разных областях. Начали с Келлы и его менеджера, закончили первыми лицами страны. Когда парочка перешла на обсуждение одного из последних международных конфликтов, возмнив себя великими геополитиками, клуб вновь ожил. Одиннадцать тридцать – законное время начала ночной сессии. На противоположной от нас стороне, которая выходила своим балконом на большой танцпол, сначала тихо, разогреваясь, а потом все сильнее и сильнее зазвучала ритмичная музыка. То ли техно, то ли хаус – в этом я совсем не разбираюсь. Плавными невидимыми рывками громкий пульсирующий звук заполнял все пространство клуба. Одновременно с музыкой ожили и яркие неоновые цвета – это было включено световое оборудование. Повсюду заискрились все цвета радуги, в такт музыке, и выглядело это очень красиво.

– С вами диджей Скрин! И много-много-много часов драйва! – разносилось эхом по клубу.

Пришедшие потанцевать с воплями приветствовали диджея.

Жаль только, что я уже привыкла к тишине. Нинка, отвлекшись от женщины-критика, наклонилась ко мне и проорала:

– «Горизонт» окрыли для дебилов! Как раз почти двенадцать! Сейчас пойдем искать этого выродка!

Чтобы попасть во второй ВИП-зал «Конфетти», нам пришлось спуститься вниз, на первый уровень, – сначала нужно было пройти мимо танцпола и барной стойки, а потом еще

спуститься на нижний этаж.

Несмотря на то что клуб только-только открылся, уже множество людей находилось на танцплощадке и возле огромной пятиметровой барной стойки, да и все столики в зоне отдыха были заняты теми, кто хотел весело провести субботний вечер и ночь. Большое количество отдыхающих и веселящихся было на среднем уровне – то есть на балконах, расположенных по периметру танцевального зала, который как раз считался уровнем первым. На балкончиках было расположено много диванчиков, и в прошлый раз, когда я приходила в клуб вместе с Нинкой, мы сидели именно там, наблюдая шоу-программу сверху. ВИП-зал, где располагались журналисты, находился на третьем, верхнем уровне.

Нинка с сожалением оглядела нижний уровень – ей тоже хотелось на танцпол. Танцевать она обожала и делала это очень красиво. Все-таки не зря все детство в школу бального танца проходила, а потом еще и танцем живота занималась.

– Хочешь здесь остаться? – спросила я девушку, вновь повышая голос, чтобы моя речь достигла ушей Нинки.

– Нет, конечно. Пошли в это самое «Конфетти». Я сейчас его задушу, эту скотину. – Она никак не могла называть Келлу по имени. Она была зла на весь мир и выругалась вновь, оглядевшись: – Чертова алкашня.

Многие разогревались спиртными напитками – оба бармена были заняты нескончаемым потоком клиентов. Кстати говоря, встретить под сиянием цветочных эффектов можно было не только молодых людей и девушек – люди гораздо старшего возраста тоже были не прочь посетить «Горизонт» и хорошо провести время. Только вот подростков младше восемнадцати не было: фейс контроль работал усердно и не пропускал несовершеннолетних.

– Не отставай! – горела озлобленная Нинкина душа мстью, и девушка, несмотря на свои мозоли, быстрым пружинистым шагом направлялась мимо большой и медленно крутящейся в самом центре зала сцены в противоположный конец этого огромного помещения.

На сцене, кстати говоря, уже находился subtilный и сосредоточенный субъект в наушниках – веселый диджей. Он стоял, слегка покачиваясь в такт музыке около диджейского пульта, и проделывал какие-то манипуляции с вертушками. Именно он был источником всех этих ритмичных долбящих звуков.

Опасливо косясь на внушительных размеров дискобол, медленно вращающийся на самом верху, я поспешила за подругой. Почему-то этот огромный зеркальный шар мне не понравился еще в прошлый раз – я все боялась, что он оторвется и грохнется вниз.

Увернувшись от какого-то размахавшегося руками молодого человека, который, по моему, вошел в транс из-за однообразной музыки, я выдохнула и сердито уставилась в спину Нинки. Ну не люблю я такие шумные и людные места – что поделаешь?

Через пару минут мы вышли из этого царства громовой музыки и ярких подсветок, лазерной иллюминации и попали в холл. Музыка была слышна во много раз слабее, что не могло не радовать. Народу здесь было тоже совсем не мало – он все прибывал и прибывал.

– Смотри, куда прешь! – крикнула Нинка какой-то девушке, которая вместе с большой компанией шагала ко входу на танцплощадку. Кажется, девушка наступила ей на большую ногу.

– Сама смотри! – не осталась в долгу кудрявая и сильно загорелая брюнетка.

Остановившись, Нинка тут же высказала ей, почему та может считать себя ночной

бабочкой – только в нецензурных выражениях. Та тоже сказала Журавлю что-то обидное. Я испугалась, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы, но молодые люди, которые сопровождали брюнетку, решили не обострять конфликт и молча утащили ее подальше.

– Вот же шалава! Ну что ты стоишь, Катя, пошли быстрее! Вдруг он мои деньги украдет? – Хмуро кинула на меня взгляд Нина и повела дальше.

– Ты не веришь, что он в тебя влюбился? – с улыбкой поинтересовалась я.

– Верю, – не поворачиваясь ко мне, буркнула девушка, – я с этой Альбиной еще поговорю! И не напоминай мне о ней.

– Почему? – невинно спросила я.

– Потому что эта экстрасенсша, мать ее, у меня на втором месте в черном списке!

– Что это у тебя еще за черный список появился?

– Список тех, кого мне убить надо. И хватит задавать глупые вопросы, а то займешь там почетное третье место.

– Ну и ладно, – пробормотала я, понимая, кто в списке на почетном первом месте.

Мы еще раз спустились по высокой мраморной лестнице, прошли мимо огромного аквариума с желтыми и красными рыбками, испуганно шарахающимися от тех, кто стучал пальцами по стеклу. Пройдя мимо еще одной небольшой, но уютной барной стойки и входа на второй малый танцпол, изолированный от первого, мы остановились возле высоких дверей, ведущих в VIP-зал «Конфетти». Скучающая охрана, стоящая около них, увидела болтавшиеся на наших шеях удостоверения журналистов и пропустила. Приятно, ничего не скажешь. Один из мощных парней-стражников только сказал Нинке вежливым тоном, что ее ждут в первой комнате. Видимо, Келла предупредил охрану.

VIP-зал «Конфетти» состоял из четырех комнат, рассчитанных на десять-пятнадцать человек. И, как успела заметить подруга, каждая из них была оформлена в индийском стиле и имела многочисленные мягкие диваны, подушки и занавеси.

– Ты там была раньше? – заинтересовалась я.

– Была, – кивнула подруга. – Я же не то, что ты. Я везде успела побы...

Она замолчала на полуслове – одна из дверей, из-за которой тихо лилась какая-то нежная музыка без слов, приоткрылась, и к нам вышел синеволосый – все с такими же растрепанными волосами. Он приветливо нам помахал, держа в одной руке бокал с пивом. Потом указал пальцем на Нинку и поманил к себе. Морда у него была при этом наглая-пренаглая. У моей подружки от ярости даже глаза покраснели и ноздри затрепетали. Не Нина Журавль, а настоящий бык, увидевший беззащитного тореадора! Жаль только, что на этом Келле одежды красной нет – только черные джинсы с тяжелыми цепочками и светлая футболка.

– Нина, – успела я шепнуть ей, прежде чем она бросилась на парня, – не убивай его!

– Убью. Я буду его убивать, а ты иди и повеселись где-нибудь. Папа не отмажет нас двоих.

– Но... – растерялась я.

– Подожди меня там, – почему-то приказала мне добрая подруга. – Он ведь нарик. Мало ли что еще и с тобой сделает.

– Хэй! Как тебе концерт, леди? – выкрикнул синеволосый в это время.

Нинка ненавидит, когда ее ласково называют, и всяческие нежности тоже терпеть не может. Поэтому ее злость выросла еще чуть-чуть.

– Леди? – прошипела она.

– Ага. Ты моя леди. Иди ко мне. – Молодой человек вновь поманил ее ладонью, пальцы которой были унижены черными перстнями.

– Сейчас приду, – пообещала подруга.

Келла точно получит гордое звание самоубийцы!

– Жду, киса.

– Ну что? Ты готов к смерти, моллюск? – очень и очень нехорошо посмотрела на парня Нина, проигнорировав его слова.

Она небольшими, но твердыми шагами надвигалась на музыканта, потирая руки.

Тот как-то нервно сглотнул, но все равно ответил с улыбкой:

– Я готовился к встрече с тобой, медвежонок!

– Урод! Какой я тебе медвежонок? – неожиданно схватила его за ворот футболки девушка. – Я что, на медведя похожа? У меня волосатое коричневое лицо, страшная пасть и когти есть?! А? Живо отвечай, рыло!!

– Я... я не рыло, – попытался перехватить парень руки Нинки.

Наглость в нем постепенно испарялась. Кажется, его так еще никто не называл. И я его вполне понимаю – не каждый человек удостоивается такой «заманчивой» клички.

– Ну, если я, по-твоему, медведь, значит, ты – самое настоящее рыло, – стала трясти парня за плечи Нинка, – отдавай мою сумку, мерзкий придурок! Козлоногий выродок!

Интересно, а мне нужно идти и помогать Нинке трясти парня, или она сама управится? Вот уже ногами лягаться начала, как будто с детства занималась не танцами, а кикбоксингом.

– Слушай, – очень ловко увернулся от пинка Келла, – принцесса, я тебе твою сумку отдам, перестань же...

– Убью!

Вдруг Нинка прекратила боевые действия, прислушалась, повернув голову к приоткрытым дверям, откуда он вышел.

– А кто это сидит вместе с тобой? – вкрадчиво, словно кошка, проговорила она.

Синеволосый пожал плечами – поведение Нины внушало ему опасение.

– В VIP-комнате? – с недоумением спросил он. – Парни из группы. Ты же видела меня на сцене? Я крут? – и он рассмеялся, обнажая чуть заостренные зубы.

– Парни из группы? – сама у себя переспросила Нина. И вдруг лицо ее буквально просветлело.

Я тут же уловила ход ее мыслей – если там сейчас сидит группа «На краю», то и ее обожаемый Кей тоже там. А это просто невероятное везение...

Хищница почувствовала жертву и спешно натянула на себя маску невинной овечки.

– Извини... я очень нервная. А ты такой замечательный ударник. Талантливый, – вдруг очень милым голосом проговорила Нинка, аккуратно разглаживая складки футболки на плечах Келлы. – Я прямо засмотрелась на тебя.

– Да ну? – в голосе парня сквозило искреннее недоверие, как будто девушка сообщила ему, что она – прямой потомок марсианских правителей-инопланетян.

– Ну да, – ничуть не смутилась Нинка. – У тебя руки такие сильные, – не преминула заметить эта притворщица, все еще надеющаяся на встречу с Кеем. Она, задорно засмеявшись, провела ладонью по его предплечью. – И голос такой сексуальный. Скажи мне что-нибудь? Я ведь тебе нравлюсь?

От такой смены поведения в шоке была не только я, но и сам синеволосый. По-моему, если он купится на такую открытую лесть, то сможет считать себя дураком всю оставшуюся

жизнь.

И он купился! Поверить не могу, что такие глупые парни бывают!

– Ну... нравишься, – взглянул ей прямо в глаза Келла, проверяя, шутит ли девушка или нет.

– Тогда пойдём туда? – едва заметно кивнула Нинка в сторону комнаты. Кажется, оттуда медленно разносился тягучий и сладкий аромат кальяна. – Мы бы с тобой хорошо провели вместе время. Познакомишь меня с друзьями, представишь как свою девушку.

Обернувшись на меня и словно бы говоря: «Повеселись где-нибудь пока», Нинка, позволившая Келле взять себя за руку, направилась к своей мечте, которая, вероятно, курила в шикарной комнате кальян. Синеволосый с опаской вглядывался в лицо новоприобретенной девушки, ожидая подвоха. Последнее, что я слышала, были слова молодого человека о том, что он «просто офигел, когда увидел такую красотку».

Я в гордом одиночестве направилась вон из VIP-зала «Конфетти». Обиженная. И что мне тут делать одной? Я ведь даже одета совсем не по-клубному. Эта Нинка вечно так – сначала позовет с собой, а потом какую-нибудь свинью подложит. Никогда больше не соглашусь на ее уговоры.

Сначала я решила вернуться в «Карамель», но поняла, что абсолютно не запомнила дорогу туда. Потому, немного поразмыслив, я направилась на свободное место возле барной стойки, мимо которой мы шли. Над нею висел здоровый плазменный экран, транслирующий все, что происходит на большом танцполе. Вроде бы прошло не так много времени, а там народа стала раза в два больше, чем было.

Приобретя странный слабоалкогольный коктейль «Вирус весны» и отбившись от какого-то настойчивого мужика с ярко выраженным кавказским акцентом, желающего со мной познакомиться, я, ерзая, стала осматриваться по сторонам. Табурет был жесткий и неудобный. Слава Богу, хотя бы звук здесь был не такой громкий, как на танцполах, и людей намного меньше. И не такое яркое освещение, от которого рябит в глазах – скорее полумрак.

Вот же невезенье. Пришла в место, где нормальные люди развлекаются и отдыхают душой и телом одновременно, а сижу в одиночестве и скучаю. И Нинка хоть бы с собой позвала – мне бы тоже хотелось познакомиться с ребятами из группы. Так, ради интереса.

А чужое веселье теперь только лишь раздражает.

Напротив меня за одним из больших столиков расположилась очень шумная компания. Вот уж люди умеют веселиться! И смеются, и шутят, и напитки один за другим покупают, и девушки вокруг них слоняются.

– Выпьем за Наталью! – Выкрикнул кто-то из них и с шумом открыл шампанское. – Нимфа, за вас!

Наталья, длинноногая рыжая девушка с очень милостивым лицом, захихикала и залпом опрокинула бокал с искристым напитком.

– А теперь за прекрасную Елену! Не вы ль та самая Елена, из-за которой началась Троянская война? Не вас ли воспевал Гомер?

Еще одна девушка в очень коротком открытом платье засмеялась. Так же громко выпили и за нее. Я с возмущением глядела на них – чего так показушно радоваться, когда мне, несчастной и одинокой, скучно и грустно?

Оттянутся же парни. Точнее, не парни – я вгляделась в веселящихся – им уже лет по тридцать пять – сорок, не меньше. Один из них даже папу напоминает – одет в рубашку, похожую на томасовскую любимую и с такими же русыми растрепанными волосами до

плеч...

Напоминает ли?

Нет, не напоминает. Это и есть мой драгоценный родитель. С ума сойти, даже мой папочка посещает ночные клубы!

Как я раньше не узнала! Сидит в окружении своих друзей-художников и кучи девушек, говорит нетвердым голосом какой-то тост, посвященный творчеству и «великой старушке-Античности», которая почему-то «течет в наших жилах». А сам же сказал, что всю ночь в мастерской будет сидеть. Вот же врун несчастный! Но ничего, я ему сейчас обломаю веселье.

Дело в том, что Томас очень любит всячески развлекаться, но при собственных детях, то есть при мне, Эдгаре и Нельке, он старается выглядеть очень положительным и образцовым.

Я встала на ноги и подошла к веселящейся компании со спины. Один из дядек, который уже лет пятнадцать известен мне как Славон, заметил меня и ткнул папу в бок. Тот не обратил на тычок никакого внимания и продолжал говорить что-то игривое рыжеволосой Наталье.

Я, заметив взгляд Славона, приложила палец к губам. Тот пожал плечами и кивнул.

Это очень странный мужчина, кстати говоря. Самому лет так под пятьдесят, а он все называет себя вечным подростком, не терпит, когда его называют на «вы», и заставляет всех подряд величать себя не как-нибудь, а только Славонем. Совершенно чокнутый дяденька! Однажды он жил в нашей квартире около месяца – его шестая жена выгнала его из дома. А со своей седьмой супругой, у которой Славон живет до сих пор, он еще не познакомился. Так как своей жилплощади у папиного друга не было, Томас предложил ему пожить у нас. Мы все, кроме папы, чуть не сошли с ума от такого соседства. Славон едва ли не каждый день приглашал домой кучу знакомых, наплевав, что находится не у себя в квартире. Его гости пили, пели, ели, играли на различных музыкальных инструментах и шумно разговаривали. Папа был в восторге. Нашу квартиру посещали как люди искусства, так и представители цыганского табора и лица без определенного места жительства, которые обществу более известны как бомжи. Леша грозился выставить из дома и Томаса, и его друга, а мы с братом и сестрой горячо его в этом поддерживали. Ситуация накалилась под Новый год, когда я, Нелли и дядя ушли в совместный поход в супермаркет (такие походы бывают у нас не чаще чем один раз в году!). Брат тоже слинял из дома – в ближайшее интернет-кафе, не выдержав шума и гама. А папа уехал в командировку – на очередную выставку. В доме остался только Славон, который тут же пригласил «поиграть в картишки» пару друзей. Те, естественно, не замедлили прийти. Когда домой вернулись мы, нагруженные по самые уши покупками, то вдруг обнаружили, что не можем открыть двери, – чьи-то заботливые руки услужливо поменяли один из замков. Как же тогда разозлился Леша! Он словно оказался на месте тех несчастных девушек, которые прыгали у нас под дверь и грозились убить неверного Алексея. Теперь он сам стучался в свою собственную квартиру, пинал дверь и грозился вызвать милицию. Добрые соседи открыто злорадствовали. А за стенами нашей квартиры тем временем шла веселая гулянка, в ходе которой Славон благополучно заснул, а его гости невежливо сообщили моему дяде, что не пустят в дом их друга неизвестно кого, и посоветовали Леше уйти на три народные буквы.

В результате мы поделили покупки на троих и отправились в разные стороны – приближалась ночь. А провести ее в подъезде никому не хотелось. Нелька пошла к какой-то своей приятельнице, я нашла приют в Нинкином доме, которую охватила настоящая истерика, когда она узнала причину моей временной «бездомности», а дядя уехал к

очередной подружке.

В свою квартиру мы попали только следующим вечером – когда прилетел папа. После этого Томас упросил какого-то знакомого принять на время Славона. Знакомому этот сумасшедший надоел достаточно быстро, и он сплавил его двоюродной сестре, которая отчаянно искала мужа.

Я тихо остановилась за спиной папы, не забыв спрятать лже-удостоверение в кармане, и тронула его за плечо. В это время в клубе почему-то заиграл ремикс на «Розовую Пантеру».

[Купить полную версию книги](#)

notes

Тадайма – с японского переводится как «Я вернулся, я дома».

Охаё – с японского переводится как «привет» и является неформальным вариантом приветствия.

Онэгай симас – с японского переводится как «пожалуйста». Это очень вежливая форма.

Сама – одна из приставок имени в японском языке, означающая большое уважение. В данном случае Нелли использует эту форму язвительно.

Няшный – в русскоязычной среде любителей аниме это слово означает что-то вроде «милый, прикольный, крутой».

Кавай – с японского переводится как «милый, хорошенький, прелестный».

Яххо – неформальное японское приветствие.

Десу – отглагольная связка в японском языке, используемая любителями аниме-культуры как подтверждение сказанного. Само по себе ничего не значит.

Игтай – с японского переводится как «ой, больно».

Охаё годзаймас – с японского переводится как «доброе утро».

Каккоии – с японского переводится как «крутой, красивый, офигительный!».

Гроул и скрим – виды альтернативного вокала, популярные в рок-музыке.